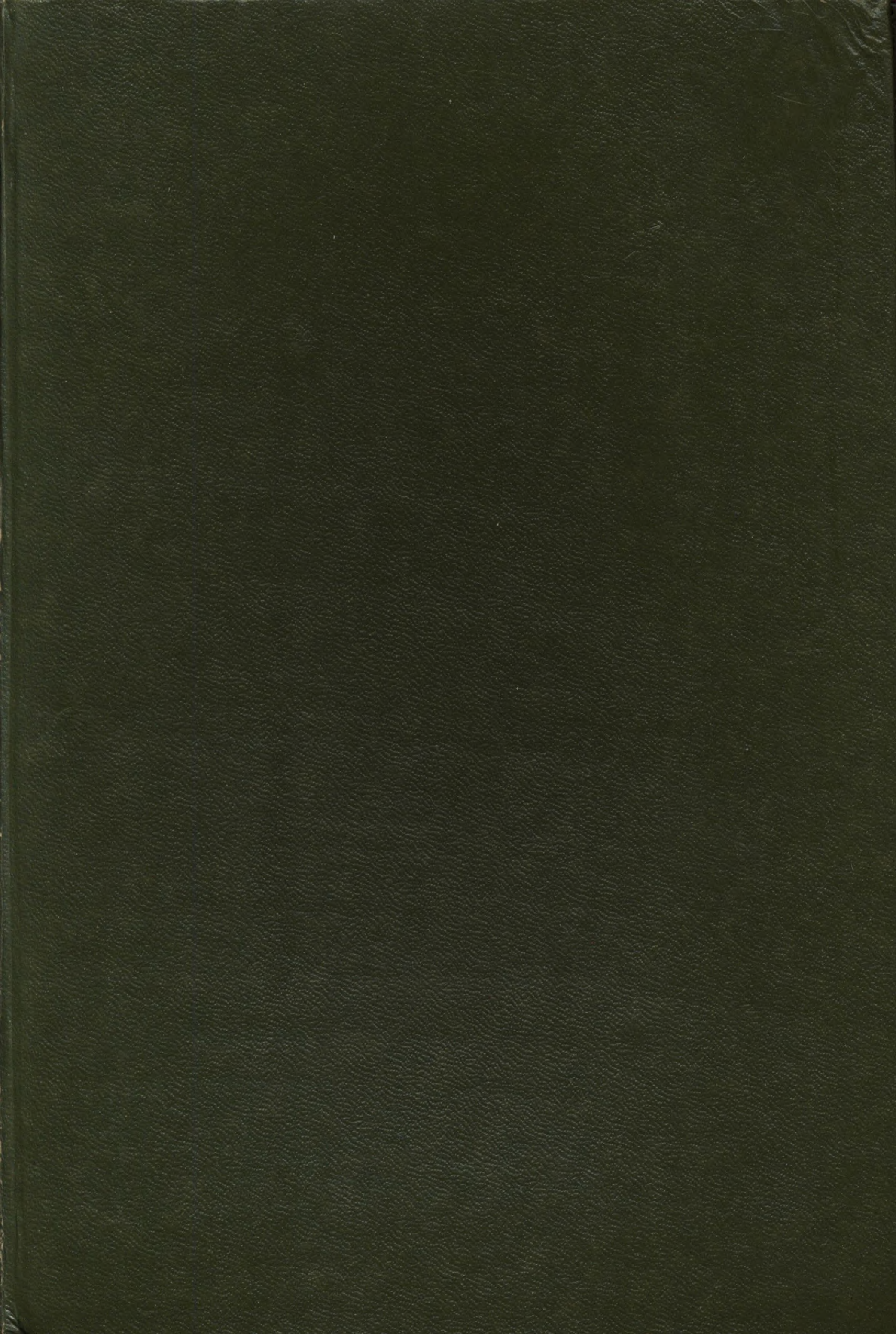

Ст. КРАСНИКОВ

СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ КИРОВ

Жизнь и деятельность

3КП1(092)
К78

О Сергее Мироновиче Кирове после его трагической гибели было написано немало биографических очерков, повестей, воспоминаний, исторических исследований. На многих этих произведениях сказалось влияние культа личности.

Автор книги С. В. Красников, не претендуя дать полное исследование жизни и деятельности Сергея Мироновича, попытался на основании воспоминаний, архивных документов воссоздать правдивый облик большевика-ленинца.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Уважаемые читатели, ваши отзывы о книге шлите по адресу: Москва, Миусская пл., д. 7, Издательство политической литературы.

Жизнь и деятельность С. М. Ки-
рова — одна из ярких и волнующ
судеб человеческих. Он
всем, что нужно про
волюционеру, — н
врагам, бес
ром вдох
буна.
в нем
стью
ж

I.

ПУТЬ К ИСТИНЕ

Найти свою дорогу, узнать свое место в жизни — в этом все для человека, это для него значит сделаться самим собою.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

«Живите хорошо»

Горе входит без стука. В семью Костриковых оно вторглось 11 декабря 1893 года[1] — умирала Екатерина Кузьминична, или, как ее звали запросто, Кузьмовна.

Когда-то хорошенькая молодайка и ее супруг кряжистый Мирон грезили о счастливой жизни. Молоды, здоровы. Родители Кузьмовны оставили им в наследство рубленый дом на Полстоваловской улице уездного города Уржума. Надеялись, что не обойдут их щедрой милостью господь-бог и царь-батюшка. Но вот пошли дети. Четверо, один за другим, умерли еще в пеленках. В живых остались младшие: Анюта, Сережа, Лиза. Можно бы и радоваться. Но едоков прибыло, а заработки отца не покрывали даже самых скромных расходов семьи. Сдали бо́льшую половину дома квартирантам Самарцевым, пошла в прачки Кузьмовна, а просвету никакого — штрафы, подати...

Мирон всяко пробовал выбиться из нужды. Был и хозяином постоялого двора и лесничим — гроши. Метнулся в губернский город Вятку на «чугунку», усердно рыл там землю, враз носил по две шпалы. Насыпь — гора, а получка — неполная пригоршня медяков, да и те уплывали: вычеты, обсчеты, вымогательства... Мирон злился, запил. Затем подался на Урал да там и пропал без вести.

На руках Кузьмовны — трое малышей. Жить не на что. Все-то хозяйство — кривоногая коза Шимка, прогнутый самовар, медный бак для воды. Продать нечего. Затемно уходила Кузьмовна на поденщину, вечерами стирала в господских

[1] До 14 февраля 1918 года даты приводятся по старому стилю.

домах, а дети — одни, без присмотра, без горячей пищи. И решила хозяйка вновь открыть постоялый двор, как это делали ее покойный отец Кузьма Казанцев и муж Мирон. Решила и закаялась. В субботнюю, воскресную, а то и три ночи кряду в горнице не продохнуть от сизого дыма махорки, перегара сивухи и вонючих портянок. Четыре года изнурительного труда сломили и без того хрупкую женщину.

Мысли и чувства матери всегда обращены к детям. В прощальные минуты Екатерина Кузьминична только и успела сказать:

— Живите хорошо...

К несчастным переселилась бабушка Меланья Авдеевна. Она-то лучше других знает участь обездоленных. Сама — круглая сирота, приемыш крепостной семьи... Замуж выдали так же, как и пушкинскую няню Лариных («Мне с плачем косу расплели да с пеньем в церковь повели...»). Вскоре ее мужа Ивана Кострикова угнали на четверть века в солдаты. Так и не вернулся домой. Солдатка-вдова перенесла надежды на сына Мирошку. Надежды оказались несбыточными. Теперь вот и невестку похоронила. Внучат надобно поднимать, да хватит ли ее никудышного здоровья...

Остаток зимы прожили благополучно. Днем Анюта и Сережа помогали бабушке в домашней работе: носили воду, рубили дрова... Вечерами Авдеевна рассказывала сказки, чаще про сиротскую долю.

Весной ходили на кладбище, привели в порядок могилу Кузьмовны, дорожку посыпали желтым песком.

К лету сбережения Меланьи Авдеевны, припасенные на собственные похороны, кончились. Жить лишь на ее пенсию и квартирные трудно. Обувь поизносилась. Судебный пристав увел за недоимки Шимку с козленком, унес самовар. В чулане — ни зернышка. Как быть с детьми? Пустить по миру? Затеряются, пропадут. Где же искать помощи, у кого?

Уржум — типичная глухомань Руси. Зимы здесь трескучие, лета комариные, власти жестокие. Высятся над городом стражи империи: собор, тюрьма, ведомства, не жди помощи. Стоят под «сенью закона» добротные особняки купцов и лесопромышленников. Сытно живут там, откормочно. Сходить к ним? Ой, нет. Полвека гнула Авдеевна спину в тех домах и знает: богатство алчное, голодного не разумеет.

Жили напротив ссыльные. Полиция обзывает их разбойниками. Авдеевна никакого разбоя за ними не замечала.

Люди как люди, просвещенные, в очках и на скрипке играют. Лишнего куска хлеба не имеют, а совет дать могут. Они-то и надоумили, сами же и прошение составили.

Начались хлопоты по присутственным местам. Совет благотворительного общества высказался за то, чтобы определить Кузьмовниных детей в приют, а власти — ни в какую! Взятку дать не из чего, и неграмотная старуха дерзнула обратиться к акцизному чиновнику, чьих детей в свое время нянчила. Пришла к нему на службу, бросилась в ноги: «Замолви, сударь, слово за сиротушек».— «Это не моя ком-пэтенция».— «Бог един, царь один...» — «Выжила ты, бабка, из ума. Дом имеешь, государь три рубля пожаловал тебе за мужа».— «О господи, людей много, а человека не сыщешь,— причитала Авдеевна.— Не обуть мне их, не одеть, кормить нечем... Анютке во второй класс... Пора бы и мальцу в школу...»

Приютские

Подруги покойной Кузьмовны и квартирантка Устинья Самарцева (вдова с четырьмя детьми) внесли за Костриковых подати, привели во двор Шимку с козленком. Анютку пристроили свинопаской у барыни Зубаревой. И еще радость, полонившая сердце бабушки: добрые люди помогли устроить Сережу в приютский дом. Мальчик хороший: настырностью в отца пошел, а доброта от матери. Может, бог даст, сапожником или шорником станет. Дело в руках — хлеб в устах.

Уржумский дом призрения стоял в конце Воскресенской улицы. Августовским утром 1894 года бабушка и Сережа переступили его трухлявый порог. Жалко было Авдеевне отдавать внука в чужие руки. Он, вскрикивая «Мама, мам!..», просился домой. Высокая тетенька в пенсне ввела его в мрачную комнату с бревенчатыми ребрами, указала на топчан:

— Здесь теперь твой дом, мальчик.

Единственный в городе детский приют стоял на косогоре и выглядел блокированным островком обездоленных. Жандармы требовали, чтобы воспитанники не общались со ссыльными. Исправник грозился самолично выпороть всякого, кто осмелится попрошайничать у знатных дам. Священники позаботились, чтобы в приюте молитвы читались восемь раз в сутки. В воскресенье и праздники малышей водили

на богомолье в... тюремную церковь (в собор голодранцев не пускали). Пища скудная: овсянка, пареная репа, щи. Некоторые дети не выдерживали приютских условий, удирали.

Но Сереже некуда было податься. Свыкся он с новыми условиями жизни, подружился с приютскими, охотно вязал носки, плел лукошки, приобщался к сапожному и переплетному делу. Воспитательница Юлия Константиновна Глушкова заметила у малыша способность к рисованию, музыкальный слух, познакомила с нотами, рекомендовала в церковный хор мальчиков. Она же повела Сережу и в школу. Здесь он впервые узнал, что кроме бога, царя и Уржума на свете есть еще много городов, моря, а речка Уржумка вовсе не кончается за большим лесом.

Учился Костриков старательно, выделялся любознательностью. Первая половина дня проходила в церковноприходской школе, вторая — в мастерских приюта, где обучались всяким ремеслам. Затем уборка двора, улицы, вечерняя молитва и крепкий детский сон на соломенном матрасе. Сережа не хныкал, был полон надежд: завтра он в школе узнает еще что-нибудь про моря, высокие горы и вулканы, о таком, чего даже бабушка не знает.

В новогодний праздник Кострикова отпустили домой.

Сережа вначале пошел на кладбище. Сугробы рыхлые. Ограда и кресты казались привидениями. Страшно в темноте. Заснеженную могилу матери опознал по кресту. Смел шапкой снег с перекладины, прошептал: «Не беспокойся, мама, мы живем хорошо», а затем, нахлобучив шапку, отправился к сестрам, бабушке.

Весной 1897 года Костриков окончил приходскую школу и по ходатайству Ю. К. Глушковой был переведен в городское училище. Училище размещалось в двухэтажном каменном доме на Полстоваловской. Саня Самарцев учился там уже два года, вызвался показать классы. Костриков был восхищен: окна большие, парты и полы крашены, стены белые.

Костриков учился год от году все лучше, много читал, из класса в класс переходил с поощрениями.

Летом, когда в училище кончались занятия, Сережа вместе с сестрами работал у барыни Зубаревой; помогал бабушке заготовить дрова на зиму; чинил обувь и даже ремонтировал крышу. Авдеевна не могла нахвалиться: внук унаследовал отцовскую хватку в работе, а уж послушный — весь в Кузьмовну.

Трое в одной шинели

В последних числах августа 1901 года в Казань приехал подросток — смуглый, жесткие волосы срезаны с «огрехами», в руке самодельный чемоданчик, крашенный брусничным соком. Все здесь (в сравнении с Уржумом) показалось невероятным: и закопченные корпуса громадных заводов, и великаны пароходы, и широченная Волга.

Казанское промышленное училище располагало хорошо по тому времени оборудованными учебно-производственными мастерскими. Специалистов здесь готовили высокой квалификации, и фабриканты брали их нарасхват. Кострикова зачислили в первый класс механического отделения училища. Узнав обо всем этом, сестры и Юлия Константиновна несказанно обрадовались; и только бабушка усомнилась: мастеровыми становятся люди пожилые, потаскает лямку годиков двадцать, а уж потом...

Квартировал Сергей у родственницы председателя Уржумского благотворительного общества. Хозяйка сдавала комнаты студентам. Новичку достался угол прихожей. Спал на сундуке, крышка выпуклая, окована накрест железными полосами — лежать коротко, жестко. Но Костриков счастлив: он станет механиком! Он был на «седьмом небе» еще и оттого, что не только видел, но и общался — жил под одной крышей — со студентами, образованности которых так завидовал!

Ближе всех он сошелся со студентом Казанского университета Владиславом Спасским. Владислав помогал ему изготовлять технические чертежи, разбираться в сложных электрических схемах. В свободные от учебы часы давал Кострикову брошюры полулегального содержания, пригласил даже на «Фауста», и Сергей впервые побывал в настоящем театре. Он же, Спасский, водил дружка на студенческие сходки. Жадно слушал впечатлительный подросток выступления ораторов и начинал понимать, что они, эти дерзкие парни, выступают против несправедливости таких же, как и в Уржуме, жмотов-богатеев. Это совпадало с выстраданными им самим взглядами, и он, не задумываясь о последствиях, ринулся в общий поток борьбы с царским самодержавием. Остепенил Спасский: «Ты, Серега, не лезь на эшафот. У тебя бабушка больная, сестры учатся... И вообще, имей в виду: политическая борьба — штуковина рискованная, требует конспирации».

В своих воспоминаниях В. Спасский точно подметил и волевые качества Сергея. «У Кострикова,— пишет он,— были золотые руки... Не было такой вещи, такого механизма, который он, взявшись, не починил бы или не сделал. Иногда много вечеров подряд просиживал он, добиваясь своего, и добивался-таки. Особенно Сережа любил математику, физику и химию — в этой области у него были замечательные способности». Однажды они задумали смастерить электромоторчик. Денег нет, готовых блоков не достать. Спасский охладел. Сергей же упорствовал, упорствовал до тех пор, пока не изготовил мотор. Сколько было радости! Но так как Владислав окончательно обносился, Костриков снес свое детище на рынок, продал, а другу купил новые брюки. Сам же, застенчиво уединяясь, чинил свои сапоги.

На второй год Уржумское благотворительное общество гарантировало Кострикову оплату только за учение. Сергей оказался без единого гроша. Хозяйка выселила. Ютился на вокзале. Осунулся. Белье грязное. Одноклассники Асеев и Яковлев, снимавшие комнату у портного, взяли Кострикова к себе. На троих — две пары сапог, две сдвинутые железные койки; уроки готовили на кухне после ужина хозяев. А жить на какие средства? Портной от услуг Кострикова отказался — заказов мало. Пришлось идти на разгрузку барж. Сергею нет еще и семнадцати, сильно уставал, времени на подготовку уроков не хватало.

И все же учился он без «троек», без задолженностей по контрольным чертежам. Бывший заведующий учебной частью училища (позже профессор Казанского университета) П. Жаков вспоминает: «Сергей Костриков был настолько беден, что не мог питаться даже в очень дешевой столовой... Отсутствие близких, плохие бытовые условия, постоянное недоедание могли бы вызвать у другого уныние и подавить всякое желание учебы. Не такой был Сергей. Он интересовался не только своей непосредственной учебой, он стремился расширить свой кругозор путем чтения книг по литературе и в беседах обнаруживал острый критический ум».

Первые летние каникулы Костриков был на производственной практике. На второе лето приехал в Уржум, приехал «зайцем», в старой шинели, прикрывавшей изношенную нательную рубаху. С Лизой встретился у калитки. Она взглянула на расползшуюся по швам шинель и вскинула от изумления брови.

— Не удивляйся, сестрица. Одна на троих!

Когда вошли в дом и желанный гость снял шинель, Меланья Авдеевна заголосила, сравнивая внука с Христосом-мучеником. Анюта обняла бабушку, успокаивала, говорила, что Сережа — молодец.

— Молодец-то молодец, да где бедности конец?

— Придет конец и бедности! — воскликнул Сергей.

Авдеевна поняла внука так, как ей хотелось и как думала она все эти годы: выучится грамоте, должность получит.

— Нет, светик, добрый разум наживают не разом.

— А вот и разом! Все дворцы перейдут в руки рабочих.

— Из грязи в князи? — Старуха вздрогнула и замахала в испуге руками: — Политик? Свят-свят! О господи, упаси дитя мое...

Позже Костриков ругал себя за такое бахвальство. Но в ту минуту его смешила растерянность бабушки. Он схватил сестер за руки, увлек на Уржумку купаться, а бабушка, все еще крестясь, ушла доить Шимку, такую же старчески-беззубую, как и ее хозяйка.

Тайна

Лодка свернула в заводь, в камыши. В лодке двое: Костриков и старый друг Саша Самарцев, приехавший в Уржум по окончании Вятского реального. Они вместе готовили дом к зиме, вместе совершали прогулки. Тогда-то, летом 1903 года, близко сошлись с политическими ссыльными, жившими коммуной на Полстоваловской.

В то лето социал-демократы повсеместно активизировали свою работу — готовились ко II съезду РСДРП. Съезд, возможно, уже начался. Надо бы помогать партии и здесь, в Уржуме. Но как? В маленьком городе все жители на виду, каждый шаг ссыльного регистрируется. Присмотревшись к Самарцеву и Кострикову, ссыльные решили, что эти парни наиболее подходящи для задуманного дела: грамотны, из бедных; главное же — несовершеннолетние и подозрений у царской охранки не вызовут. Для начала дали им кое-что почитать, а там видно будет.

Саня вынул из-за пазухи потертые листки, подал на корму Сергею, а сам стоял в лодке и смотрел вокруг. Костриков начал взволнованным полушепотом:

— «Российская социал-демократическая рабочая партия. ИСКРА. Из искры возгорится пламя. Ответ декабристов Пушкину. № 10. Ноябрь 1901 года». Саня, ты зришь?

— Зрю.

— «Каторжные правила и каторжный приговор». Гм... Гм... Это про какие-то «Временные правила об участии населения пострадавших от неурожая...» Длинная. Вот: «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов. Иваново-Вознесенск... Серпухов... Санкт-Петербург... Урал...» Во! Во!!

— Тише, Серж.

— Во! Стачка у русского царя! — Костриков читал приглушенным голосом: — «7 октября в находящемся на Южном берегу Крыма имении русского царя «Ливадия» произошел великий скандал: забастовало 50 рабочих. Причина забастовки — недовольство рабочих несправедливой выдачей денег и грубым обращением... Вот тебе и царь,— говорит даже темная еще рабочая масса,— выходит, что кровь нашу он пьет не хуже любого подрядчика».

Сергей вспомнил рассказ матери про отца, как стучал он по столу, нещадно ругая какого-то подрядчика: «Убью жадину!..» В душе Кострикова глухо шевельнулась жалость к отцу, к матери... Он молча сложил неполный экземпляр десятого номера «Искры», молча подал Самарцеву и начал просматривать отдельные заметки, отпечатанные на пишущей машинке.

— Саня, а вот про шпионов. Почитаем?

— Конечно!

В листке — заметка из газеты «Искра» от 1 сентября 1902 года (№ 24) — сообщалось о предательстве наборщика нежинской типографии Абрама Каплан. На допросе выдал социал-демократов, предложил даже взять его в агенты охранки. (Послышался шелест камыша, Костриков насторожился. Самарцев улыбнулся, успокоил: «Утка с выводками. Читай!») Сергей продолжал:

— «Из области жандармских секретов... В Спб. по Екатерининскому каналу, дом № 45, кв. 17, проживает с женой агент страхового о-ва «Эквитебль»... Этот мерзавец расставляет сети и ловит жертвы... Вот его приметы: лет ему 50, низкого роста, лысый...» — Костриков негодующе сплюнул:

— А ну его, черта плешивого! Давай лучше эту прочтем, а то солнце уже зашло.

Они прочли письмо ссыльных студентов из Сибири. Студенты рассказывали об условиях ссылки, о возникших между ними разногласиях и как они преодолели эти разногласия. Письмо заканчивалось призывом, оставившим неизгладимое впечатление у Кострикова. «С каждым днем растет самосознание русского рабочего класса... Наш долг, товарищи,— писали студенты,— наша святая обязанность пойти на помощь к этому проснувшемуся великану-*освободителю,* к этому победоносному борцу и могильщику самодержавия. К нему, к рабочему классу, должны мы снести все крохи своих знаний; ему, и только ему, должны мы отдать все свои силы и самих себя...»

Когда ребята вернулись с реки, ссыльные решили поговорить с ними насчет выпуска прокламации. Очень нужна! В типографии Гросса днюют и ночуют жандармы... Речники малограмотны, и далековато... Ребята поняли, возгорелись: согласны отпечатать!

— Только, братцы,— предупредили их,— наисекретнейше!

— Конспиративно?

— Вот именно! Если вас схватят — рот на замок!

Получив текст листовки и должный инструктаж, ребята принялись за рискованное дело. Нашли бумагу, краски, глицерин. Костриков (будущий механик!) собственноручно изготовил гектограф и нужные к нему приспособления. Листовка получится жгучая. В ней бичуется царизм и произвол уржумских правителей. Раньше Костриков с сожалением смотрел на ссыльных: бедно одеты, молчаливы, тощие. Теперь же он понял, что революционеры — люди храбрые, если так решительно призывают к борьбе с самим царем. От них начинается путь истинный.

Тихим летним вечером Сергей и Александр ушли на реку. Когда же город уснул, они ползком пробрались по бороздам между грядками. Терпко пахли росистые укроп и огурцы. У бани Самарцевых перевели дыхание, осмотрелись, открыли без скрипа дверь. Ни бабушка, ни Устинья Степановна — никто не должен знать. Интересно, когда рискованно, а еще — если *тайно*!

Дверь бани на крючке. Окошко завешено бабушкиным передником. Вздрагивает пламя свечки. Прокламации оттискиваются тихо-тихо. Самарцев, сдвинув занавеску, выглянул в щелку на залитую луной улицу и вздрогнул:

— Серж, квартальный у дома ссыльных.
— Ну и что? Он всегда там торчит.
— Не страшно?
— Не! Политические, знаешь, даже на эшафот идут бесстрашно!

А на лбу Кострикова все же к оспинкам добавились крапинки пота, и листок дрожит в руке. Юные храбрецы считают, что это совсем не страх. Душно в бане... И с непривычки...

Листовка была размножена. Гектограф по совету ссыльных закопали в условленном месте. В ночь с субботы на воскресенье Костриков и Самарцев разбросали прокламацию на базарных прилавках, на телегах, под которыми храпели приехавшие мужики. Запестрели листовки и в нарядных палисадниках на Воскресенской, даже в подворотне исправника. Там риска было больше...

Рано утром исправник уже носился на пролетке по городу, кричал, грозился кулаком в небо. Полицейские, собирая листовки, шныряли по задворкам, переулкам. Нагнется толстяк, а ветер — фить листовку, и понеслась она дальше по улице! Исполнители печатной «крамолы» горделиво стояли у калитки, упоенные тем, что *тайну* знают лишь они и что им хоть раз удалось насолить «толстопузым мундирам».

Уржумцы долго помнили то воскресенье.

Так юный Костриков впервые выполнил поручение партии.

Важная веха

1903/04 последний год учения в Казани начался для Кострикова полным отказом уржумских попечителей в выплате стипендии.

Сергей перебивался случайными заработками, пособием кассы учащихся, помощью дружков, щедростью которых не злоупотреблял — сами крохи собирают в городских столовых. Жил впроголодь. Ослаб. Заболел малярией. Начал сдавать в учебе. Тогда преподаватели стали под различного рода предлогами зазывать его к себе на квартиру, угощали обедом. На таких обедах Сергей чувствовал себя крайне застенчиво, старался отблагодарить хозяев какой-либо работой: нарубить дров, починить обувь, переплести книги. А с февраля по июнь определили ему пособие по пяти рублей в месяц.

Тот учебный год был важной вехой в формировании мировоззрения Кострикова. В его взглядах раньше всего проявился атеизм. Чем больше он углублялся в учебники, тем сильнее убеждался, что наука всеми своими доказательствами ведет к отрицанию «всевышнего духа». Да и в жизни, в быту нагляделся: самые, казалось бы, набожные люди — священники, судьи, прокуроры — творят самые что ни на есть безбожные пакости... Сказались на формировании взглядов Сергея и общение со студентами, и чтение ленинской «Искры», и беседы с уржумскими ссыльными. За убеждениями последовало действие. 8 ноября ученики третьего класса механического отделения не выполнили письменной работы по закону божию, а через неделю отказались отвечать и устно.

Прискакал окружной инспектор, выявил зачинщиков, наложил на училище карантин. Несмотря на запрет, «смутьяны» — Костриков, Асеев и Яковлев — ушли к студентам на любительский спектакль, где их и поймал надзиратель Макаров. Посадили в карцер. Начальство строчило проект приказа об отчислении. Узнав об этом, учащиеся гурьбой отправились к домам надзирателя и директора Рузова, пропели под окнами «Вечную память». Утром 18 ноября они шумно заполнили актовый зал. Надзиратель тряс кулаками: «Бунт? Марш на занятия!» В ответ послышались выкрики: «Не выгоняйте из училища ребят!» Костриков, отсидевший ночь в карцере, стоял за колонной ни жив ни мертв: а вдруг исключат?..

На кафедре показались директор и полицмейстер. Зал притих. Начальство пошепталось, и вместо угроз, Рузов начал уговаривать учащихся, чтобы они шли в аудитории. Никто не шелохнулся. «Ждете, что скажу о Кострикове и его дружках? Будем считать их выходку мальчишеством. Пусть учатся и набираются ума...»

Костриков действительно набирался ума. В те сутки он пережил многое, зато к его атеистическим убеждениям прибавилась еще одна уверенность: дружным напором можно сломить даже грозное начальство. И еще: если и рисковать, то ради большого дела! Пылкий, порывистый юноша становился сдержаннее, наблюдательнее.

Большой школой для Сергея послужила заводская практика. Он, старшекурсник, проходил ее на заводе братьев Крестовниковых. В цехах, где изготовлялись свечи и мыло,— едкие пары, нестерпимая жара. Обмороки, увечья, ожоги

кислотой — явления повседневные, но жаловаться не смей! Потрясенный виденным, Костриков писал в Уржум: «Здесь рабочие работают день и ночь и круглый год без всяких праздников... Зачем это один блаженствует, ни черта не делает, а другой никакого отдыха не знает и живет в страшной нужде...» До сих пор Костриков считал, что труднее всех приходится бедному студенту и приютским. Теперь же понял: рабочему еще труднее — семью кормить нужно и труд тяжкий. До сих пор он общо представлял себе борьбу с царизмом. Теперь же пришел к выводу, что революционные потоки бывают разные: студенческие сходки — поток бурный и привлекательный, но извилист, как горный ручей, тогда как борьба рабочих — течение глубокое, могучее, только оно надежный путь к истине.

* * *

В июне 1904 года Сергей Костриков окончил Казанское промышленное училище с наградой первой степени (а сверх — вручили готовальню). В Уржуме он появился в форменной тужурке, на фуражке — значок с изображением молотка и разводного ключа. На второй день ходили на кладбище. Доложить матери было что: Анна — учительница, Сергей — механик, Лиза учится в гимназии. Далеко не все богатеи могут так похвастаться своими детьми. Так что завет Кузьмовны «Живите хорошо» выполняется!

В последующие дни настроение Сергея резко упало. В центральной части города та же скука, все то же мещанское прозябание. На окраинах в покосившихся избах — рыдания-причитания по родным и близким, сложившим свои головы на войне в Маньчжурии... Чего нужно Уржуму от далекой Маньчжурии? Ссыльные говорят, что Николай II развязал грабительскую войну, надо бы парализовать водный и железнодорожный транспорт, призывать солдат к дезертирству. Но что сделаешь в этом проклятом Уржуме? Как в яме!..

Костриков навестил и приют.

Угостив Сергея чаем, Юлия Константиновна подарила ему пару нательного белья и сатиновую сорочку с перламутровыми пуговицами. Прощаясь, сказала ласково:

— С богом, мой мальчик. Будь хоть ты счастлив.

II.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ

Поездка за мечтой

Томск был основан еще при Борисе Годунове. Позже царское самодержавие проложило через этот город зловещий тракт, по которому, гремя цепями, прошли три поколения русских революционеров. К началу XX века Томск, «сортировочная столица каторжан», превратился в крупный административно-хозяйственный центр Западной Сибири с населением до 70 тысяч человек.

К осени 1904 года Томск пополнился еще одним жителем, не ссыльным, не опальным вельможей, не политзаключенным — приехал юный механик Костриков. Причина поездки именно в Томск случайна. В то лето в Уржуме отдыхал Иван Никонов — студент Томского технологического института. Он-то и сманил. Они вместе приехали в Томск. Сергей и поселился у Никонова: Кондратьевская, 7.

Томск испытывал острую нужду в механиках, а Костриков медлил. Уже и деньги вышли, которые бабушка давала ему «про черный день», а он все медлил, медлил больше месяца и устроился... чертежником строительного отдела городской управы. Чем могло прельстить это затхлое ведомство? Может, Сергея уговорили местные социал-демократы? Допустимо. Революционно настроенный паренек уже познакомился с ними. А как быть с заветной мечтой, ради которой он и приехал в Томск? Костриков хотел продолжить учение, получить высшее образование, а потому 15 октября он написал губернатору прошение о выдаче ему «свидетельства о политической благонадежности для поступления на общеобразовательные курсы» при технологическом институте, дающие аттестат зрелости. Избрание управы местом работы было,

скорее всего, тактическим шагом: и разрешение на курсы последовало незамедлительно, и подпольщики имели своего человека в городских «верхах». Словом, все устроилось как нельзя лучше: Костриков работал, получал жалованье, утолял в учебе жажду знаний, готовился в институт. Он станет инженером-машиностроителем!

Томская социал-демократическая организация зародилась еще в конце XIX века. Вначале в нее вошли ссыльные революционеры, затем местные рабочие — печатники, железнодорожники и студенты. В 1902 году образовался Томский комитет РСДРП. С 1903 года томская организация вошла в подчинение Сибирского комитета, избранного на I конференции Сибирского союза РСДРП (Иркутск). Весной 1904 года почти весь состав Томского комитета был арестован. Оправившись от жандармских ударов, подпольщики организовали марксистский кружок. Им руководили большевики Г. И. Крамольников (Пригорный), ставший при Советской власти ученым, профессором, и талантливый конспиратор А. И. Смирнов (в 1918 году расстрелян колчаковцами). В этом кружке занимался и Сергей Костриков. Здесь он впервые взял в руки «Манифест Коммунистической партии», впервые открыл страницы книги Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии», около трех месяцев вдумчиво вчитывался в первый том «Капитала» Карла Маркса, знакомился с произведениями В. И. Ленина.

...Никонов, ворочаясь на койке, пытался уснуть. Сергей сидел за столом, читал книгу В. И. Ленина «Что делать?». Имена, названия журналов и произведений, упоминаемых в книге, ему были неизвестны; смутно разбирался в тред-юнионизме, бернштейнианстве. Некоторые страницы читал вслух. Никонов не выдержал:

— Хватит, давай спать.

— Не могу, Ваня. Единственный экземпляр. Ребята ждут книгу.

Костриков снова погрузился в чтение. Каждая глава вводила его в новый мир все дальше и глубже. Неужели автором этой книги является тот самый Ульянов, о котором Сергей много слышал на сходках казанских студентов?

Сергей задумался, расстегнул воротник, поднялся, тихонько прошел мимо спящего Никонова, залпом выпил ковшик воды. Вернувшись к столу, он сбил нагар с фитиля коптилки и снова «побежал» по строкам, а когда закончил чте-

ние книги — вернулся к заключительному аккорду первой главы. «История,— читал он с волнением,— поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного звания...» [1]

Авангард! Теперь стало совершенно понятно, почему газета «Искра» устами ссыльных студентов Сибири призывает отдать рабочему классу «все свои силы и самих себя». Юный мечтатель даже вскочил. «Эх, мама-мама, знала бы ты, что такое жить хорошо!» Костриков сдернул с окна одеяло. Уже рассветало. На улице выпала пороша. Рабочий люд в полушубках и промасленных ватниках шел навстречу трудовому дню.

В татьянин день

Начало революционной деятельности Кострикова совпало с началом первой русской революции. В ноябре 1904 года он вступил в РСДРП (партийная кличка Серж), в декабре его кооптировали в Томский подкомитет (пропагандистская группа при партийном комитете). А в январе 1905 года в стране грянула буря.

О Кровавом воскресенье местные газеты сообщили с опозданием, завуалированно, но томичи узнали правду из других источников. Железнодорожники, закрыв семафоры, начали митинги протеста. Студенты побежали на место сходки. Торговцы вздули цены. У банка, тюрьмы и пересыльного пункта выставлена усиленная охрана. Исполняющий обязанности губернатора Бирюков приказал привести войска гарнизона в боевую готовность. Полицмейстер Аршаулов и жандармский полковник Романов разъезжали по городу в сопровождении казаков. Местная буржуазия, лавируя, вырабатывала для начала тактику «и вашим и нашим». А тут еще подоспел день святой Татьяны и праздник просвещения. Оба праздника

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 6, стр. 28.

всегда проводились в один день, 12 января, но в 1905 году они совпали со 150-летием Московского университета. Дата юбилейная — солидный предлог для отвлечения студентов от политических событий. Ректоры института и университета, директора 12 гимназий и училищ спешно готовили банкет. Архиерей Макарий служил молебен «За веру, царя и просвещенное отечество». В движение пришли все сословия города. Томский комитет РСДРП решил использовать банкет в революционных целях, превратить его в политический митинг.

В самый разгар банкета в зале словно из-под земли выросли дружинники (боевики). По двое встали у входа, у запасных дверей, у кафедры. Возглавлял дружинников Сергей Костриков. Учредители банкета возмущались: «Безобразие! Полицию!» Пристав метнулся к выходу, но там боевики показали ему револьверы и скомандовали: «Сядьте, ваше благородие!» В зале поднялся шум, крик. Удерживать захваченный банкет, тем более изрядно подвыпивших господ, становилось все труднее. Костриков, призывая к порядку, поминутно глядел на входную дверь. Скорее бы шли! Но вот обе половины дверей распахнулись, и в зал хлынули рабочие. Начался митинг. Представители Сибирского союза РСДРП и Томского комитета сообщили о начале революции в России, изложили ближайшие задачи. Митинг принял резолюцию, призывающую к всеобщей стачке на Сибирской железной дороге, к бойкоту русско-японской войны, к свержению царского самодержавия и созыву Учредительного собрания. Митинг закончился пением революционных песен [1].

Кровь на знамени

В семье Кононовых Сергея принимали как родного. Иосиф и его старший брат Егор работали наборщиками в типографии, вместе с Костриковым занимались в марксистском кружке. Сергей больше дружил с Иосифом: почти одногодки, оба решительные, едины во взглядах.

---

[1] Об этом митинге директор департамента томской полиции записал: «...Произносились речи противоправительственного содержания, пелись революционные песни... принята резолюция о необходимости организовать восстание по всей линии Сибирской железной дороги».

В последний вечер Ульяна Веденеевна была особенно внимательна к сыновьям и застенчивому Сереже. Подавая им горячие оладьи и малиновый чай, она выговаривала младшему:

— Ты, Еся, не простудись. Вишь, как Егорушке грудь разрывает кашель. Шарф я тебе связала. Носи...

Иосиф был так погружен в думы о предстоящем, что даже не слышал голоса матери. Завтра — демонстрация, первая в Томске политическая демонстрация. В пригласительных билетах-листовках — дерзновенные призывы: «Долой войну!», «Долой царскую монархию!..», «Да здравствует революция по всей России!» Иосиф будет знаменосцем. Сергею поручено лично охранять его, а в случае чего... поднять знамя, нести дальше. Молодые партийцы хорошо понимали, в кого полиция начнет стрелять раньше. «Идти под пулями, идти бесстрашно вперед, чтобы увлечь на борьбу и тех, кто еще не решается,— это и есть, наверное, революция»,— думал Костриков и, поблагодарив хозяйку за оладьи, снял с гвоздя ушанку.

Иосиф вызвался проводить. Вышли на улицу. Морозную тишину нарушали лишь скрип полозьев да ленивый переклич слободских дворняжек. Над трубами хибар столбился дым. С ночного небосвода вывалилась яркая звезда, пролетела между собором и университетом. Иосиф и Сергей провожали ее взглядом, пока звезда не упала в далекую тайгу. Оба невольно подумали: «Чья закатилась?» — и оба устыдились.

— Значит, к десяти?

— К десяти...

Утром 18 января на Почтамтскую стекались рабочие, студенты, домохозяйки, гимназисты и курсисты. Город словно замер. Лавки закрыты. Извозчиков нет. Зато вдоль мостков-тротуаров теснились наряды полицейских. Демонстранты построились в колонну, двинулись и не сразу в лад запели «Марсельезу». Мороз обжигал. Застыли в инее пихты, насторожились вековые кедры. В окнах домов — вытянутые лица обывателей... Костриков, сжимая в кармане заряженный «лефош», шел впереди, рядом со знаменосцем. Он впервые на такой демонстрации. И все-то у него впервые, волнующе-захватывающее. Что же захватывало дух? Сибирский мороз? А почему жарко? Будет жарко! Это он настоял, чтобы демонстрация была непременно вооруженной. А на полотнище-то: «Долой царя-кровопийцу!» Будет жарко...

Демонстранты свернули в переулок (к недостроенному пассажу купца Второва) и... увидели: с Воскресенской горы, из-за водонапорной башни, выскочила полусотня казаков. Блеснули шашки, взметнулись над башлыками нагайки. Колонна замедлила шаг, песня оборвалась. Знаменосец Кононов призвал: «Спокойно, товарищи. Сомкнем ряды!» Костриков бросился к флангу колонны, чтобы защитить от казаков, и, когда был уже слышен лошадиный храп, скомандовал: «Огонь!»

Беспорядочно защелкали пистолеты. Передние всадники повернули вспять, столкнулись с задними, толчея... злобные команды офицера... В колонне замешательство, женский крик, успокоительные голоса руководителей демонстрации... Но вот казаки пришпорили, взяли аллюр. Из-под копыт летели снежные комья, и лошади грудью врезались в колонну; в спину стреляли городовые. Началась паника. Тщетно призывал Костриков бить «полицейских гадов». Чей-то удивительно знакомый ему голос вскрикнул: «Товарищи, без па...» — и, оборвавшись на полуслове, утонул в стрельбе, криках ужаса.

Все кончилось почти, как и в Петербурге: набирался кровью смятый снег... стонали раненые... Шашка разрубила Сергею пальто, и подплечная вата выпучила безобразные губы; голова юноши гудела от ударов свинцовым наконечником нагайки (хорошо хоть шапка оказалась толстой!)... Иосиф не вернулся домой...

Томская вооруженная демонстрация явилась политическим запевом революционных битв в Сибири, а для Кострикова — первым боевым крещением [1].

С наступлением темноты Сергей перемахнул через забор университетской клиники, подкрался к моргу. Дверь заперта, замок покрыт изморозью. На тарном ящике, закутавшись в тулуп, сидел сторож. «Дед, а дед».— «Чево тебе?» — отозвался тулуп. «Мне бы посмотреть».— «Не велено».— «Мать в отчаянии».— «Не найтить, темно там».— «Найду!»

Щелкнула пружина замка. Костриков вошел ощупью, чиркнул спичкой, и длиннохвостая крыса шмыгнула в дальний угол. Сергей зажигал спички, приподнимал рогожу, всматривался. Древний старик... Молодая женщина с синим

---

[1] Вице-губернатор Бирюков доносил в Петербург: «Ранено пять полицейских... К трем часам дня порядок водворен. Арестовано около 100 человек».

веревочным следом на шее... Высохшее, должно, от чахотки, лицо студента с вензелями ТТИ на бархатных погончиках... Железнодорожник без картуза, голова его рассечена до переносицы... Вот как: жили люди, мечтали, надеялись... может, кто и на демонстрации был, пел со всеми. Теперь же — могильная тишина... Кононов лежал в том углу, куда шмыгнула крыса. Сергей поднял Иосифа, осторожно положил на единственный топчан у решетчатого окошка, и, припав к ледяному лицу друга, заплакал... Мужайся, юный борец. Мужайся!..

Похороны состоялись 26 января. Томский комитет РСДРП успел выпустить листовку «В венок убитому товарищу», посвященную памяти большевика-рабочего И. Е. Кононова. В листовке говорилось, что ни тюрьмы, ни штыки и пули не запугают рабочий класс, не остановят революционного движения в России[1]. Похоронная процессия разрослась в трехтысячную демонстрацию. Казаки и полиция нападать не решились. Впереди процессии с высоко поднятым знаменем твердо шагал Костриков.

На кладбище состоялся митинг. Выступали печатник, железнодорожник, студент-технолог. Костриков говорил крайне взволнованно, со срывом в голосе: «Иосиф пал... а полицейская сволочь, словно стая воронов, кружилась над ним. Он лежал уже в предсмертной агонии... а они продолжали издеваться над ним, топтали ногами, били шашками и нагайками...»[2]

Хлопьями падал влажный, будто плачущий снег... Голосили над могилами женщины... Кононова опускали в яму в нарядном гробу. Когда мерзлые комья песка забарабанили по крышке, Сергей взял под руку рыдающую, едва стоявшую на ногах мать Иосифа.

«Тигренок»

Начались допросы арестованных. Водили к следователю и Кострикова. Он начисто отметал всякие обвинения (так договорились на сходке). Но с каждым новым допросом убеждался, что властям известно все доподлинно. «Кто же

---

[1] Экземпляр этой листовки дошел до Женевы. Она понравилась Ленину и была опубликована в газете «Вперед» 10 марта 1905 г.

[2] Эти слова совпадают с текстом листовки «В венок убитому товарищу», одним из авторов которой был Сергей Костриков.

среди нас оказался скотом?» — думал юный узник, не слушая вопросов следователя.

А случилось так. 2 февраля Томский комитет РСДРП проводил совещание. Обсуждались итоги двух демонстраций и многочисленных митингов, проведенных в январе, вырабатывались (в больших спорах) задачи на ближайшее время. Костриков в своем выступлении настаивал на подготовке новой вооруженной демонстрации... В дом Муковозовой (Никитинская, 43), где проходило совещание, нагрянула полиция. Через двое суток генерал-губернатор Азанчеев-Азанчевский доносил шифровкой в Петербург: «...Арестовано свыше сорока человек разных профессий... подобрано 400 экземпляров прокламаций».

...Шли дни. Глаза Кострикова запали, скулы выдались, лицо приняло землистый цвет. Но его огорчало совсем другое: какова судьба членов комитета? Был ли обыск квартиры? «Какой же я глупец! — досадовал Сергей.— Ведь и Никонов пострадает из-за моей оплошности» [1]. Томила и тоска. Это ужасно: сиди на вмурованной в цементный пол койке, гляди, как сползают по стенке капли, слушай шаги часового. Ну какая же польза от безделья? Может, долго придется торчать взаперти.

Вспомнив о своей мечте, ради которой приехал в Томск, Костриков начал просить тюремное начальство, чтобы ему дали учебники по математике, физике и химии.

...Вернувшись из командировки, полковник Романов вызвал к себе старшего следователя, ведущего дело участников февральской сходки. «Ну как, закончили следствие? — спросил он тяжелым басом.— Все признались?» — «Какой там! Одни говорят, что обсуждали, как помочь семьям, пострадавшим на демонстрации; другие — будто бы готовились к вечеру о Парижской коммуне; третьи... В общем, вразнобой, но все в один голос: сходка легальная, допускаемая уложением законов. Но мы-то прокламации захватили! Да и *наш* был на том сборище...» — «Знаю! — Полковник самодовольно подкрутил николаевские усы.— А этот, как его?» — «Костриков?» — «Да.» — «Тигренок! Следователя вы-

---

[1] При обыске квартиры были найдены: записная книжка Сергея с цифрозаписями, список марксистской литературы, нелегальные брошюры и 18 прокламаций десяти названий.

толкал из камеры. Не мешай, говорит, изучать законы Джоуля и Ньютона. Хотел я ему наньютонить, да вас изволил ждать-с».— «Вот как! Ну-ка, мне тигренка... Я из него сделаю теленка!»

Арестованного ввели. Полковник взглянул на него исподлобья, раскрыл «дело».

— Сергей Миронов Костриков?

Арестованный молчал. Романов, прижав вторым подбородком ворот мундира, уткнулся в листок:

— Так-с... Рождения 15-го дня марта 1886 года. Уржумский мещанин. Рост — 168 сантиметров. Хрусталики глаз коричневые, зрачки черные. Нос и уши без характерных... Лицо в оспинках. Волосы темно-русые, жесткие... Же-есткие? Ершистый, значит? — Полковник отложил «дело», вышел из-за стола.— Ну-ка, пригладим!

Костриков отскочил и, сжав кулаки, решительно заявил:

— Вам не дано права!

Жандарм уставился, зарычал:

— А стрелять в казаков тебе дано право? Дано, спрашиваю?

— К сожалению, ни одного не сшиб,— признался Сергей.

Откровенность арестованного понравилась Романову. Он выдворил за двери стражника, сменил тактику допроса, перейдя на обиходный, даже интимный разговор:

— К сожале-ению. Стрелять не умеешь!

— Научусь и этому.

— Не упрямься. Мне сказали, что ты учебниками в камере обложился, в инженеры помышляешь. Вот и учись. России нужны ученые. Из-за границы выписываем.

Сергей взглянул на большой портрет Николая II, висевший за столом, потом на полковника, сопоставил и сказал:

— А усы у вас императорские! Не зря такую фамилию носите...

Романов не заметил скрытой иронии, подкрутил кончики «пшеничных» усов и начал совсем уж «по-отечески».

— Вот что, тигренок...

— Я человек!

— Вот что, челове-ек. Пусть разговор останется между нами. Ты не жид — никто тебя не выкупит. Сирота... Сдохнешь в тюряге... Выбей дурь из головы, выбрось, пока не поздно.

— Ду-урь?! — Сергей вновь напружинился.

— Брось, говорю, политику. И заблудшим дружкам втолкуй. Они тебя слушаются. Ну как, договорились?

Костриков отвернулся к окну...

Через неделю, 9 апреля, начальник томского жандармского управления полковник Романов подписал постановление. Сходку 2 февраля он квалифицировал как политическую, на которой «произносились речи противоправительственного характера... Противозаконное направление задержанных на сходке выразилось ярко и в дальнейшем их поведении, так как они по дороге в тюрьму пели революционные песни... на допросе отказались давать какие-либо показания». Далее перечислялись фамилии арестованных. Костриков в списке 36-й. О нем сказано, что «при обыске в общей квартире его с Никоновым найдено много нелегальной литературы, принадлежащей Кострикову», и что в его письмах «весьма резко очеркиваются события 12 и18 января с. г. в г. Томске, а также имеются указания на то, что Костриков занимается распространением нелегальной литературы. Во время содержания под стражей вел себя весьма дурно, не подчиняясь требованиям тюремного начальства» [1].

Главный вопрос

Революция в России ширилась. Наступательный характер носили стачки металлистов, угольщиков, нефтяников, ткачей. Вслед за пролетариатом в борьбу включилось крестьянство. Заколебались устои царизма в армии и в «дремучей» Сибири. Томским забастовщикам кроме других достижений удавалось освободить и товарищей, арестованных «по делу февральской сходки». Выйдя из тюрьмы, Костриков возглавил боевые дружины, принимал участие в печатании листовок, провел митинг на открытии памятника Иосифу Кононову.

В июне Сергей получил гостевой билет на II конференцию Сибирского союза РСДРП. Конференция должна была выработать свои, применительно к условиям Сибири, задачи в революции, опираясь на недавние решения III (больше-

[1] По документам царских архивов, опубликованных в журнале «Красная летопись», 1934, № 6 (63), стр. 19.

вистского) съезда и... Женевской конференции меньшевиков.

Основным докладчиком выступал делегат III (Лондонского) съезда партии «товарищ Газ» [1]. Вначале он с пафосом рассказывал о буржуазных революциях на Западе. Говорил красочно, с ораторскими жестами. Но вот докладчик перешел к нашей русской революции, и в его голосе зазвучала грусть:

— Улицы Лодзи залиты кровью пролетариата. Да и у вас в Томске снег растаял от горячей крови. Разве так нужно заботиться о рабочем классе? Своим револьверным пулянием мы только вносим в хижины траур. Этак, знаете...

Костриков вздрогнул. Перед глазами всплыли картины ужаса: красный снег... стон раненых... похороны Иосифа, безутешное рыдание его матери. «Если бы я не настоял на вооруженном сопровождении демонстрации и не крикнул: «Огонь!», может, ответной стрельбы и не было бы. Сидел бы Ёся рядом со мною здесь, на конференции...» А голос докладчика все нарастал:

— Нет, не вооруженная авантюра принесет нам победу. Нет и нет! Только мирная, бескровная борьба. Скажу ортодоксально: не баррикады, а Учредительное собрание! Я предлагаю...

— Что ты, товарищ Газ, предлагаешь? — громко спросил докладчика вошедший в эту минуту молодой человек с обаятельным лицом, но несколько широким подбородком.— Что ты предлагаешь?

Конференция оживилась, послышались возгласы: «О, Николай Большой! Браво!» Вошедший извинился за опоздание: филер увивался, пришлось долго петлять.

Между Газом-Гутовским и Николаем Большим [2] начался спор. Один утверждает, что вождем революции на Западе была буржуазия, а рабочий класс помогал ей в свержении абсолютизма. Так должно быть и у нас... Другой, Баранский, доказывает совершенно противоположное. Спор разгорался,

---

[1] В. А. Гутовский. Делегатом на III съезд от Сибири был послан и Г. И. Крамольников, но, возвращаясь со съезда, был схвачен на границе, брошен в тюрьму.

[2] Н. Н. Баранский (1881—1963) — бывший студент Томского университета, член Сибирского комитета РСДРП, участник Таммерфорсской конференции большевиков; в советский период — известный географ, член-корреспондент Академии наук СССР.

две ночи шли жаркие прения, а Костриков слушал и ничего не понимал. И Гутовский, и Баранский — оба марксистами себя считают, оба руководят социал-демократией Сибири, а сражаются словно враги. Позиция Баранского была по душе Сергею. Но может быть и Баранский ошибается? О решениях III съезда никто толком не мог рассказать. Книга В. И. Ленина «Две тактики...», в которой разъяснялись решения съезда, излагалось учение об особенностях буржуазно-демократической революции в эпоху империализма, была еще в руках наборщиков типографии за границей.

Чтобы обосновать необходимость вооруженной борьбы, Баранский сослался на ленинскую листовку «Первое мая», в которой рабочим и крестьянам дан клич: «К оружию!»

— Я не делегат съезда,— заявил Баранский,— и то из частного письма знаю, что все решения Лондонского съезда пронизаны идеей гегемонии пролетариата. Почему же ты, товарищ Газ, не докладываешь об этом? [1]

Меньшевики бросились в атаку на Баранского. 16 голосами они протащили свою резолюцию, составленную в духе Женевской конференции. За резолюцию, одобряющую решения III съезда партии, внесенную Баранским, голосовало 10 человек — делегаты Красноярска, Читы, большевистская группа из Томска.

Конференция Сибирского союза РСДРП многому научила Кострикова. Ранее ему казалось, что споры между лидерами партии ведутся по отдельным вопросам теории.Теперь же Сергей понял, что разногласия между большевиками и меньшевиками имеют принципиальное значение для практической революционной деятельности. Большевики, Ленин считают, что в условиях самодержавной России пролетариат может победить только при помощи вооруженной борьбы. Это и был для Кострикова главный вопрос. Нужно идти за Лениным!

В июле 1905 года в Томске состоялась городская партийная конференция. Сергей Костриков принял активное участие в ее работе, выступал за большевистскую тактику в революции. Конференция избрала девятнадцатилетнего революционера членом Томского комитета РСДРП.

---

[1] В. А. Гутовский, избранный на III съезд, присутствовал на Женевской меньшевистской конференции, но это скрыл от Сибирского комитета.

Черное пламя

Наряден сибирский лес осенью, но для «увеселительной» массовки холодноват. Железнодорожники, поеживаясь, развели костер и под видом пикника продолжали занятие. Сергей вручил Писареву[1] решения III съезда партии: «Читай, разъясняй товарищам, делай выводы и для себя!» — а сам ушел в чащу, откуда доносилась учебная стрельба. (Писарев и Костриков приехали на станцию Тайга в августе 1905 года по заданию Томского комитета РСДРП. От намерения работать в паровозном депо слесарем-механиком Сергею пришлось отказаться: партийных поручений столько, что и суток не хватало. Довольствовался скромным пособием стачечного комитета.) Чаща раздвинулась, и Костриков вышел на поляну в тот момент, когда Борис Шумяцкий[2] неудачно выстрелил в «жандарма».

— Бульдог паршивый,— жаловался стрелок.

— Ну-ка, проверим.— Сергей прицелился, плавно спустил курок, «полковник Романов» тушей повернулся на шарнире и замер поперек сосны.— Вот так! И не смущайся, Боря. Я тоже мазал... зимой...

Частенько приходилось ездить и в Томск. Там Сергей встречался с руководителем штаба дружинников, с командирами боевых десятков: столяром Дмитрием Еремеевым, плотником Герасимом Шпилевым, сыном чиновника Михаилом Поповым и студентом-технологом Виктором Шимановским[3] — и сам получал в комитете указания, оружие. Ночью загружал будку паровоза нелегальной литературой и к утру возвращался к месту партийной работы.

К началу октябрьской всероссийской стачки станция Тайга находилась уже в руках стачечного комитета, возглавляемого Костриковым и Писаревым. Нелегко было в подполье, но еще труднее приходилось теперь: двери стачечного комитета не закрывались. Станция запружена эшелонами для фронта. Нужно было незамедлительно освободить пути для прибывающих поездов с ранеными солдатами... Приходили за советом учителя, шли рабочие, домохозяйки — шли все, и у каждого неотложные житейские дела...

---

[1] И. В. Писарев (Скрибо) — томский социал-демократ, умер в ноябре 1905 года.

[2] Красноярский подпольщик, часто приезжавший в Томск за инструкциями и типографским оборудованием.

[3] В. И. Шимановский расстрелян эсерами в 1918 году.

17 октября Николай II опубликовал «высочайший» манифест, в котором обещал «даровать населению незыблемые основы гражданских свобод...». Европейские столицы громогласно приветствовали вхождение России в «единую демократию». Но в Томске (как и по всей стране) к торжественному обещанию царя отнеслись по-разному. Монархисты негодовали: «Доброта государя опасна для судеб отечества». Либеральные буржуа ликовали: победа, победа! Меньшевикам и эсерам казалось, что до власти народной — рукой подать: надо лишь созвать Учредительное собрание. Резиденция губернатора выжидала. Жандармы несколько растерялись. Полиция бездействовала.

Томский комитет в те дни послал связных в провинцию. На станцию Тайга приехала Александра Газина[1]. Там уже шел митинг по разоблачению лицемерия самодержца. Газина рассказала железнодорожникам о положении в городе, пригласила на митинг, назначенный на 20-е число, сообщила, что городской голова вербует добровольцев в... милицию для охраны общественного порядка, обещает оружие. Костриков возгорелся ехать в управу за оружием, но тотчас спохватился:

— Нельзя. Я там работал, узнают — и все пропало.

Утром 20 октября по Томску поползли тревожные слухи. В полдень у здания полиции собрались черносотенцы с национальными флагами, портретами царя, императрицы, с увесистыми кольями. После монархических речей они двинулись к городской управе, выбили окна, двери, в щепки превратили столы и шкафы[2]. Затем свернули к дому архиерея и, получив благословение отца Макария, начали зверски избивать евреев, железнодорожников, студентов. На Соборной площади между пьяными дворниками, мясниками, купцами низшей гильдии и отрядами милиции произошла кровавая бойня.

К шести часам вечера черносотенцы атаковали главную цель погрома — Управление Сибирской железной дороги, где

---

[1] Ольга Николаевна Кузнецова — революционерка, бежавшая из якутской ссылки, член Сибирского и Томского комитетов РСДРП.

[2] Городской голова А. И. Макушин (врач по профессии) спасся тем, что был дома. Позже ему предъявили обвинения, что он будто бы хотел занять кресло губернатора, создал милицию партийную, выдав ей 54 пистолета, и что дочь его шла якобы впереди милиции с кинжалом в зубах и напропалую стреляла в господ.

проходил митинг. Дружинники не пустили их в здание. Тогда черносотенцы стали бросать в окна камни, горящие доски. Огонь быстро пробирался на верхние этажи. Примчались пожарные, но погромщики с криком: «Пусть крамольники горят!» — перерезали все восемь шлангов. Очевидец, репортер газеты, оставил для истории строки: «Огромное море огня... И в этом аду мелькали человеческие силуэты... Они бросались из окон третьего этажа и попадали в руки толпы (черносотенцев.— *Ст. К.*), которая тут же добивала их» [1]. Губернатор Азанчевский, охраняемый казаками, спокойно наблюдал за происходящим. Ему доложили, что в Управлении дороги, кроме митингующих много сотрудников, получающих зарплату. «Объявите, чтобы люди покинули горящий дом. Я гарантирую жизнь каждому»,— распорядился генерал. Первыми вышли инженер Шварц, чиновник службы движения Бутаков, конторщица Пелагея Ульяшова и другие сотрудники, не причастные к митингу. Погромщики набросились на них и тут же, у ног губернатора, растерзали.

В это время и подоспел Костриков с боевиками Тайги, они прорвали казачье оцепление. О том, что произошло дальше, внутри помещения, поведал участник митинга рабочий-железнодорожник Н. А. Степной: «Черносотенцы наседали... Удушливый дым, языки пламени... Среди суматохи и шума раздался совершенно спокойный и убедительный голос. Это был голос, знакомый многим железнодорожникам, и принадлежал он Сергею Кострикову» [2].

Вбежав в вестибюль, Костриков велел сооружать баррикаду, расставил вооруженные посты на парадной лестнице. Но, услышав снизу душераздирающие крики: «Горим, спасите!», снял дружинников с постов, отправил их на помощь организаторам митинга: пробраться в полуподвал, взломать решетки окон в буфете и бильярдной, обеспечить выход людей в противоположную от парадного подъезда сторону. Сам же, выхватив из-за пояса два пистолета, вскочил на подоконник, выбил ногой окно. Дым разъедал глаза. Пламя освещало площадь у дома. Внизу — рукопашная. Обезображенные, с вывернутыми карманами, лежали убитые студенты

---

[1] «Сибирская жизнь», 27 октября 1905 года. Газета принадлежала крупному торговцу П. Макушину, владельцу типографии, музыкального и книжного магазинов Томска.

[2] Из рассказа «Томский костер». Сборник «Железнодорожники в 1905 году». Трансжелдориздат, 1940.

Николаев, Стадник, Нордвич; ранены дружинники Коренев и Кадиков. Тогда и Сергей начал стрелять в черносотенцев, бил без промаха и пощады.

Черное пламя бушевало трое суток. Сгорели Управление дороги, театр, крупчаточная фабрика, дом городской управы и другие здания. Черносотенцы разграбили 38 еврейских лавок. К погромщикам присоединились уголовники, выпущенные по амнистии. Начался повальный грабеж. Вылезли из госпиталей солдаты-костыльники, набросились на водку, заливая горе, причиненное им на сопках Маньчжурии царем и генералом Куропаткиным. Ведомства закрыты. Казаки не отходили от губернаторского дворца, тюрьмы, почтамта и банка. Воинские подразделения отсиживались в казармах. Бои с черносотенцами вели только отряды рабочих, студентов и еврейская самоохрана. В этих уличных сражениях Костриков постигал военное искусство революции...

Свобода, торжественно провозглашенная Николаем II, обошлась томичам дорого: около 300 человек убитых и погибших в огне, 160 раненых и получивших сильные ожоги; 210 семей остались без крова. Списки жертв публиковались в газете «Сибирская жизнь» с 26 октября по 4 ноября и позже. Нельзя без содрогания читать донесение инженера князя Трубецкого в министерство путей сообщения: «Крыша рухнула... в полночь огонь стал утихать... Найденное обгорелое мясо и кости людей свезены пожарной командой на кладбище».

«Ремонтные рабочие»

На окраине Томска (Аполлонарьевский переулок, 17) стоял двухэтажный дом, нежилой, запущенный. Сколько лет он был заброшенным, неизвестно, а только весной 1906 года на его крыльце появился новый хозяин, врач Грацианов.

В мае начался ремонт. Соседи думали, что уважаемый доктор намеревается провести здесь лето. А подвал для чего роет? Неделю, другую, третью. Приходили любопытные, прикидывали: «Вот это подвал!» Как-то утром наведался и околоточный — рыжебородый дядька с нависшими бровями. Став в сенях на колени, он прохрипел в подпол: «Эй, кроты! Кто старшой? Выдь!»

Из ямы вылез землекоп — кряжистый, взъерошенный, давно не бритое лицо, грязное от пота и земли, на руках кровяные мозоли. Околоточный крякнул: «Вишь, дорвался, и щетину сбрить некогда!» — «Хозяин торопит». — «Кто ж хозяева-то?» — «Доктор Грацианов!» — «А-а... Дюжий. Маво племяша из гроба вынул...»

Полицейский ушел. «Артельщик» нырнул в подпол и, поплевав в ладони, с ожесточением принялся копать.

...После трагических событий в Томске, особенно после поражения московского восстания, условия работы томских революционеров крайне осложнились.

По заданию организации Сергей изготовил гектограф для печатания нелегальной литературы. Но объем пропаганды возрастал. Тогда задумали построить большую типографию. В начале 1906 года Томский комитет решил послать Кострикова в Москву и Петербург за хорошим типографским станком, но перед отъездом, 30 января, Сергей был арестован...

Под стражей находился три месяца. Освобожден был до суда под залог. Выйдя на свободу, Костриков снова взялся за создание подпольной типографии. Проект ее Сергей разработал в деталях еще в тюрьме. Дом, под которым намеревались оборудовать типографию, купили на имя врача Грацианова [1]. Комнаты нижнего этажа, над типографией, предполагалось сдать «дачнице» — революционерке Газиной. В числе «ремонтных рабочих» кроме Кострикова были Герасим Шпилев, Михаил Попов и Егор Решетов; «агентом снабжения» выступал Эхиель Левинский (студент). Так и работали. По конспиративным соображениям и жили здесь, в доме. Вечерами Сергей затягивал лирическим тенором «Ермака», и товарищи дружно подхватывали любимую сибирскую. Останавливались у забора прохожие. Подсаживались извозчики (их двор был напротив). Могучая песня ревела бурей «в стране суровой и угрюмой», парила «на диком бреге Иртыша», а в томском департаменте полиции посмеивались: «Пусть... Мы-то знаем, что к чему! Агенты доносят, что студент Левинский и плотник Решетов на извозчике № 266 свезли 7 июля в дом Грацианова железную печь и чугунную плиту типографского образца...»

---

[1] Грацианов тогда сочувствовал социал-демократам; в годы гражданской войны был министром у Колчака.

Сергей разогнул мокрую спину и сказал землекопам:

— Обед, друзья! Только есть будем неторопливо. Нас могут заподозрить.

Вышли во двор, умылись, с прохладцем уселись на сочной траве, стали обедать. Шпилев начал подшучивать над Костриковым:

— Отдохнул ты, Серега, в тюрьме. Хватит нежиться. Теперь поработай!.. Рассказал бы нам, как сидел.

— Гм, как! Сидел и сидел. Главное — за что сцапали! Месяц, другой думаю, третий. Какое же на сей раз предъявят обвинение? Захват власти на станции Тайга? Пожизненная ссылка! Разоружение полицейских и конфискация склада оружия? Каторга! Стрельба в монархистов? Скольким, подсчитываю, всадил тогда пуль за трое суток? М-да, за такое полковник Романов наградит петлей на шею!.. Каково же было мое удивление, когда обвинили только в хранении нелегальной литературы. Черта с два! Я учен первым арестом! Только и нашли при обыске брошюру «Экономические этюды и статьи». Где, спрашивают, взял? «Купил в книжной лавке господина Макушина». Врешь, говорят, достопочтенный Макушин марксизмом не увлекается. «Марксизмом? Каким марксизмом? Автор брошюры — какой-то, если не ошибаюсь, Владимир Ильин». Жандармик брызжет слюной. Так это же, кричит, ваш Ульянов... Ленин... государственный преступник! «Откуда мне,— отвечаю,— знать ваших преступников»... А, не интересно про тюрьму. Кончай обед!..

* *
*

К середине июля типография была готова. Доложили в комитет. Пришли с... крынками молока Александра Газина и Фрейда Сусер (жена Михаила Попова).

— Принимайте!— сказал Сергей и с наслаждением выпил топленки.

Представители комитета долго искали секрет входа в типографию и — не нашли. Все четыре стены подвала обшиты одинаковым тесом, и ни одна из них ничем не могла вызвать подозрение. Даже простукивание издавало одинаковый звук, потому что стена, отделяющая типографию от подвала, была двойная, засыпанная землей. Сияющий Костриков подмигнул Решетову. Тот вынул из столба сучок, всунул ключ, повернул, и стена на роликах отворилась бесшумно и легко, как дверь.

— А вот и сигнализация,— не без гордости доложил Костриков.— Электрическая! Дотронешься в прихожей до железной вешалки — сигнал в типографию: «Стоп печатать! Тихо!»

Осмотрев потолок, комиссия спросила: «А какая толщина?»

— Полтора аршина!..

Утром 19 июля, когда «ремонтные рабочие» еще допивали чай, нагрянула полиция, Костриков и его товарищи сделали удивленные лица, но за типографию были спокойны: стена закрыта, успели отрезать и электрические провода под вешалкой в прихожей.

Офицер и рыжебородый околоточный произвели обыск и ничего не нашли.

Тюремный университет

Начальник арестантского отделения жаловался прокурору томского окружного суда, что после вызовов арестованных в окружной суд на допрос они возвращаются «с добычей газет, книг, нелегальной литературы» и что «Еремеев, Костриков и Казимир Кулеш пойманы «толстыми». Литературу брали в следственной комнате, отодвинув ящик от стола».

«Ремонтные рабочие», арестованные 19 июля 1906 года в доме с необнаруженной типографией, сидели в камере № 28. Почти семь месяцев велось следствие. Наконец власти, не имея доказательных улик, без суда отправили Попова, Решетова и Шпилева в Восточную Сибирь. А Кострикова...

«Секретно. Начальник Томского губернского жандармского управления. 28 февраля 1907 г., № 1305, г. Томск. В департамент полиции. Доношу, что 16 сего февраля в Томском окружном суде разбиралось дело... обвиняемых по 126 ст. угол. улож. как члены Томского комитета Рос. соц-дем. раб. пар.: Моисеев, Арон, Еремеев и Кулеш судом приговорены к ссылке на поселение, а Костриков к заключению в крепости... Полковник Романов».

Кострикова водворили в особый секретный корпус томской тюрьмы, посадили на два года с зачетом времени предварительного заключения. Сидеть почти полтора года! Многовато. Стоит ли покоряться жандармам? Задумав бежать, Сергей присматривался к толстокаменному бараку, высокому

забору, к вышке часового против входа. Он познакомился в тюремных мастерских с рабочим Иваном Кочергиным, попросил у него ножовку по металлу. Рабочий предостерег: «Я знаю тебя, товарищ. Не советую. Тюрьма с крепостным режимом. Начальник тюрьмы Леондович — зверь... Два узника пробовали: одному добавили десять лет, другому просверлили свинцом спину. Кому это выгодно?..»

Барак-камеру № 1 Костриков назвал «зимней квартирой». Среди заключенных были омичи, нижегородцы, харьковчане, латыши, минчане и поляки — все политические. С ними Кострикову предстояло отбывать срок. Начав знакомиться, он установил, что обитатели камеры идейно размежевываются на четыре группы: «куры», «петухи», меки и большевики. «Кур» всего трое. Это представители только что отпочковавшейся части правых эсеров в отдельную партию народных социалистов (энесы). «И за что нас угораздило в тюрьму? — удивлялись они.— Насилие осуждаем, а вот поди ж ты: попали, как кур во щи!» Эсеров здесь чертова дюжина. В бараке их назвали петушиной стаей. Задиристо проповедуя тактику индивидуального террора, они вместе с тем заискивающе лебезили перед тюремной администрацией. Меньшевики же часами напыщенно толковали о «чистой теории», но кончали одной заунывной фразой: «Не надо было браться за оружие».

Четвертая группа узников — большевики, в основной своей части простые рабочие, люди не особенно грамотные. Настроение их в связи с поражением революции также невеселое. Но они твердо верят, что дело, ради которого пролилась кровь на баррикадах, неизбежно победит.

Как-то в руки Сергея попал рукописный журнал узников «Тюрьма». В статье «Что же дальше?» указывалось, что рабочий класс долго и храбро боролся, проливая свою кровь. В октябре, ноябре и декабре 1905 года Россия начинала выходить на путь свободы. Но вот поражение, разгром, виселицы, каторга... Не видя перспектив, авторы статьи спрашивают с горечью: «Что же дальше?»

Упадок духа узников обуславливался еще и жуткой атмосферой в тюрьме. По ночам со двора доносились крики: «Прощайте, товарищи!» — повели на казнь. Караул по поводу и без повода стрелял в окна бараков. На допросах пороли шомполами, выкручивали руки.

Чтобы поднять дух заключенных, большевистская группа узников решила работать в журнале «Тюрьма», писала для

него бодрые заметки и даже стихи. Затем большевики камеры № 1 приняли решение об учебе. Из литературы удалось достать лишь первый том «Капитала» Маркса. Сергея, который был немного знаком с этим произведением, назначили консультантом по теории прибавочной стоимости и всеобщему закону капиталистического накопления. Первое занятие посвятили анализу товара — экономической клетки капитализма. Долго Костриков барахтался в «сюртуках», «20-ти аршинах холста», в метаморфозе «Т — Д — Т». Но он не огорчался. Главное — началась учеба политзаключенных.

* *
*

16 июня 1908 года Костриков, отбыв срок заключения, вышел из тюрьмы. От знакомых узнал: комитет разгромлен; Газину выселили из «дома Грацианова», живет там семья стражника, и типографией пользоваться нельзя. А жалко. Сколько трудов было вложено в типографию! Товарищи уговорили Сергея покинуть Томск (здесь Кострикова знает каждый полицейский).

Перед отъездом Сергей навестил Кононовых. Егор — в больнице, воспаление легких. Ульяна Веденеевна беспокоится за Егора и все еще горюет по Иосифу... У Кононовых Сергея ждали письма из Уржума. Сестры писали, чтобы он не вздумал ехать домой: обыски, надоевшие обыски. И получается: ни дома, ни пристанища...

Утром, едва взошло солнце, Костриков обвязал свой чемоданчик бечевкой, простился с Веденеевной и вышел на улицу. Томск... Здесь Сергей пробыл без малого четыре года, из коих два с половиной — под арестом, три месяца работал чертежником в управе, остальное... Вот и переулок, где была расстреляна демонстрация... Заново отстроены Управление дороги, театр Королева, мельница Фуксмана. Пассаж Второва достроен, торгует, разбухает...

Воспоминания привели Кострикова на кладбище. Ночной дождик заботливо промыл мраморную плиту с высеченной надписью: «Товарищу Иосифу Егоровичу Кононову, убитому на демонстрации 18 января 1905 года, 18 лет от роду». Решетка свежевыкрашена в алый, как знамя, цвет. Голубеют на холмике незабудки. Сергей снял фуражку, присел на скамеечку и задумался. Потом встал и тихо сказал:

— Прощай, Ёся, прощай...

III.

ГОРНОЕ ПОДПОЛЬЕ

Все сначала

Знойным днем 1911 года в одном из скверов Владикавказа сидел мужчина в соломенной шляпе, взгляд его скользил поверх развернутой газеты «Терек». По Александровскому проспекту топали войска, изрыгали марш медные трубы оркестра, блистали под солнцем рукояти заносчивых сабель, и казалось — не город, а военный лагерь. Наконец показался «хромой» человек с книгой в *правой* руке. Всматриваясь в сидящего на скамейке, он прошел мимо по аллее, вернулся и сел рядом, *справа,* начал «издалеча»:

— Ух, жарко! Скажите, здесь и зимой так?

— Об этом спросите у синоптиков.

— Это верно. А по-вашему?..

— По-моему, нужно *читать.*

— Товарищ Миронов? [1]

— Тихо! Говорите.

Они повернулись один к другому спинами, уткнулись в страницы, а сами зорко наблюдают вокруг.

— Я Зейликович, помощник паровозного машиниста депо Минеральные Воды. Побегайлов послал к вам.

— Что-нибудь случилось? — встревожился Миронов.— Провал?

— Нет, засилье меньшевиков не можем выкурить.

— Передайте Побегайлову, что скоро буду.

Они поговорили о делах подпольных, и Костриков сказал:

---

[1] Первоначальная партийная кличка С. Кострикова на Северном Кавказе.

— А теперь «хромайте». Ждите у разломанной купальни. Девушки принесут литературу, спросят: «Дяденька, теплая ли вода?» Вы скажите: «Горячая, как лед, тетеньки».

Связной ушел. Миронов проводил его задумчивым взглядом. Сегодня ровно два года, как Сергей появился на Северном Кавказе.

После Томска он прибыл в Новониколаевск, затем подался в Иркутск, включился в работу иркутских подпольщиков-одиночек. За зиму кое-что сделали, но тут пришла весть: 7 апреля 1909 года рухнул потолок типографии в «доме Грацианова». Семья стражника провалилась в яму. Производятся раскопки. В поисках виновников жандармы рыщут по всей Сибири. Кострикову «пришлось,— как писал он позже в автобиографии,— бежать на Кавказ».

В мае 1909 года Сергей приехал во Владикавказ. Трудно жить подпольщику: «Вечная загнанность, блуждение по подвалам, вечная перекочевка из одного места в другое» [1]. Вот и по Владикавказу Сергей шел тогда в ночное время, с опаской, голодный, почти оборванный. Выйдя на Лекарскую улицу, он свернул к дому № 12, где должны жить Иван и Надежда Серебренниковы — подпольщики, бежавшие сюда из Томска.

Супруги Серебренниковы приютили Кострикова, помогли ему обзавестись ботинками и дешевым черным костюмом. От них Сергей узнал, что Терско-Дагестанский комитет РСДРП и местные организации разгромлены еще в 1906 году, партийные связи оборваны. Начальник Терской области генерал-лейтенант Флейшер заверил царя, что в военной столице Северного Кавказа большевиков нет и быть не может. Так что начинать придется все сначала. Но раньше Кострикову нужно было подумать о куске хлеба.

Поступив в редакцию «Терека» вначале корректором, а затем репортером, Сергей стал действовать осторожно, по принципу: прежде чем строить дом, изучи грунт, узнай соседей. Он перечитал подшивку газеты за весь 1905 год (тогда она называлась «Казбек»), выписал фамилии авторов наиболее смелых статей. Подшивка газеты подсказала и лицо ее издателя С. И. Казарова. В разгар революции он был

---

[1] Ленинградский музей. С. М. Киров. Стенограммы выступлений С. М. Кирова, т. 7, кн. 2, стр. 194—214.

крикливым либералом, теперь же боится и вспомнить об этом. Пробовал Костриков разобраться в сотрудниках редакции. Фельетонист Солодов сумбурен. Замкнуто ведет себя заведующий редакцией А. А. Лукашевич (старейший революционер, вернувшийся из длительной ссылки с подорванным здоровьем). Репортеры Ильин и Яковлев — ребята, кажется, свои. Не большевики ли?

Не сразу Костриков вошел в контакт с большевиками и в других местах Терской области. «Организации здесь не было,— писал он позже.— Были только отдельные товарищи». С некоторыми его познакомили Серебренниковы. Лишь к лету 1911 года возникли маленькие партийные группы во Владикавказе, на станции Минеральные Воды. Восстанавливали свою организацию нефтяники Грозного.

Продолжая работу по собиранию большевиков-одиночек, Костриков столкнулся с новой для него проблемой. Терская область сравнительно маленькая по территории, но здесь проживает 28 национальностей. И взаимоотношения между ними часто зиждились на острие кинжала.

Многое было непонятным Сергею. Женщины носят чадру. За невесту платят калым. В духанах пьянка и драки. Муллы загоняют население в мечети, натравляют мусульман на людей другой веры. Средневековье, дикое средневековье! Поначалу Костриков даже усомнился, что можно здесь создать революционную организацию.

Затруднения осложнялись еще и тем, что местные князья подбивали горские народы на отделение от России. Как быть: поддерживать ли такое движение? Добьются ли таким путем свободы эти малые, экономически слабые горцы? Местные большевики упоминают часто имена кавказских революционеров: Камо, Михи, Коба, Серго, Степана, Алеши, Ноя, Сурена, Филиппа, Авеля[1]. Но связи с ними установить не удалось. «Что же предпринять? — думал Костриков.— Написать в заграничный ЦК? Цензура перехватит, жандармов на себя наведешь, они и так ищут меня уже два года».

---

[1] Камо — С. А. Тер-Петросян; Миха — М. Г. Цхакая; Коба — И. В. Сталин (Джугашвили); Серго — Г. К. Орджоникидзе; Степан — С. Г. Шаумян; Алеша — П. А. Джапаридзе; Ной — С. Г. Буачидзе; Сурен — С. С. Спандарян; Филипп — Ф. И. Махарадзе; Авель — А. С. Енукидзе.

...Сергей еще раз бросил взгляд на удаляющегося «хромого» связного Зейликовича и улыбнулся. Все складывается неплохо, даже личное. Он любит Машу Маркус. Она работает в редакции «Терека» кассиршей-конторщицей. Черноброва, вежлива, всегда уравновешенна. Как-то пригласила Кострикова к себе. Квартирка из двух комнат, чистенько. Сергея потянуло к домашнему уюту, тем более что до сих пор ютился то в доме сирот, то в чужих углах, то в холодной камере тюрьмы. За чашкой чая Мария Львовна разоткровенничалась. Она дочь еврея-часовщика, скитающегося по городам Терской области и Дагестана. Образование ее — незаконченный третий класс; с детства пришлось быть подмастерьем шляпника, часовщика, работала и продавщицей в лавке. Тяжелое детство, нерадостное девичество. Старшая сестра Софья — большевичка, судьба бросает ее из одного края России в другой. Брат Яков — бедный студент, тоже увлекается революционной борьбой. Младшая сестренка Рахиль — подросток, живет при матери и отце.

Любит Костриков Машу, а признаться не решается. Она, бывало, смотрит на Сергея преданно: «Ну что ж ты? Насквозь вижу!..» Застенчивые глаза его отвечали: «Так ведь мать не разрешает вам выходить за русского. И сами говорили, что я некрасив».— «Мать далеко, в Дербенте. А женскому «нет» верь не всегда. Эх, ты!..» — «Да, но понимаете: женюсь, завтра меня схватят, закуют и...» — «Я знаю! — решительно заявляет девичий взгляд.— Все знаю! Сережа, ты слышишь?!»

Костриков, задремавший на скамейке, открыл глаза: перед ним в бежевых туфельках стояла его любовь.

— Ты слышишь? — Маша улыбнулась.— Истома тебя разморила или ночью дежурил по выпуску воскресного номера?

Сергей покраснел, не нашелся что и сказать. Сказала Мария Львовна, окончательно сказала:

— Чего уж там. Пошли ко мне. Приехали Яша и Соня. Я приготовила наивкуснейший свекольник. Есть и «Кахетинское»...

Суд

«Секретно. *Его высокопревосходительству господину министру юстиции.* В дополнение к представленному мною от 8-го июня 1909 года за № 1747 доношу Вашему превосходительству, что формальное дознание по делу о Сергее Кострикове и др. обвиняемых по 1 час. 102 ст. угол. улож., одновременно с ним за № 732 возвращено мною Начальнику такового в отношении задержанного в городе Владикавказе обвиняемого Кострикова.

Сентября, 7 дня, 1911 г. № 734, г. *Томск.* Прокурор суда *Дубяго».*

Костриков был схвачен 31 августа. Почти месяц сидел во владикавказской тюрьме. Очень переживал: а вдруг к большевикам Терска затесался провокатор и выдал? Но когда он узнал, что арестован «по делу томской типографии», несколько успокоился и возобновил свое тюремное образование, набросившись на беллетристику и немецкий язык. Но самым сильным «университетом» оказалось другое. Окно его камеры обращено во двор тюрьмы, где приводились в исполнение приговоры. И вот как описывал их Сергей жене:

«За стеной раздался специфический стук топора: делают эшафот. В тюрьме тихо, как на кладбище, но многие не спят,— чуткое ухо заживо погребенных ясно различает удары, слышит шаги приближающейся смерти...

Надзиратели отступают, чтобы дать дорогу совершающему свой последний путь осужденному. Лязг цепей усиливается... Палач берет папироску, попробовал свою черную маску (он не дерзает открыть свое нечеловеческое лицо) и принял позу выжидающего. И как бы навстречу к нему надзиратели поспешно ведут обреченного на казнь. Несчастный едва успевает за ними передвигать ноги и почти висит на их крепких руках... Остановились... Лицо осужденного бледно как полотно... Несчастный, доживающий последние минуты, как-то странно и часто мигает глазами... Маленький, невзрачный чиновник открывает портфель, берет лист бумаги. Среди мертвой тишины раздается команда: «Смирно!» Надзиратели становятся во фронт. «По указу его императорского величества временной военный суд...» — быстро читает невзрачный чиновник, голос его монотонный, бездушный... Осужденный тупо смотрит на окружающих и как бы силится понять совершающееся... Но вот приговор

окончен; читавший его скрылся, и рядом с осужденным показался священник...» Далее в письме, переданном жене в подкладке хозяйственной сумки, подробно описывалась сама казнь.

«Репортаж из окна» сильно разволновал Марию Львовну. Тогда Сергей стал писать жене и ее сестре Софье бодрые записки: «Успокойтесь! Ничего страшного мне не предстоит... Будущее за нами: впереди так много времени. Энергия, сила воли, твердость в достижении цели — и никакое препятствие не будет страшно».

* *
*

26 октября 1911 года Костриков переступил порог знакомого ему арестантского отделения № 1 томской тюрьмы. После изнурительного 25-дневного этапа неделю отсыпался, а сон у него крепкий, глубокий, прямо-таки исцелительный.

2 ноября конвойные повели Кострикова в жандармское управление. Он досадовал: теперь-то уж полковник Романов отыграется на нем за все! Вошел в кабинет и удивился: за столом сидел ротмистр — такой же плюгавый, как и царь на портрете за его спиной. Бывалый арестант помнил рекомендации II съезда РСДРП: всем членам партии отказываться от каких бы то ни было показаний на жандармском следствии. Знал об этом и, так же как и на допросах трех прошлых арестов, начисто отметал предъявляемые ему обвинения, отказался даже дать сведения анкетного характера. Щегольски одетый ротмистр Розалион-Сошальский не стал ни кричать, ни «марать» руки. Он сам (от имени арестованного) заполнил опросный листок, изрядно наврав. Сошальский писал: «Я, Костриков, в 1907 году являлся на военную службу в городе Уржуме и зачислен ратником» (а Сергей в то время сидел в тюрьме здесь, в Томске). «...в 1908 году томским окружным судом... приговорен к двум годам крепости». И опять ложь: приговор был вынесен в феврале 1907 года, а 16 июня 1908 года Костриков был уже по отбытии срока выпущен на свободу.

В тот же вечер (2 ноября) Костриков писал жене, что мечтает об одиночной камере, где можно было бы заняться самообразованием, что в Томске «слишком большое скопление тюремного населения». Письмо заканчивалось: «Сережа жив, здоров и весел».

Арестованный не тратил времени попусту. Ему некогда, ему надобно изучать философию, немецкий язык, литературу и основательно — родной язык. Из томской тюрьмы Сергей послал жене 14 писем. В письмах он делился своими впечатлениями о произведениях Шекспира, Льва Толстого, Гёте, Лермонтова, Андреева. 16 января 1912 года он с гордостью сообщал жене: «Перечитал Гоголя, Гончарова, Салтыкова, Шеллера-Михайлова, Успенского. На очереди стоят Данилевский, Лесков, Баборыкин и т. д. Все это есть в тюремной библиотеке».

Читать книги всегда полезно, а в застенках — вдвойне: мрак не угнетает, если сроднишься с героями произведений, и время проходит быстрее...

Однажды в камеру вошел еще молодой, но уже полнеющий брюнет, курчав, глазаст, манжеты и воротник сорочки белоснежны.

— Левин Ной Яковлевич [1]. Присяжный поверенный окружного суда.

Сергей насторожился: где-то он видел это лицо... Защищать прибыл или могилу копать? И начал исподволь расспрашивать про дела томские, что это за город такой. Адвокат засмеялся и шепнул:

— Вас-то, Костриков, я знаю как облупленного!

Адвокат рассказал о своем скитании в Швейцарии, про жизнь в России в условиях столыпинских «галстуков». Людей вешают невинных, а на Кострикове — тайная типография и по совокупности... Обвинителем выступит сам товарищ прокурора Киц!

Но Костриков чувствовал себя спокойно. Томские друзья не забыли его. О новом водворении товарища Сержа в камеру предварительного заключения они узнали на второй или третий день, разведали обстановку и предприняли все зависящие от них меры. Обстановка благоприятная: начальство в Томске все новое, ответственности за прошлое Кострикова не несет; филеров и стражников, знавших Кострикова по Томску, здесь почти не осталось; его дело большой давности, остроту утратило. Есть возможность повлиять и на заместителя прокурора окружного суда господина М. А. Кица.

---

[1] Н. Я. Левин в 1905 году — студент Томского университета, сочувствовал революции, бывал на митингах. В 1914 году переехал в Петроград, работал адвокатом, а затем доцентом ЛГУ.

Суд над Костриковым состоялся 16 марта 1912 года при закрытых дверях. Сергея судили за участие «в преступном сообществе, присвоившем себе наименование Томского комитета РСД рабочей партии» и создание «подпольной типографии в доме Грацианова по Аполлонарьевскому переулку, 17, в 1906 г.».

Суд не принес славы его организаторам. С. М. Костриков был оправдан за «отсутствием улик», как иронически писал Сергей Миронович много лет спустя. Жандармы собирались в административном порядке сослать Кострикова в Нарымский край. Но, выйдя из тюрьмы после суда, Костриков немедленно уехал из Томска.

Прокурору томского окружного суда ничего не оставалось, как закрыть дело № 146 и донести в омскую судебную палату, что «по вошедшему в законную силу приговору от 16 марта 1912 г. Томского окружного суда мещанин Сергей Костриков... признан оправданным. Копия настоящего донесения представлена мною одновременно с сим за № 229 господину Министру юстиции. № 228. 21 апреля 1912 г., г. Томск. Прокурор суда Дубяго».

Рождение прославленного имени

В полдень 16 марта 1912 года томские железнодорожники посадили Кострикова в будку паровоза, и поезд тронулся. В Челябинске Сергей встретился с Михаилом Поповым. Друг рассказал ему, что в Праге состоялась Всероссийская конференция РСДРП, избран новый состав ЦК во главе с В. И. Лениным, образовано Русское бюро ЦК большевиков.

В Москве Сергей остановился на две недели у Серебренниковых, переехавших сюда из Владикавказа, встретился со знакомыми Серебренниковым московскими большевиками. Затем посетил Кремль, ряд музеев, ознакомился с другими достопримечательностями города. Был в Большом театре на «Садко» и «Золото Рейна», в восторге от «Царя Эдипа». Москва приворожила Сергея. Он ищет должность журналиста. «Был в литературно-художественном кружке,— сообщает он Попову,— видел почти всех карасей литературы и журналистики. Но все они дают один ответ: да, здесь трудно что-нибудь найти — слишком много нашего брата».

...Поезд везет огорченного провинциала на Юг. Время тянется мучительно. Костриков грустен. Отчего бы ему грустить, в его ли натуре хандрить? Радоваться нужно: суд выигран, возвращается домой. И все же настроение скверное.

В Таганроге Костриков опускает в почтовый ящик открытку Надежде Германовне Серебренниковой: «Настроение у меня убийственное... Читать не хочется — не могу; спать — не спится. Скучно, нудно, грустно... Впереди — «Терек» со всей его мутью и тиной».

Тоска не покидает Сергея и по возвращении во Владикавказ. Он извещает Михаила Попова: «Вчера водворился на место своего постоянного жительства. Издатель встретил с распростертыми объятиями и даже... облобызал. Но что это было за лобзанье! Впрочем, черт с ним». Мария Львовна пыталась помочь мужу. «Что с тобой?» — спрашивала она.

Сергей признался: «Какая-то мещанская жизнь складывается... Не получается здесь у меня настоящего революционного дела».

Дошедшие до Кавказа подробности Ленских событий вызвали у горцев, как и у всех трудящихся России, бурю негодования. Гибель сибирских рабочих сильно встряхнула и Кострикова. Он решил выступить в печати с рядом статей, обличающих кровавый царизм. Но подписывать такие статьи желательно псевдонимом. Сотрудники редакции «Терека» перебрали множество фамилий, возникших от названий птичьего и растительного мира,— Коршунов, Капустин... Не нравятся. Фельетонист Солодов полистал календарь и вскрикнул:

— Вот! Древнеперсидское, знаменитое — Кир!

Сергей взглянул на жену, та неопределенно поджала губы. Он, покачав головой, хотел сказать: царь-полководец и — в подполье, но вовремя прикусил язык. Это имя понравилось сотрудникам редакции. Особенно восхищался Дзахо-Гатуев — гимназист-поэт, принесший новые стихи:

— Кир? Чек якши! Это... Булат с удалыми крыльями!

Костриков улыбнулся и сказал:

— Сделаем попроще, по-русски.

26 апреля 1912 года на страницах «Терека» появилась первая за подписью «С. Киров» статья «Поперек дороги», посвященная кровавой расправе над рабочими Ленских приисков. Вскоре эта подпись замелькала под колючими обзорами печати, смелыми театральными и литературными

рецензиями, стала популярной. За статью «Еще Панама» заместитель наказного атамана генерал-майор Степанов наложил на издателя «Терека» штраф в 100 рублей с заменой арестом на один месяц.

3 ноября статья «Простота нравов» взбудоражила город. Генерал-лейтенант Флейшер взбешен. Еще бы! Киров распотрошил вновь избранную (IV) Государственную думу как орган черных сил и сборище хамелеонов. Начальник области 7 ноября привлек к суду издателя Казарова и автора статьи Сергея Кирова.

25 ноября в газете «Терек» были опубликованы еще две статьи Кирова («Ликвидация стачек» и «14 часов труда»), в которых он выступил против эксплуатации рабочих. Последовал штраф в 200 рублей или арест на два месяца издателя и автора статей, «антиправительственных по духу». 9 декабря снова появились две обличительные статьи Кирова: «Начало конца» и «Дневник журналиста». И снова штраф 200 рублей с заменой арестом на два месяца. Потом — еще два месяца за статьи «В военном мире» и «Тревога в Китае».

Семь месяцев ареста и судебное преследование! Киров взглядом спрашивает издателя: «Не многовато ли, Сергей Иосифович?» «Ерунда,— отвечает тот.— Отсиживать не будем — уплачу штрафы, а подсудность перечеркнется амнистией по случаю 300-летия Дома Романовых». Штрафы платить было выгодно, потому что тираж газеты увеличился настолько, что они десятикратно перекрывались прибылью.

Так в своеобразно-молчаливом блоке Казаров — Киров каждый достиг своего: делец — денег, а большевик — легальной трибуны, с которой наносил самодержавию хотя и небольшие, но меткие удары.

Веет грозой

1912 год с самого начала ознаменовался для России важнейшими политическими событиями. Изгнав меньшевиков, РСДРП(б) укрепила свои ряды: в стране быстро возрождались марксистские кружки и партийные ячейки; начала выходить рабочая газета «Правда». Майские стачки прокатились от гранитной Невы до промасленных нефтью берегов

Каспия. Классовые бои пролетариата всколыхнули крестьянство, армию и флот. В Троицких лагерях под Ташкентом 1 июля вспыхнуло вооруженное восстание двух саперных батальонов. Назревали выступления на кораблях Балтики и Севастополя. (О состоянии политической борьбы в стране С. М. Киров был уже хорошо осведомлен московскими товарищами, доходившей до Северного Кавказа газетой «Правда» и выступлениями большевистских депутатов в IV Государственной думе.)

Огнедышащим вулканом курили и Кавказские горы. Аульская беднота страдала от безземелья. Пахотной земли на одного мужчину приходилось: в Северной Осетии — 0,4 десятины, в Ингушетии — 0,3, в Чечне и Балкарии — по 0,2 десятины. Иногородние крестьяне (украинцы, армяне, немцы, грузины, мадьяры и другие) земли вовсе не имели, арендовали ее на кабальных условиях у местных князей. Аграрная картина была настолько мрачной, что даже отпетая кадетка А. П. Маслова пустила слезу: у горца «земли столько, сколько помещается ее под его буркой» [1]. Преимущества имели лишь терские казаки. Составляя одну пятую населения области (255 тысяч), они владели 60 процентами угодий; пахотной земли на одного казака в среднем приходилось до 14,4 десятины. Нельзя было не видеть, что лучшая по плодородию и большая часть казачьей земли принадлежала атаманам, есаулам, духовенству и кулачеству.

С. М. Киров и нацеливал большевиков Терека на разъяснение крестьянству политики партии по аграрному вопросу: земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Такая постановка, разумеется, обща, неточна, это еще не лозунг о национализации земли, но зато доступнее пониманию неграмотных аульцев: «Фабрики — рабочим, земля — крестьянам!»

Первый аграрный взрыв произошел в горах Кабарды летом 1913 года. Сергей Миронович выехал туда, на поле брани прибыл ночью, познакомился с руководителем восстания Беталом Калмыковым [2]. Оказалось, что князья обманным путем

---

[1] Сведения о наделах земли горцам приводятся по брошюре Ильи Никонова «Киров на Северном Кавказе». Нальчик, 1960.

[2] Бетал Эдыкович Калмыков (1893—1940) — кабардинский батрак, активный участник революции, герой гражданской войны на Северном Кавказе.

Сергей Костриков, его бабушка Меланья Авдеевна
и сестры Анна и Лиза.
Уржум, 1904 г.

14877. Сергѣй Мироновъ КОСТРИКОВЪ.
а) м. г. Уржума. 23 л., пр., тхнк. Томск. Горн. Упр. **д)** фот. пр. **ж)** Томск. Г. Ж. У. **з)** 1 ч. 102 ст. уг. ул. **і)** ар. об. ув. Томск. Г. Ж. У. **к)** 8—3235.

С. М. Костриков.
Полицейский снимок.
Томск, 1907 г.

захватили Зольские пастбища. Борьба горских крестьян справедлива, надо бы поддержать повстанцев. Но Киров опоздал: законные требования горской бедноты уже утонули в крови, потому как «право» и пушки — на стороне властей. Кирова прямо-таки трясло от негодования. С той поры он уже редко появлялся в своей маленькой квартире в Лебедевском переулке, 9; скучала по своему читателю домашняя библиотека, молчала пишущая машинка, покрылось пылью ружье. Мария Львовна как жена ворчала, но как сочувствующая большевикам все понимала. Киров не знал отдыха, тормошил партийные группы, давая им все более ответственные и рискованные задания.

Осенью того же 1913 года Н. Г. Серебренникова прислала Кирову из Москвы работу В. И. Ленина «Критические заметки по национальному вопросу». Подпольщики изучили это произведение. Теперь они твердо усвоили платформу большевистской партии не только по аграрному, но и по национальному вопросу. Киров, руководители партийных групп и пока еще немногочисленных ячеек шли в аулы, вкладывали в сознание горцев мысль о том, что свободу и землю они получат в том случае, если в союзе с русским пролетариатом свергнут господство помещиков и капиталистов.

Развивались организаторские способности С. М. Кирова, его качества конспиратора. Семь лет охранка Владикавказа следила за ним, но так и не узнала, что этот «бойкий репортер» — один из руководителей большевиков Терской области. Семь лет терские жандармы пытались заслать провокаторов и накрыть организацию, но подпольщики не знали ни измены, ни провалов. Киров и другие руководители большевистского подполья на Тереке работали с людьми индивидуально. Если обстановка вынуждала, то проводили делегатские встречи на туристских походах, под видом группы альпинистов, охотников в горах, рыболовов.

Друзья Кирова по тем временам — заведующий типографией «Терека» Сивокозов и наборщик Крюков — свидетельствуют, что Сергей Миронович — отменный проводник. При восхождении на Эльбрус «всегда, бывало, расскажет, что и как надо делать». Большевичка Эмма Блок вспоминает, как преподаватель воскресной школы С. М. Костриков «превращал основы грамоты в политграмоту, умело показывая всю гниль самодержавия».

...По случаю 300-летия дома Романовых на Алагирском заводе устраивались торжества. Председательствовал сам управляющий. В адрес Николая II произносились пышные оды, называли его «мудрейшим государем». Позади участников собрания скромно сидел репортер газеты «Терек» с открытым блокнотиком и незаметно посылал в президиум маленькие листовки-вопросы: «Чем царь помогает семьям убитых на Ленских приисках рабочих?», «Когда правительство объявит свободу горским народам?», «Будет ли амнистия лучшим умам России — политзаключенным?», «Кто из династии Романовых был бездарнее Николая Кровавого?» Управляющий, развернув записки, побледнел от страха, с лихорадочной поспешностью рвал их. Рабочие подняли шум, требуя ответов (они-то знали, что это за записки!). Елейное торжество не получилось.

* * *

Авторитет Кирова поднимался из года в год. Издатель газеты держался за него обеими руками. Горцы встречали Сергея Мироновича радостным возгласом: «Кира! Кира!» А самое главное — на подъеме партийная работа. Установлены связи с Московским и Ростовским комитетами.

Но вот грянула мировая война. В жизни народа произошел крутой поворот, и Киров остановился словно перед воронкой взорвавшейся бомбы. Нужно было разобраться. Он набросился на экстренные телеграммы, публикуемые в местных газетах. Официоз «Терские ведомости» пестрел рекламами о коньяке, породистых собаках, объявлениями вроде: «Требуется красивая няня». Из Тифлиса сообщалось распоряжение начальника штаба Кавказской армии генерал-лейтенанта Юденича: военным и классным чинам указать своим женам и близким дамам, чтобы не выбалтывали военных секретов...

Острее, пожалуй, откликнулась на события газета «Терская жизнь». Весь ее номер от 22 июля 1914 года посвящен началу войны России с Германией. Манифест царя... «Жаркие молитвы Высочайших особ столицы...» Северокавказские депутаты М. А. Караулов и М. М. Далган выехали в Петроград на чрезвычайное заседание Государственной думы... «В персидской мечети Владикавказа — богослужение по случаю начала священной войны...» «Графиня Алек-

сандра Львовна Толстая записалась в сестры милосердия, отправляется на фронт...» «Крах Германской империи ожидается в ближайшие два-три дня...» «Антанта рукоплещет русскому царю...»

Вся эта (как, впрочем, и в «Тереке») газетная несуразица не могла пролить свет на глубинные причины великого горя, постигшего народ. Киров знал, что буржуазные газеты ведут себя с точки зрения «как прикажете», но от этого не легче. Он вышел на улицу, а там... Александровский проспект и площадь у дворца наказного атамана в шовинистическом угаре: взывают представители монархических партий; ратуют за войну князья и муллы. О «патриотическом долге» заговорили эсеры, меньшевики.

Северокавказские подпольщики не знали решений Копенгагенского и Базельского конгрессов об отношении социал-демократов к надвигающейся мировой войне. Некоторые из них, как позже выразился Киров, «взяли царскую винтовку на большевистское плечико и отправились с солдатскими песенками защищать великую неделимую царскую Россию» [1]. Нужно было разобраться. Помог томский период борьбы против русско-японской войны, подсказали интуиция революционера и сама жизнь: защита отечества здесь ни при чем.

Осенью 1914 года владикавказские большевики получили написанный В. И. Лениным манифест ЦК «Война и российская социал-демократия», в котором мировая война характеризовалась грабительской с обеих сторон. Партия призывала превратить войну империалистическую в войну гражданскую. В дождь и в темень отправлялся Киров в агитационный поход. Его можно было видеть вместе с Побегайловым на станции Минеральные Воды у воинских эшелонов беседующим с солдатами, у нефтяных вышек вместе с Николаем Анисимовым — руководителем грозненских большевиков. В пятигорском госпитале Сергей Миронович познакомился и близко сошелся с Иваном Малыгиным и Григорием Анджиевским, сыгравшими затем активную роль в проведении революции на Кавказе. В горах Терщины замелькали листовки, разоблачающие захватническую войну.

---

[1] Ленинградский музей С. М. Кирова. Стенограммы выступлений С. М. Кирова, т. 7, кн. 2, стр. 194—214.

В 1915 году Михаил Попов переехал со своей семьей в Ростов, приглашал Кострикова «вместе провести пасхальную неделю». В том же году Марии Львовне исполнилось 30 лет, вернулась из ссылки Софья Львовна, а Казаров выдвинул Сергея Мироновича на должность заведующего редакцией газеты «Терек». Надо бы все это отметить. Приехал по такому случаю Яков из Дербента. Пришли друзья. А Кирова нет дома, носится где-то по терским городам и аулам.

Над страной веет грозой. Война в народе крайне не популярна. Не поднял бравого духа и Брусиловский прорыв на Западном фронте. В глубинах народа назревала буря. Пахло порохом и в горах. Раньше всех к выступлению были готовы северокавказские железнодорожники и нефтяники Грозного.

В 1915 году в Кабарде возникла революционно-демократическая партия крестьянской бедноты — «Карахалк». Сергей Миронович всячески помогал ее руководителю Беталу Калмыкову. К 1916 году организация настолько окрепла, что вполне была подготовлена к революционным действиям.

Показателями растущей ненависти трудящихся к самодержавию явились восстание Осетинского дивизиона легких орудий и отказ чеченцев давать фронту коней и ехать на окопные работы (1916 год). Выросли, окрепли партийные ячейки и группы Ессентуков, Пятигорска, Моздока, Алагирского завода, Владикавказских железнодорожных мастерских. Осенью 1916 года в учительском институте Владикавказа родилась молодежная организация, ставшая зачатком комсомола Терской области. Зрели выступления как в рабочих слободках Курской, Шалдон, Молоканской, так и в задымленных саклях аульской бедноты.

Царизм пал

Газеты сообщили об отречении Николая II.

О том, что в стране назрела новая революция, Киров, терские большевики знали, чувствовали, видели из всего хода событий. Но почему самоотречение царя? Политический маневр дворянства и буржуазии? В первые день-два большевики Терека еще не знали, что произошло на Знаменской площади столицы. Они лишь догадывались: самодержавию пришел конец.

Предположения подтвердились. 5 марта духовенство и светские акулы Владикавказа преподнесли городу временную власть — Гражданский комитет. В ответ на это демократические силы 8 марта образовали свой орган городской власти — Владикавказский Совет. А на следующий день С. М. Киров писал в газете «Терек»: «Петроградский пролетариат и солдаты свергли самодержавие!»

Первая же неделя показала, что монархисты на Тереке располагают значительными силами. Большинство трудящихся с доверием относятся к меньшевикам, эсерам. В этих условиях Киров, Анисимов, Малыгин, Побегайлов, Долобко и другие руководители терских большевиков согласились пойти на временный тактический блок с меньшевиками. Был образован объединенный Комитет РСДРП Терской области, председателем которого избрали меньшевика Н. П. Скрынникова, а заместителем — С. М. Кирова.

Меньшевики составляли больше половины членов Комитета. Получилось так, что Гражданский комитет и Владикавказский Совет находились фактически в руках меньшевиков и эсеров. Реакция воспользовалась этим, и 14 марта казачий круг войска Терского образовал еще третью власть во главе с атаманом М. А. Карауловым, который занял пост комиссара центрального временного буржуазного правительства по Терской области.

Караулов начал с того, что ограничил свободу собраний, ввел смертную казнь. Киров настоял в городском Совете на резолюции, осуждающей закон о смертной казни. Большевики подняли владикавказцев, осадили дворец, комиссар был смещен, а казачья власть, противная горцам, рухнула. Тогда буржуазия делает «ход конем» и 1 мая образует коалиционное правительство «Республики горцев Кавказа». Председатель — тот же реакционер Караулов, второй председатель — коннозаводчик Пшемахо Коцев. В состав так называемого республиканского правительства вошли князья Рашид-хан Капланов и Нур-бек Тарковский, нефтяной король Тапа Чермоев, крупный дагестанский феодал-овцевод Нажмутдин Гоцинский и другие реакционеры.

Во Владикавказ к тому времени пришли решения VII (Апрельской) Всероссийской конференции большевиков. Пути борьбы за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической, изложенные в тезисах и докладе В. И. Ленина, ясны. Большевики Терека,

возглавляемые С. М. Кировым, начали упорную борьбу за претворение решений партии в жизнь. Работать было очень трудно. Меньшевики стремились подчинить себе большевиков. Объединенный Комитет РСДРП распался. А тут еще издатель газеты, узнав, кто такой Киров, брюзжит: «Костриков, где вы бегаете? Не вижу вас в редакции. Не могу же я платить вам жалованье за красивые речи».

20 мая в Тифлисе открылся съезд Советов всего Кавказа. Киров ехал на съезд с надеждой, что этот форум трудящихся явится могучим противовесом княжескому правительству, поможет опрокинуть его. Но и там меньшевистско-эсеровское засилье протащило свои резолюции о поддержке петроградского правительства кадета Львова, о «войне с Германией до победного конца».

Киров вернулся со съезда ночью, мрачный, как туча. С гор спускалась освежающая прохлада. Синели контуры спящих улиц Владикавказа.

Не видел Сергей Миронович в ту весну молочного разлива садов. И жены давно не видел. Прошлой осенью наказной атаман выселил из военной столицы австро-германцев, мадьяр и евреев. Мария Львовна была вынуждена переехать в Дербент, к матери и брату Якову. Плохо без подруги жизни. Грустно от неудач на съезде. Киров свернул в узкий переулок, увидел свет в окне своей квартиры и ускорил шаги. Отправляясь в Тифлис на съезд, он послал жене письмо, чтобы она возвращалась домой насовсем,— теперь не опасно. Может, приехала? Точно, она!

* * *

Переход от Февраля к Октябрю на Северном Кавказе протекал в чрезвычайно трудных условиях. Местная правительственная чехарда, вред, наносимый меньшевиками, эсерами и распоясавшейся военщиной, коварство горских князей и верхушки казачества, национализм, религиозный фанатизм и сплошная неграмотность горцев — все это переплелось, запуталось, усложнилось, обострилось. Здесь, в краю «туземном», борьба за политическую армию революции требовала, как нигде, исключительной осторожности, тончайшей гибкости.

Поздней весной в квартиру Кировых постучались. Вошел мужчина средних лет, курчав, глазаст, с кавказским профилем лица.

— Я Ной.

— Но-ой? — Киров изумлен.— Который Ной?

— Буачидзе Самуил Григорьевич. Скитался по Турции, Болгарии, Швейцарии. Вернувшись, был в Питере. Ильич направил сюда. Здесь мне приходилось работать в девятьсот шестом...

У Сергея Мироновича появился опытный, надежный соратник.

К лету 1917 года Северный Кавказ уже располагал довольно значительными революционными кадрами. В Осетии революционную борьбу возглавляли Георгий Цаголов, Саханджери Мамсуров, Симон Такоев, Андрей Гостиев; грозненских нефтяников вели большевики Николай Анисимов и Николай Гикало; большевиками зоны Кавказских минеральных вод (Пятигорск—Ессентуки—Кисловодск) руководили Иван Малыгин, Григорий Анджиевский, Иван Зейликович, Оскар Лещинский и другие; в Чечне к борьбе за власть народа призывал Асланбек Шерипов; в Кабарде — революционная организация «Карахалк» во главе с Беталом Калмыковым и его бесстрашными соратниками Фанзиевым, Ахоховым. Смелых руководителей выдвинули железнодорожники, трудящиеся Ингушетии и Балкарии, а в самом Владикавказе партийную работу вели Г. Н. Ильин, Я. Л. Маркус и другие.

Теперь С. М. Кирову стало легче: налажена регулярная связь с ЦК большевиков; вместе с ним терской областной партийной организацией руководят такие видные революционеры, как С. Г. Буачидзе, М. Д. Орахелашвили, Ю. П. Фигатнер, Ю. П. Бутягин, и бывший меньшевик-интернационалист Я. П. Бутырин, прочно ставший на путь большевизма. Все они изо дня в день выступают перед трудящимися, разъясняя Апрельские тезисы В. И. Ленина и решения VII Всероссийской конференции, пропагандируют идеи перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической. Задушевно беседовал Киров с горцами, образно рассказывал: «Много раз приезжали на Кавказ царевы художники, ахали оттого, как красиво парят в небе орлы. Но не замечали они только вас, орлов-тружеников, живущих у подножия этих гор со связанными крыльями...» Слушая своего кунака, горцы шире расправляли плечи, готовые идти за «Кирой» куда угодно.

В августе 1917 года С. М. Киров выехал в Петроград в Центральный Комитет партии за инструкциями и с докладом

о положении дел на Тереке. В Москву прибыл в разгар корниловского мятежа. Корнилов рвался к Питеру. В Московском комитете РСДРП(б) Кирову рассказали о курсе партии на вооруженное восстание, посоветовали вернуться во Владикавказ. Вскоре приехал из Петрограда и делегат VI съезда Николай Анисимов, привез подробные указания ЦК партии, Ленина.

К исходу сентября большевики Терека добились перевеса в Советах. Председателем Владикавказского Совета был избран Мамия Орахелашвили [1], в состав исполкома вошли Ной Буачидзе, Сергей Киров, Юрий Бутягин и другие товарищи.

5 октября С. М. Киров и Ю. П. Бутягин были избраны делегатами на II Всероссийский съезд Советов и вскоре выехали в Петроград.

---

[1] М. Д. Орахелашвили — член партии большевиков с 1903 года, врач, вернувшийся с фронта сразу после падения царизма.

IV.
ОКТЯБРЬ В АУЛАХ

Геракл пришел

С. М. Киров возвращался из Петрограда взволнованный, переполненный счастьем. Он свидетель рождения новой эры, участник принятия первых советских декретов и образования первого в мире рабоче-крестьянского правительства! Он впервые видел и слушал в Смольном Ленина, познакомился с его соратниками. Кирова изумил и сам процесс восстания в столице: вооруженное, а почти бескровное; великий, потрясший земной шар переворот, а в театрах занавес опустился, как и положено, в конце спектакля; кульминация классовых битв, а лавки Гостиного торгуют по-обычному, открыты почта и парикмахерские, ходят трамваи. И штаб революции, Смольный, действовал так оперативно и так уверенно, словно большевики всю жизнь только тем и занимались, что брали власть, накопив в этом деле богатейший опыт.

Незабываемо!

...Вспомнилась Кирову известная легенда. Неведомо, кем она занесена на Северный Кавказ, но жила здесь издревне. Прометей, отвоевав у неба огонь, научил людей им пользоваться. Взбешенный Зевс приковал героя к скале Казбека, и орел клевал его печень. Подобно Прометею, на века приковали угнетатели к своей скале угнетенных. И помыкали ими, как хотели. «Где же он, Геракл-спаситель?.. Кто освободит от рабства?» — мечтали многие поколения.

В октябре 1917 года освободитель поднялся во весь свой гигантский рост. Вихрем пронесся по мраморным ступеням Зимнего, ворвался на улицы Москвы, Тулы... Скоро, теперь

уже совсем скоро придет он на Северный Кавказ и вызволит тружеников-горцев из вековой неволи!

4 ноября 1917 года состоялось заседание Владикавказского Совета. Киров доложил о победе вооруженного восстания в Петрограде, о решениях II Всероссийского съезда Советов, призвал приветствовать Октябрьскую революцию.

Триумфальное шествие Советской власти на Северном Кавказе имело свои особенности. Трудность состояла в том, что княжеско-атаманское правительство Караулова—Коцева крепко опиралось на казачий круг и горских феодалов. Буржуазные газетки окрестили ленинский Совнарком мыльным пузырем, а Советы — сборищем разбойников. Нужно было вырвать массы из лап реакции, объяснить горцам, что только рабоче-крестьянская власть даст им землю и свободу. Руководители Советов и областной партийной организации выехали в районы, станицы, аулы.

С. М. Киров поехал в Пятигорск, встретился там с Иваном Малыгиным, рассказал ему обстановку и задачи, побывал у председателя солдатского комитета Григория Анджиевского, вместе с ними провел инструктивное совещание партийного актива зоны Кавказских минеральных вод. Такое же совещание провел и в опорном пункте революции на Тереке — Грозном. Затем Киров отправился в Кабарду, где на съезде организации «Карахалк» по его инициативе было решено создать вооруженный отряд революции. Председатель организации Бетал Калмыков и члены ЦК Мажид Фанзиев и Хажумар Карашаев заверили Кирова, что карахалковцы будут поддерживать большевиков во всем.

Вооруженные отряды формировались также в Ингушетии, Чечне, среди грозненских нефтяников. В горной Осетии возникла революционно-демократическая организация «Кермен». Организацию возглавили большевики Георгий Цаголов, Дебола Гибизов, Колка Кесаев и Тарас Созаев [1].

Большевикам Терской области удалось завоевать массы на свою сторону. 30 декабря 1917 года Владикавказский Совет принял решение признать Советскую власть и войти в подчинение ВЦИК и Совнаркома РСФСР. Но реакция не смирилась. Располагая поддержкой местного гарнизона, она перешла в наступление. Контрреволюция в провокационных целях убила чеченского шейха, разгромила три чеченских

---

[1] В 1918 году карахалковцы и керменисты вступили в РКП(б).

аула и казачьи станицы Каховскую и Фельдмаршальскую, опустошила Грозный, а вину за все эти злодеяния свалила на... большевиков.

5 января 1918 года большая группа казачьих офицеров разгромила Владикавказский Совет; Ной Буачидзе и другие областные комиссары были схвачены. В городе начались грабежи. Киров, случайно избежавший ареста, уехал в Пятигорск, предпринял меры к спасению Буачидзе и других арестованных товарищей. Освободить их удалось, однако обстановка на Тереке продолжала обостряться.

Реакция все больше наглела. Во Владикавказе начались кровавые оргии, насилия, резня мужчин, женщин, детей. С Дона и Кубани подступали белые. Терек оказался в огненном кольце. Связь с Россией прервана. В Дагестане продовольственная катастрофа, зверства образованного 1 декабря 1917 года Терско-Дагестанского реакционного правительства. Железная дорога запружена войсками, возвращающимися с турецкого фронта. Горские князья и командиры «туземных» полков скупали за хлеб винтовки, пулеметы и даже пушки.

Горы вот-вот станут ареной битв.

Моздокский съезд

В этой благоприятной для реакции обстановке 25 января 1918 года собрался в Моздоке первый съезд народов Терской области. Его созвал так называемый Моздокский военно-революционный комитет во главе с полковником Рымарем и есаулом Пятирублевым. Делегация казаков прибыла на съезд с винтовками. Главная цель затеи состояла в том, чтобы съезд одобрил уже отданный Рымарем приказ об объявлении войны казачества против Ингушетии и Чечни.

Прибывшие в Моздок большевики сделали все, чтобы предотвратить эту войну. Споры длились четыре дня, но приказ Рымаря был все же отменен. Было также принято решение послать делегацию в Ингушетию и Чечню с приглашением на съезд (организаторы съезда «забыли» их пригласить).

29 января на съезде с докладом выступил С. М. Киров. Он призывал к единству и дружбе всех национальностей Терека. «...Россия,— сказал Киров,— переживает тяжелый

момент, и нами должно руководить одно желание: спасти во что бы то ни стало завоевания революции... Терская область разбилась на несколько частей, ведущих между собой кровавые бои... Если мы не создадим единого революционного крепкого фронта, то наше дело здесь будет погублено» [1].

Заседания съезда проходили в тесном зале кинематографа. Тускло светили керосиновые лампы. Подвыпившие казаки щелкали затворами, бросали в адрес докладчика насмешливые реплики. А Киров убеждал: «Нам нужно расчистить кровавую атмосферу, дать населению свободно дышать...» [2]

Участник съезда поэт Дзахо Гатуев вспоминает: «Как море, шумел зал, провожая за кулисы Мироныча. Опустившись на некрашеную скамью, он курил, глубоко вдыхая табачный дым. Синева усталости легла на его побледневшее лицо. Но сражение было выиграно». Предложенная большевиками резолюция о демократической власти народов Терской области была принята съездом единогласно и, как отмечено в стенограмме, «под гром аплодисментов на всех скамьях и многочисленной публики у входа». Позже Г. К. Орджоникидзе писал, что только благодаря умелой политике наших товарищей, главным образом товарищей Кирова и Буачидзе, удалось расстроить казацкую махинацию и не допустить объявления войны горцам.

Съезд избрал Временный совет области, выпустил обращение к народам Терека «Всем, всем, всем!..» и прервал свою работу на две недели. Временный совет приступил к образованию отраслевых коллегий, а большевистские делегаты разъехались по аулам для подготовки нового съездовского сражения.

16 февраля в Пятигорске открылась вторая сессия Моздокского, а точнее, Терского областного народного съезда. Сессия заслушала отчет Временного совета. Докладчиком выступал председатель совета Юрий Пашковский — левый эсер, поддерживавший большевиков. Затем доклад о текущем моменте сделал С. М. Киров. Обсуждались также аграрный, национальный и другие вопросы. Съезд проходил в острых столкновениях, но в отличие от Моздокской сессии здесь был явный перевес демократических сил.

---

[1] *С. М. Киров.* Избранные статьи и речи, 1957, стр. 15, 17.
[2] Там же, стр. 19.

По докладу Кирова о текущем моменте развернулись жаркие споры. Большевики Фигантер, Бутягин, Гикало, председатель президиума съезда Симон Такоев убедительно доказывали, что Советская власть выражает интересы трудящихся. Но вот выступил правый эсер К. Мамулов, зачитал опубликованные в печати тяжелые условия Брестского мира, принятые Советским правительством. Поднялся гул. Перекрикивая всех, Мамулов заявил, что партия социалистов-революционеров не признает этого мира и что брестские условия, предъявленные немцами, гибельны для России. Казачья верхушка, правые эсеры и меньшевики стали требовать голосования о доверии Совету Народных Комиссаров РСФСР. Обстановка на съезде сложилась не в пользу большевиков, и они предложили устроить перерыв. К счастью, в президиум поступило заявление от мусульманских делегатов, в котором горцы требовали перерыва «для совершения молитвы».

Свое отношение к Брестскому миру С. М. Киров выразил в статье «События развиваются», помещенной в пятигорской большевистской газете «Голос» 22 февраля 1918 года. Кратко изложив условия мира, он пояснял, что германские империалисты хотят задушить Советскую республику. Отсюда чрезвычайная задача революционной демократии — сорвать замыслы врага.

Участвуя в работе съезда, Киров, кроме того, выступал на окружных народных съездах в Грозном и Моздоке, на собрании представителей 36 профсоюзных организаций Кавказских минеральных вод. И везде он бил в одну точку: крепить дружбу народов «республики рабочих, крестьян, казаков и горцев».

На Россию двинулись немцы. В степях Дона и Кубани рыщут белые армии. Северный Кавказ кишит монархистами, бежавшими из центральных районов страны. Мы, говорил Сергей Миронович, стоим одной ногой над пропастью. Надежда только на братский союз народов Терека. Если братство будет выковано, тогда «цепь гордых скал явится той могучей преградой, о которую разобьются все силы реакции... В диких горных ущельях слышен не только вой ветра, но там слышна и революционная песня затаенных надежд истинных сынов демократии» [1].

---

[1] *С. М. Киров.* Избранные статьи и речи, стр. 36.

После перерыва на съезд прибыли делегаты Ингушетии и Чечни. Пришли приветствовать съезд войска пятигорского гарнизона, заявив: «Отдаем себя в распоряжение съезда терских народов». Большевикам удалось удержать инициативу в своих руках. Сессия признала Советскую власть единственной властью в стране. За признание голосовали 220 делегатов, против — 22, воздержались 44 делегата. Съезд избрал областной Совет, образовал Совнарком Терека во главе с С. Г. Буачидзе и послал приветствие В. И. Ленину.

Потерпев поражение, лидеры фракций правых эсеров и меньшевиков покинули съезд, переметнулись в Моздок, заняли там министерские кресла уездного «правительства» и стали грозить расправой «по-кавказски» с большевистской фракцией съезда, лично с Кировым и Буачидзе. Но съезд не дрогнул. Исчерпав первую часть повестки дня, он в полном составе специальным поездом, украшенным кумачовыми стягами, переехал 8 марта в столицу области — Владикавказ. Княжеско-феодальное правительство Коцева бежало в Дагестан. Жители Владикавказа ликовали, город в праздничном убранстве, но...

К зданию бывшего кадетского корпуса, где разместились Совет и областной Совнарком, подъехала подвода. На арбе — трупы пяти осетин, голые, уши отрезаны, глаза выколоты. Двор и площадь мгновенно запрудила толпа. Крик, драки.

Буачидзе, Киров и областной комиссар внутренних дел Бутырин вклинились в самую гущу, стали разъяснять людям, что убийство осетин — провокация.

Толпа на площади кое-как утихомирилась, но пламя межнациональной вражды запылало в горах. На стыке осетинского села Ольгинского и ингушского селения Базоркино вспыхнуло вооруженное столкновение.

Съезд послал туда двух делегатов. Вернувшись во Владикавказ, они доложили, что воюющие стороны даже разговаривать о мире не хотят. Тогда была послана более авторитетная комиссия: герой Балкарии Султан-Хамид Каламбеков (глава делегации), народный герой Чечни Асланбек Шерипов, областной комиссар промышленности и торговли Юрий Бутягин. Отправился с ними по собственной инициативе и С. М. Киров.

К селениям подъехали утром, когда междоусобная трагедия уже возобновилась. Сергей Миронович предложил

въехать на автомобиле, но Каламбеков возразил: только на коне. Он поймал одну из пасущихся лошадей, вскочил на нее, поднял белый флаг и поскакал. В мгновение пуля сразила Каламбекова. Сергей Миронович попросил шофера и Бутягина снести убитого к автомобилю, а сам вместе с Шериповым пошел вперед. Флаг нес Асланбек. Пули гудели над головой. Парламентерам дважды пришлось залегать в расщелинах рыжеватого камня, передвигаться почти по-пластунски.

Наконец осетины узнали «Киру», виновато потупили глаза, но оправдывались, что ведут лишь оборонительные бои. И жаловались: раненых много, а фельдшеров нет; пора бы начинать полевые работы, но долина простреливается, и они рискуют остаться без яровых хлебов, голодными... Огонь удалось прекратить. Убитых подобрали. Раненых снесли в хижины. Вечером, получив заверение о мире, комиссия уехала. Тем временем прибыли казаки, с ходу открыли по ингушам орудийный огонь. И вновь заговорили винтовки, пулеметы, ночное небо покрылось заревом пожарищ.

Похороны Султана Каламбекова большевики превратили в грандиозный митинг дружбы горских народов, а на следующий день в район боев отправилась третья мирная делегация в составе 21 человека — по представителю почти от каждой горской национальности. Делегация везла предписание съезда: немедленно прекратить братоубийственную войну, выслать к мельнице (ничейная территория) уполномоченных для переговоров. За четверо суток удалось заключить перемирие, а еще через неделю, 8 апреля, во Владикавказе, в здании Народного Совета, был подписан осетино-ингушский мирный договор.

Одновременно с ингушско-осетинской войной вспыхнуло контрреволюционное восстание в Кабарде. Отряды Бетала Калмыкова подавили мятеж, разоружили офицерские части, а «правителя» Чежакова взяли в плен. 18 марта в городе Нальчике в здании реального училища открылся народный съезд. В своем обращении к населению он объявил о переходе власти в Кабарде и Балкарии в руки Советов, о передаче помещичье-княжеской земли крестьянам.

В середине апреля наконец закончил свою работу съезд, начавшийся еще 25 января в Моздоке. Съезд принял свыше 40 декретов по важнейшим вопросам (о национализации недр, водных бассейнов, лесов, необрабатываемых

земель, трамвайных путей, о формировании отрядов Красной Армии и народной милиции, о преподавании в школах на родном языке и другие). Большевикам удалось занять ключевые позиции в законодательных и исполнительных органах власти, в городском самоуправлении. Но силы контрреволюции на Тереке были еще весьма значительны. Они ловко использовали темноту и невежество, в которых находились трудящиеся массы горских народов, и вражду, насаждавшуюся самодержавием между национальностями.

Контрреволюционные силы Терека поощрялись и вдохновлялись внешней контрреволюцией — белогвардейцами Кубани, реакционными правителями Дагестана, меньшевистским правительством Грузии. Анализируя создавшуюся обстановку на Тереке, Буачидзе говорил на областной партийной конференции: «Над нашими головами сгущаются темные тучи, сверкает молния, и скоро должны последовать раскаты грома».

Большевики Терека понимали, какие трудности переживала Советская Россия: значительную часть страны оккупировали кайзеровские войска, англичане высадились на Мурмане, японские захватчики — в дальневосточном Приморье; Сибирь лихорадили мятежи кулачества, эсеров; Москва и Петроград — почти без хлеба и топлива. Более чем трехлетняя война подорвала экономику России, привела к резкому упадку хозяйство. Обо всем этом терские большевики помнили, и все же 27 апреля было принято решение командировать Кирова с группой товарищей в Москву, к В. И. Ленину за помощью. Ведь для обороны края нет ни оружия, ни денег, ни медикаментов.

Кипящий котел

Поздним вечером 21 июня 1918 года в номер 434 московской гостиницы «Метрополь» внесли и вручили Кирову телеграмму, от которой он весь похолодел. Во Владикавказе мятеж, злодейски убит Самуил Григорьевич Буачидзе. Мятеж подавлен, областное правительство возглавил левый эсер Юрий Пашковский. Есаулы перенесли огонь в Моздок, вдохновитель восстания — меньшевик Георгий Бичерахов. В телеграмме звали Кирова во Владикавказ: «Ваше присутствие здесь крайне необходимо. Выезде телеграфируйте».

С этой тревожной телеграммой Сергей Миронович побежал в Кремль, к Свердлову. Как быть: немедленно выезжать или заканчивать снаряжение эшелона с оружием, ради которого он, Киров, и приехал в столицу? Пашковскому он верит. Кроме того, во Владикавказе видные большевики: Орахелашвили, Фигантер, Бутягин и другие. Там же находится и представитель Кавказского краевого комитета партии Филипп Махарадзе. Но все же полнота власти — Совет и Совнарком — в руках левого эсера... К тому же на Тереке процветает местничество...

Доложили Ленину. Владимир Ильич распорядился: Я. М. Свердлову взять шефство над отправкой оружия на Северный Кавказ; чрезвычайному комиссару Юга страны Г. К. Орджоникидзе лично выехать во Владикавказ, разобраться на месте и действовать сообразно обстановке; С. М. Кирову выступить в «Правде» и дать отповедь буржуазным газетам о положении дел на Тереке.

В те летние дни 1918 года зарубежная капиталистическая пресса подняла шумиху о «диких событиях», якобы происходящих на Кавказе. «Туземцы», дескать, режут казаков, изгоняют русских вместе с их Советами. В своей статье «На берегах Терека» Киров отметил, что на Северном Кавказе действительно тяжелое положение. «Но Кавказ,— писал Сергей Миронович,— еще не сказал своего последнего слова, хотя оно на устах у всей демократии. И близок тот час... Население уже поняло, что не на штыках немцев и турок свобода... а в его собственных руках, поднимающих знамя Советской России».

* * *

С. М. Киров возвращался из Москвы с двумя эшелонами оружия для Северокавказской армии. Ростов занят белыми. Поехали через Царицын. И здесь положение критическое. Пришлось один эшелон оружия отдать защитникам волжской твердыни. Почти все вагоны второго эшелона оставил в Астрахани председатель Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта А. Г. Шляпников, в чье подчинение входила и Северокавказская армия. Дальше Киров и его помощники везли на верблюдах по Ногайским степям только ручные пулеметы, винтовки, ящики с патронами и медикаменты.

Путь труден. Ни воды, ни пищи, частые стычки с конными разъездами белогвардейской разведки.

И на Тереке обстановка мрачная. Кипящий котел! Владикавказ отрезан; в горах Осетии свирепствует банда полковника Кибирова, а в Кабарде зверствует ротмистр Серебряков.

По прибытии в Георгиевск Киров узнал, что командующий Северокавказской армией Сорокин расстреливает в Пятигорске большевистских комиссаров, партийных и советских руководителей.

Распределив остаток оружия между верными Советской власти воинскими частями, Киров полулегальным образом перебрался в Кисловодск, предпринимая меры к тому, чтобы надеть смирительную рубаху на Сорокина и его штаб.

Тем временем Г. К. Орджоникидзе, прибыв по заданию Ильича во Владикавказ, организовал оборону в треугольнике Владикавказ — Кизляр — Моздок. Белоказачье восстание охватило весь Терек. Силы неравные. Владикавказ на волоске, падут он и Грозный — рухнет вся Терская область. В этой критической обстановке советский Терек могли спасти только войска Северокавказской армии, но прежде требовалось сместить изменника Сорокина. Это мог сделать только внеочередной съезд Советов Северного Кавказа.

II Чрезвычайный съезд Советов Северного Кавказа собрался в станице Невинномысской, руководил им член ВЦИК РСФСР и член Реввоенсовета армии С. Д. Одарюк. Съезд избрал С. М. Кирова[1] и председателя Северокавказского ЧК Г. А. Атарбекова делегатами на VI съезд Советов РСФСР; специальным решением съезд обратился к Советскому правительству с просьбой помочь Северному Кавказу оружием, боеприпасами и другим военным снаряжением. С этой целью в Москву вместе с делегатами VI Всероссийского съезда Советов Кировым и Атарбековым выехали комиссары области О. М. Лещинский и Д. С. Козлов.

Съезд в Невинномысской принял постановление о предании суду Сорокина. 27 октября от имени съезда был издан приказ. В нем говорилось: «Высший выразитель воли трудящихся Второй Чрезвычайный съезд Советов Северного Кавказа приказал арестовать командующего и ряд других лиц». Далее в приказе следовали призывы к бойцам армии «забыть

---

[1] С. М. Киров находился в Кисловодске и непосредственного участия в работе съезда не принимал.

личности» и выполнять «только приказания Второго Чрезвычайного съезда Советов Северного Кавказа».

С авантюристом Сорокиным и его штабом покончили в несколько дней. На помощь защитникам Грозного срочно прибыли два стрелковых полка и полевая артиллерийская батарея. В то же время посланная Орджоникидзе группа агитаторов во главе с наиболее авторитетным среди казаков большевиком А. З. Дьяковым вернула на сторону Советской власти не только казачью бедноту и ее красные конные отряды, но и середняков четырех крупных станиц. Комбинированным ударом из Пятигорска и Владикавказа неприятельские фланги были смяты. Трехнедельное решительное наступление увенчалось успехом: 23 ноября освободили Моздок. Бичераховское белоказачье восстание было подавлено. Среди многочисленных пленных — 146 генералов и полковников, в том числе известные генералы Брусилов и Радько-Дмитриев. Вначале их держали как заложников для обмена на большевиков, томящихся в моздокской тюрьме. Но после взятия Моздока пленные генералы и полковники были доставлены Ю. П. Бутягиным в Москву.

Жаркие бои на Тереке дорого обошлись и революционным силам. Кроме руководителей краевого комитета партии и ЦИК Северного Кавказа погибли председатель Терского Совета и Совнаркома Пашковский, председатель Кисловодского совдепа Тюленев, командующий Таманской армией Матвеев, комиссар Владикавказской железной дороги Долобко и многие другие товарищи. Смертью храбрых пали в боях тысячи и тысячи рядовых горцев, красноармейцев — русских, украинцев, представителей других народов Советской страны.

...Киров торопился на VI съезд Советов РСФСР. Сергею Мироновичу и его товарищам, едущим в Москву, предстояло пробираться по тылам белогвардейцев. Но как он ни торопился, решил предварительно заехать во Владикавказ, хоть на часок забежать домой — семь месяцев не виделся с женой. Как она там? Приехал и ужаснулся: Мария Львовна убита горем. Мать ее голодает в Дербенте, больна, а помочь нельзя и нечем. Сестра Рахиль лежит в тифозной больнице, в бреду. Был слух о гибели брата Якова. А тут еще мятежи, бесчинства, погромы. Узнав, что жена вступила в партию большевиков, Сергей Миронович несказанно обрадовался.

— Знаешь что, Маруся,— сказал он.— Поедем вместе. Где-нибудь пристрою тебя на пути в Москву. Здесь тебе оставаться нельзя: коммунистка, жена того, за чьей головой охотится контра Терека. И потом ты... В общем, сама понимаешь.

Мария Львовна покачала сникшей головой:

— Нет, Сереженька, я останусь при больной сестре. А ты езжай на съезд. Пиши чаще, с дороги пиши.

Не знали они, не ведали, что расстаются надолго...

V.

ГОДЫ ОГНЕВЫЕ

Астрахань защищать до конца.

В. И. ЛЕНИН

Астрахань не сдадим!

С. М. КИРОВ

В низовьях Волги

Маршрут из Москвы на юг был опасен. По степи шныряли банды анархистов, кулачества, глубоко просачивалась разведка деникинцев. Киров и группа большевиков, ехавших на Кавказ, непрерывно дежурили на тормозных площадках вагонов. В этих вагонах ценнейший груз: 50 автомашин, около сотни мотоциклов, станковые пулеметы, легкие пушки, винтовки, снаряды, ящики с патронами и деньгами (царскими купюрами, предназначенными для закавказских подпольщиков), медицинское имущество. Морозный ветер пронизывает насквозь... Десять суток без сна и горячей пищи... Бывало, что у паровоза кончалось топливо... Радовали только опубликованные в газетах сводки штаба Каспийско-Кавказского фронта за 6, 8 и 14 января 1919 года. Все три сводки одного содержания: «Во флоте и XI армии без перемен» [1]. Сообщалось даже об успешном наступлении частей 11-й Северокавказской армии.

В Астрахань прибыли 16 января. И тут узнали, что на Тереке идут ожесточенные бои, 11-я армия терпит неудачи, разваливается.

Киров и его спутники перегрузили оружие из вагонов на автомашины. Скорее, скорее на помощь армии! Сотни километров бездорожья и снежных заносов преодолели за неделю. Кое-как добрались до предместий Кизляра. Новость еще горше: Северокавказский фронт рухнул, Терская область захвачена белогвардейцами.

---

[1] См. *В. Т. Сухоруков.* XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге в 1918—1920 гг. Воениздат, 1961, стр. 184.

Пришлось вернуться в Астрахань. Киров вверяет охрану автоколонны Оскару Лещинскому, а сам берет в «полуторку» ящики с патронами и пятью миллионами рублей, устанавливает пулемет, сажает к себе в машину Георгия Атарбекова и Юрия Бутягина.

— Поехали. Напрямик во Владикавказ!

Но и этот план помощи горским большевикам сорвался. Нелепо сорвался. При переезде через один из рукавов Волги лед разломился и машина пошла ко дну с пулеметом и деньгами. Люди, правда, успели выскочить. Вызвали водолазов. Киров неотлучно находился у палатки, бегал по льду, чтобы согреться, чертыхаясь и надрывно кашляя... Поднять машину не удалось. Пришлось брать вторую.

Автомобиль барахтался по заснеженной Прикаспийской низменности. Киров сидел в кабине рядом с шофером — мрачный, потрясенный полученными в штабе фронта сведениями. Терская область оккупирована деникинцами. 50 тысяч бойцов 11-й армии скосил тиф. Остальные, простуженные и обозленные, отступают на Астрахань — ни боеприпасов, ни медицинской помощи, ни зимней обуви. Орджоникидзе и другие оставшиеся в живых руководители скрылись в горах с намерением организовать партизанские силы. Где они теперь? Какова их судьба? Почему председатель РВС Каспийско-Кавказского фронта А. Г. Шляпников и командующий фронтом М. С. Свечников не предупредили катастрофы армии? Почему не оказали помощи защитникам Терской области? Страшно досадовал Киров и на себя — не успел, опоздал с эшелоном.

А может, сведения о трудностях преувеличены? И вот Киров увидел своими глазами. По степи брела толпа в лохмотьях. Одни красноармейцы держались еще на ногах, другие стонали на санях, третьих тащили волоком на сколоченных горбылях. Часть войск осела где-то на берегах Кумы; многие умерли в пути, и снег прикрыл их.

Вернувшись в Астрахань, Киров, не в силах сдержать свой гнев, резко сказал Шляпникову:

— Александр Гаврилович, что же это творится? Это какое-то преступление!

— Ну-ну, потише! Пять миллиончиков-то прикарманил, а на дно Волги пустил ящики с кирпичом? Я приказал начать судебное следствие!

Киров сел, как подкошенный.

Обстановку тех дней метко обрисовал Ю. П. Бутягин в письмах своей жене: «Мы живем всей кучей в большой комнате... 18 человек из экспедиции, валяемся на полу на разостланных дохах, шинелях, бурках; питаемся консервами, воблой... Письмо оттого такое беспорядочное и получается, что пишу на полу». Далее он сообщает, что Шляпников торопит суд, ежедневно вызывают на допросы. Оскар Лещинский сильно температурит, и Киров дважды за ночь сменял ему рубаху. А теперь, утром, «Лещинский напевает «Марсельезу» по-французски; Миронич спит рядом между мною и Лещинским, его толкают, будят пить чай... Хорошие, эти двое, ребята. Спокойные, веселые... На душе кошки скребут после допросов, а сами шутят надо мною и над собой».

Кавказские экспедиционники, застрявшие в Астрахани, облегченно вздохнули, как только пришло из Москвы распоряжение репрессий не чинить. На десятый день были подняты и ящики с деньгами.

А голодная, обозленная, завшивевшая армия приближалась. В Астрахани смятение: матери боялись за детей, торгаши — за лавки. Губком партии и Реввоенсовет Каспийско-Кавказского фронта предприняли все зависящие от них меры к встрече пораженной тифом армии. Были конфискованы загородные дачи купцов и рыбопромышленников. Оборудовали госпитали, мобилизовали медицинский персонал Астраханского края, сформировали дезинфекционные отряды. Среди населения начался сбор посуды, обуви, постельного и нательного белья. С. М. Киров и его товарищи по кавказской экспедиции выехали навстречу армии, организовали для бойцов питательные пункты.

Добравшихся до Астрахани воинов 11-й армии помыли в бане, накормили, оказали первую медицинскую помощь. В районах Яндыки и Лагани разместили 15 тысяч, а в пригороде Астрахани — около 10 тысяч красноармейцев. Так крупнейшая, замечательно сражавшаяся армия слегла на больничные койки, слегла надолго.

Дельта в опасности

В ходе спешных дел по спасению остатков 11-й армии выявилась инертность Астраханского совнархоза, запущенность партийной и советской работы. Выяснилось также, что

Шляпников применяет необоснованные репрессии, противопоставил русским все остальные национальности края, а местных руководителей — «южным варягам» (закавказским революционерам, бежавшим в Астрахань от преследования английских оккупантов). Одна армия слегла в больницу, другая — 12-я армия разваливается. Корабли флотилии неисправны. Город запрудили беженцы и всякого рода дезертиры, заняв театры, цирк, церкви. Слухи о том, что начальство тайно готовится к эвакуации, усилились, и люди спали на узлах. Английский адмирал Норисс доносил военному министру Великобритании У. Черчиллю: «Всю ответственность за ведение операций против красных сил, сосредоточенных в Астрахани, и за правильное снабжение морем Уральского фронта (Колчака.— *Ст. К.*) Британское морское командование берет на себя».

Кирову поведение Шляпникова показалось странным. Разумеется, обстановка в стране тяжелая, больше половины России стонет под кровавым сапогом интервентов и белогвардейщины. Деникин и Колчак, соединившись, могут отрезать Астрахань легко и просто. Шляпников, сдав город, может укрыться за горой объективных причин. Но Астрахань нельзя терять. Астрахань — ворота на Кавказ, в Закаспий. Астрахань — рыбная база, путь к хлебу, нефти, к соли. Наконец, Астрахань — клин, вбитый между Колчаком и Деникиным, между ними и интервентами. Это же стык миров! Нет, устье Волги сдавать нельзя.

С такими мыслями Сергей Миронович ходил к Шляпникову. Разговор был крупный, но безрезультатный. Оно и понятно: разные они люди, различно их отношение к революции. Киров не мог тогда знать, что Шляпников в скором времени явится одним из лидеров пресловутой «рабочей оппозиции». Партийная совесть подсказала Кирову решение: послать в ЦК телеграмму, изложив в ней причины катастрофы 11-й армии, обстановку в Астрахани и предложения по ее оздоровлению, а о себе — просить разрешение для ухода на нелегальную работу в Терской области.

* *
*

ЦК РКП и ВЦИК предложения Кирова одобрили, но телеграмму он получил неожиданного для себя содержания: «Ввиду изменившихся условий предлагаем остаться в Астра-

хани, организовать оборону города и края. Я. Свердлов» [1]. Москва сместила Шляпникова. Председателем Реввоенсовета фронта был назначен Механошин — член ВЦИК и РВС республики, а Кирову поручено создать и возглавить Временный военно-революционный комитет Астраханского края. В Ревком вошли: Киров (председатель), Бутягин (заместитель председателя), Колесникова (от губкома партии), Семенов (от губисполкома), Трофимов (от губпрофсоюза).

Свою деятельность Ревком начал с обращения к трудящимся включиться в борьбу с эпидемией тифа, разрухой, саботажем и дезертирством. Затем последовали приказы об упорядочении рабочего дня, работы коммунальных предприятий, городского и железнодорожного транспорта, об оказании всемерной помощи остаткам 11-й армии. В связи с истощением запасов топлива были введены жесткие нормы расхода угля, нефти, дров, электроэнергии. Еще острее обстояло дело с продовольствием. На 5 марта в Астрахани было 96 вагонов муки — всего лишь десятидневный запас для края, почти отрезанного от источников снабжения! Киров настоял на введении классового пайка: рабочим и красноармейцам — по фунту в день, учащимся и служащим советских учреждений — полфунта, неработающим — четверть фунта. Вместе с тем Ревком в своем приказе предписал удвоить рыбный паек, улучшить качество выпечки хлеба, своевременно выдавать положенные населению продукты.

Декреты требовалось подкрепить большой организаторской и воспитательной работой коммунистов в массах. Но астраханская партийная организация была засорена бывшими меньшевиками, эсерами, анархистами, поражена склоками. Предстояло ее очистить, укрепить руководство. 26 февраля состоялась губернская партийная конференция, избравшая новый комитет во главе со старой большевичкой Н. Н. Колесниковой. По инициативе Кирова (и с ведома ЦК) новый губком начал перерегистрацию коммунистов.

Одновременно шла чистка и в государственных учреждениях, откуда беспощадно изгонялись карьеристы, саботажники, рутинеры. В приказе Ревкома, подписанном Кировым, так определялась работа советских учреждений:

[1] «Вопросы истории», 1947, № 7, стр. 5.

«Живое дело — вместо мертвой бумаги, революционная дисциплина — вместо начальственного кнута, творческая деятельность — вместо пассивного выполнения приказаний». В этих требованиях — весь Киров, его стиль работы, тот ленинский стиль, которому он не изменил до последней минуты своей жизни.

Появление Кирова в Астрахани было подобно свежему ветру. Он взбудоражил, увлек за собой трудящихся на преодоление невзгод. Сыпняк повалом уносил людей в могилу. А Кирова «ничего не берет,— читаем мы в воспоминаниях Ю. П. Бутягина.— Ходит через день в баню. Это, говорит, лучшая дезинфекция, гарантия от тифа и единственный отдых за сутки... А крутимся весь день, как в котле» [1]. Мироныч любил попариться. «Баня,— говорил он,— высшая марка физкультуры!» [2]

С восхищением рассказывает о нем и Колесникова: «Киров поразил нас своей неутомимостью, всегда дышал бодростью, кипучей энергией. Он всюду поспевал, заботился обо всех сторонах жизни Астрахани».

За две недели Ревком успел сделать многое. Между тем не дремала и контрреволюция. Астрахань — цитадель купцов и казачьего офицерства, царство рыбопромышленников, притон бежавших сюда мелких фабрикантов. Контрреволюция готовилась к восстанию. Английские интервенты обеспечили ее оружием. О готовящемся перевороте Ревком узнал в ночь на 7 марта. Приказами Механошина и Кирова был установлен комендантский час, образован Совет обороны Астрахани, успели перебросить с фронта несколько рот Железного и Мусульманского полков.

Утром 10 марта на бывших заводах Нобеля и Норепа раздались тревожные гудки — сигнал! Мятежники открыли стрельбу по мосту, Татарскому базару, губпарткому.

Киров предложил произвести два-три метких выстрела из пушек по штабу восстания (особняк купца Розенблюма). Флотские комендоры дали прицельный залп. Последовавший затем захват штаба ошеломил мятежников, лишил их руководства. Они, беспорядочно отстреливаясь, начали пятиться к окраинам, в сторону уездного центра Царево. Там их и добили.

---

[1] Ленинградский музей С. М. Кирова, ф. V—470.
[2] Там же.

К исходу 12 марта все было кончено. На следующий день газеты опубликовали приказ председателя Ревкома С. М. Кирова о ликвидации мятежа и восстановлении порядка в городе.

Потерпев поражение в открытом бою, астраханская контрреволюция стала действовать коварнее, спекулируя на трудностях, которые переживал город. Враг подстрекал рабочих и служащих к забастовкам: «Видите, граждане, нескончаемые процессии похоронные, улицу перейти негде». Вражеские агитаторы, сняв шляпы, науськивали: «Социализм — дело будущего, а сегодня рабочему важнее спасти жену и деток от голода. Жизнь, она с брюха начинается. Бросай работу!»

Первая забастовка вспыхнула на нефтеналивной барже «Золотая рыбка», которую приспосабливали под плавучую артиллерийскую батарею. За баржевиками стачку объявили судоремонтники. Киров появился на заводе неожиданно, остановился у станка, включил, стал точить вложенную в суппорт деталь. Подошел токарь, обступили рабочие, угрюмые и враждебно смотрящие на председателя Ревкома. Киров заявил им напрямик:

— Питерские рабочие получают по осьмушке, но победу куют днем и ночью. А вы поддались социал-сволочам. До седин дожили, а так глупо...

На борьбу за предотвращение забастовок были мобилизованы все члены Ревкома, губкома, партийные ячейки, астраханские комсомольцы и профсоюзный актив. На общегородском собрании по докладу Кирова была принята резолюция: работу не только не прекращать, но изо всех сил трудиться во имя окончательной победы социалистической революции.

В течение двух месяцев Ревком навел в городе порядок. Эпидемия тифа ликвидирована.

Приказом Реввоенсовета республики беспомощный Каспийско-Кавказский фронт был расформирован. Оборона Астраханского края временно возложена на командование Южной группы войск Восточного фронта (командующий М. В. Фрунзе, члены РВС В. В. Куйбышев и Ш. З. Элиава). Тревожные слухи об эвакуации прекратились, и люди, успокоившись, развязали узлы.

Победа или смерть!

В конце апреля 1919 года С. М. Киров был назначен заведующим политотделом, а с 7 мая и членом Реввоенсовета 11-й армии.

Еще в бытность председателем Ревкома Киров частенько навещал красноармейцев, рассказывал им о текущих событиях в стране и за рубежом, играл с бойцами в шашки, шахматы. Он позаботился открыть в здании Чуркинского монастыря санаторий 11-й армии. Бедненький, но это был первый красноармейский санаторий. Бойцы всегда встречали Сергея Мироновича радостно.

Теперь Киров — их начальник. Нужно из выздоравливающих красноармейцев формировать полки и соединения. Поставили на ноги 33-ю дивизию, затем кое-как укомплектовали 34-ю. Вот и все, что осталось от стотысячной армии. Правда, в 11-ю армию влилась 7-я кавалерийская дивизия, ядро которой составили конники бригады героя гражданской войны Ивана Кочубея (погиб в начале 1919 года). Но что это для защиты края, если на Астрахань наседают четыре армии неприятеля? Надежд на Южную группу войск мало — она прикована к Самаре, Саратову, Царицыну. И Москва помочь не может: Советская страна выглядела на военной карте узким островком, протянувшимся от Петрограда до Астрахани.

Еще раньше по решению Ревкома губвоенком П. П. Чугунов объявил призыв на службу мужчин нескольких возрастов. Армейские снабженцы выехали в степи для закупки лошадей, седел, фуража. В Астрахани открылись курсы командного и политического состава. Киров добился оставления К. А. Механошина в армии. Начальником особого отдела армии стал армянский большевик Г. А. Атарбеков, которого Киров знал по работе на Кавказе и, любя, называл его просто — Жора. Председателем военно-полевого трибунала работал балтийский матрос Т. И. Ульянцев — герой Октябрьского вооруженного восстания в Питере. Охрану судоходства и железных дорог края возглавил пролетарий москвич М. Г. Ефремов, позже известный советский генерал (погиб в Отечественную войну). К руководству штабами Механошин и Киров привлекли старых военспецов, приставив к ним комиссаров Ю. П. Бутягина, М. К. Левандовского и других большевиков. Армия возрождалась, набиралась сил.

Одновременно занимались и подготовкой Астрахано-Каспийской флотилии к боевым действиям. Она располагала четырьмя миноносцами и двумя подводными лодками, пришедшими с Балтики в 1918 году, дивизионом сторожевиков (вооруженные баркасы), артиллерийскими баржами и даже «крейсерами» (крупные торговые суда с установленными на их палубах орудиями). Главное же — люди. На флотилии свыше 50 партийных ячеек с общим числом 638 коммунистов. Киров радовался: большая партийная сила! Гордостью флотилии являлись и лихие отряды морской пехоты под командованием талантливого вожака матросских масс Кожанова и легендарного героя «Железного потока» Епифана Ковтюха. Труднее всего пришлось с ремонтом кораблей. Киров всю зиму дрался, чтобы к началу навигации поднять все вымпелы. И как только лед растаял, он решил проверить боевую зрелость экипажей, предложив взять с моря форт Александровский (ныне форт имени Т. Г. Шевченко).

Операция была приурочена к первомайскому празднику. На рассвете дивизион вооруженных баркасов скрытно подошел к Мангышлакскому полуострову. Десант был так неожидан, что гарнизон форта не успел оказать сопротивления. Раньше всего, как и требовал Киров, была захвачена радиостанция. Рация исправна, код и другие вахтенные документы на месте. Дрожит от страха дежурный радиотелеграфист. Прибывший с миноносца «Карл Либкнехт» радист Никита Чемруков наладил связь с морским штабом белых (город Петровск, ныне Махачкала), принимал радиограммы, отправлял их на наше штабное судно «Гоголь», С. М. Кирову. Среди радиограмм пришла и срочная, в которой форту предлагалось встретить пароход «Лейла», на борту которого деникинский генерал Гришин-Алмазов везет пакет особой важности. Радиостанция англо-белогвардейского штаба трижды запрашивала подтверждения о получении срочной телеграммы. Киров зашифровал успокаивающий ответ: «Александровский встрече «Лейлы» готов».

«Лейлу» сопровождал английский крейсер «Крюгер» под флагом командующего флотом. В десяти милях от форта, когда адмиралу Нориссону безопасность казалась очевидной, крейсер отвернул, ушел, или, как говорят флотские, скрылся мористее. Тут-то «Лейла» и была взята на абордаж

миноносцем «Карл Либкнехт». Гришин-Алмазов успел застрелиться, а сопровождающая его свита офицеров предпочла сдаться в плен.

Из сумки Гришина-Алмазова было извлечено 12 совершенно секретных документов в общей сложности на 62 машинописных листах. На страницах этих документов были изложены жалобы Деникина на немцев, проклятия французам, уклонившимся от борьбы с большевиками; дан анализ неудач и поражений белых армий; нарисована картина распрей между генеральскими «правительствами».

Среди документов был и пакет особой важности — собственноручное письмо Деникина «омскому правителю», написанное 6 апреля в Екатеринославе. Отдав должное победам Колчака в Сибири и излагая свои стратегические соображения, Деникин просит «дорогого Александра Васильевича» не задерживаться на Волге, а поскорее «вторгнуться в самое сердце большевиков» и обещает, что он, поляки и Юденич помогут взять Москву.

В письме Деникин признается, что в его штабах процветает бюрократизм, рутина, мелкое тщеславие, что у «спасителей России» нет единой воли и определенной политики. Вот большевики умеют увлекать народ своими идеями, ловко используют трения между странами Антанты, а «мы в политическом отношении какой-то *сфинкс*: не то с народом, не то против него. Не то монархия, не то республика; не то диктатура, не то учредительное собрание... Бог его знает, что такое».

Читая эти документы, Киров словно бы побывал в стане врага. Какие сведения! Такой «улов» можно приравнять к выигрышу крупного сражения. Сергей Миронович незамедлительно отправил все захваченные документы в ЦК партии.

...Авиация была для Кирова совершенно незнакомой отраслью работы, но обстановка требовала постигнуть и ее «загадочную» душу. Вся воздушная «мощь» Астрахани состояла из четырех пилотов, разрушенного ангара и трех самолетов устаревшей конструкции. Два аэроплана удалось кое-как заштопать, но нет горючего. Киров приказал делать «искусственный бензин». Со дна опустевших нефтяных ям

доставалась грязь, нагревалась, земля задерживалась на сетке, а жидкость неопределенного названия сливалась в бочки, много раз фильтровалась. Часть ее шла на смазочные материалы, а лучшая смешивалась со спиртом. Заправленный таким суррогатом самолет от земли оторвался, но мотор фыркал, захлебывался, а черный дым так окутал аэродром, что пилот с трудом нашел посадочную площадку.

Англичане, посмеиваясь, нагло летали над самой крышей астраханского кремля, обстреливали улицы, сбрасывали провокационные листовки, бомбили. Безнаказанные налеты с воздуха угнетающе действовали на жителей города. Тогда Киров с помощью уполномоченного ЦК по перевозкам А. П. Демидова и руководителей Кавказского краевого комитета партии Филиппа Махарадзе и Анастаса Микояна организовал доставку жидкого горючего из ... оккупированного англичанами Баку. Группы коммунистов и добровольцев по три — пять человек садились в лодки с двойным дном и бортами, отправлялись в Азербайджан под видом рыбаков. Обратный путь был нередко трагическим. Интервенты задерживали «рыбаков», буравили борта лодки и, если показывалась струйка бензина, поджигали, а экипаж расстреливали на месте, в море. Густая каспийская ночь ярко освещалась надводными кострами. Случалось, что доставщики нефти при налете английского сторожевика взрывали себя и свою лодку. Словом, каждый пуд бензина оплачивался литрами крови, ценой жизней.

Получив авиационное горючее, астраханские летчики поднялись в небо, навязали воздушный бой. Надменные британцы от боя уклонились. Город высыпал на улицу, рукоплескал.

В мае состоялась губернская партийная конференция. Киров приехал прямо с фронта. Ему уже было известно, что Багров (уполномоченный ЦК по перерегистрации астраханских коммунистов) отстранил Колесникову от обязанностей председателя губкома партии «ввиду ее переутомления» и выдвинул на этот пост И. Г. Лазияна (Лазьяна). Багров и Лазиян отменили все начинания бывшего Ревкома, в том числе и постановление о классовом пайке.

Багров докладывал конференции об итогах чистки партийных рядов края, Лазиян — о деятельности губкомпарта. Оба они бросали камушки в прежнее руководство. Доклады их крикливы, но ни одной свежей мысли.

Киров начал свое выступление с признания, что ему было стыдно слушать докладчиков. Это собрание, сказал он, производит «впечатление беспартийности как со стороны Багрова, так и со стороны Лазияна... Грустно, что вы тратите время в пустоту». Дело не в личностях, продолжал Киров, «необходимо вникнуть в решения VIII съезда РКП, чтобы дать правильный тон настоящему собранию».

Выступление Кирова обострило прения. Председатель губернского совета профсоюзов Трофимов предложил работу Багрова и Лазияна признать неудовлетворительной, о чем сообщить в ЦК. За его резолюцию было подано всего 14 голосов. Конференция затянулась за полночь, делегаты устали, голодные (многие пришли прямо с работы). Киров посоветовал перенести конференцию на следующий вечер, но Багров и Лазиян настояли на выборах комитета...

Сергей Миронович вернулся с конференции на рассвете, встревоженный неправильным курсом, взятым руководителями астраханской парторганизации.

Киров сделал для себя важный вывод. Несмотря на большую свою работу днем в Реввоенсовете, а ночью по специальному заданию ЦК, он стал выкраивать время, чтобы сходить в губком, в редакции газет, не пропускал ни одного сколько-нибудь крупного мероприятия в городе, призвал также работников политотделов армии и флотилии помогать гражданским властям.

В те дни вновь ожесточилась битва за Царицын, от исхода которой во многом зависела и судьба Астрахани. Выступая 17 июня на пленуме горсовета, Киров заявил: мы находимся «в обескровленном состоянии... дожигаем последние пуды угля и нефти». В этот критический момент «мы должны клятвенно обещать, что, прежде чем здесь мы не сложим наши головы, никакие силы — ни Деникин, ни Колчак — не возьмут Астрахани» [1].

На спасение Царицына М. В. Фрунзе бросил и возрождаемую 11-ю армию, временно подчинив ее командованию 10-й армии. Уже сражалась под стенами Царицына (против армии Врангеля) 33-я стрелковая дивизия, на марше 7-я кавалерийская дивизия. Завтра должны отправиться новые части и отряды, а сегодня у них митинг в помещении Астраханского цирка.

[1] *С. М. Киров.* Избранные статьи и речи, стр. 55—56.

С. М. Костриков.
Владикавказ, 1910 г.

С. М. Киров.
Астрахань, 1919 г.

Деникин приказал взять Астрахань с фронта. По берегам Волги спускались армия Бабиева и конница свирепого Улагая; со Ставропольщины двигались казачьи части генерала Драценко, а с казахских степей — Уральская армия Толстова. Уже пали уездный центр Лагань, крупные узлы сопротивления Черный Яр, Михайловка, Каменный Яр.

Еще раньше англичане совершили налет на форт Александровский, захватили его, потопили часть наших кораблей. Крейсер «III Интернационал» чудом вырвался с ранеными краснофлотцами — своими и подобранными с затопленных судов. Моряки, считая, что их предали, ругали начальство, бросили в карцер командира корабля. Механошин сообщил Кирову, что крейсер — низвергающий вулкан. Решили ехать туда. Пришли на катере к 12-футовому рейду, где стоял крейсер. На борт не пускают. Выкрики: «Сволочи!», «Контра!» Механошин говорит Сергею Мироновичу: «Опасно, прибьют вгорячах», но Киров, сложив ладони рупором, уже кричал на корабль:

— Ребята, мы же без оружия. Неужели моряки трусишки?

Подали трап. Члены Реввоенсовета поднялись. Дежурный не докладывает. Матросы прожигают враждебными взглядами, и ремни с бляхами вот-вот пойдут в ход. Как же остепенить разъяренных моряков? Догадываясь, что на корабле нет командира, Киров властно крикнул:

— Что за кавардак?! Где командир? Арестовать его!

Матросы опешили: они уже арестовали командира. И это неожиданное «совпадение» взглядов соединило их психологическими нитями с прибывшим начальством.

— У нас тут,— начали моряки,— заварушка получилась...

Кризис миновал. Матросская ярость пошла на спад. И тогда Киров, вытянувшись по-военному, перешел в наступление:

— По какому уставу так встречаете командование? Что за галдеж? Вы кто, гимназистки в шкарах?

Палуба окатилась громким смехом.

— Эх вы. Да моряки Зимний брали. И крейсер-то с каким названием: «III Интернационал»!..

...Не успели Механошин и Киров сойти на берег, как им вручили донесение начальника обороны Черноярского участка: части вышли из повиновения, бегут в панике. Механошин направился к морякам, чтобы перебросить их

на помощь пехоте, а Сергей Миронович уехал в район отступления на автомобиле. Встретив бегущих, он выскочил из машины, поднял над головой маузер.

— Стой! Я Киров. Сейчас моряки поддадут белым жару!

Панику удалось ослабить, а вскоре подошедшие корабли открыли огонь по врагу. Белогвардейцы замешкались, и наши успели закрепиться на новых рубежах.

Но вражеская петля затягивалась все туже. На этот раз, по мнению военных специалистов, Астрахань не отстоять. Из Реввоенсовета республики пришло указание: Механошину с целью выравнивания линии фронта отойти с армией на север, в Камышин; Бутягину вернуться в Козлов и оставаться членом Реввоенсовета 10-й армии; Кирова перебросить в 9-ю армию.

Это приказ. За невыполнение его — кара по законам военного времени. Механошин в нерешительности. Новый командующий флотилией Ф. Ф. Раскольников (Ильин) — балтийский большевик, недавний заместитель наркомвоенмора — послал в РВС республики телеграмму с просьбой оставить Кирова и Бутягина в Астрахани. Троцкий вызвал Механошина к прямому проводу, разразился бранью: «Я вас всех разгоню! Флотилию потопить. Эвакуироваться немедленно!» Узнав о таком приказе, матросы заявили: корабли — наш родной дом, пускать на дно не будем! Руководители обороны Астрахани, подумав, решили послать Бутягина в Москву с докладом к В. И. Ленину.

6 июля был созван пленум Астраханского Совета. Киров выступил с докладом о текущем моменте. Четыре раза красный Царицын отражал бешеный натиск врага, а на пятый не устоял. Волга перерезана. Единственная артерия, которая питает Астрахань,— железная дорога Саратов — Астрахань. Она может быть перерезана в любой час. Деникинцы уже обсуждают в печати, как они будут вешать астраханских коммунистов. Киров читал выдержки из белогвардейских газет, а пленум бушевал от негодования. Но пусть не предвкушают удовольствия, сказал Киров. Мы сами знаем, что целоваться с белогвардейцами нам не придется. Астрахани жарко, но она устоит, должна выстоять! Город объявлен крепостным районом. Все революционное должно быть мобилизовано для борьбы с белыми [1].

---

[1] См *С. М. Киров.* Избранные статьи и речи, стр. 66.

В те жаркие для Астрахани дни там неожиданно появился Серго Орджоникидзе, в рыбачьей куртке, обросший бородой.

— Откуда вы? — удивился Сергей Миронович.

— Из Баку. Добрались на лодке...[1]

Уезжая в Москву, Орджоникидзе вызвался доложить Ленину о помощи Астрахани. Киров ответил, что астраханцы отстоят свой город.

— Устоите?

— Наперекор всем чертям!

Коротка и неожиданна была эта встреча, но она положила начало завидной дружбе двух кристальных сердец — Серго и Мироныча.

* *
*

Механошин отозван Троцким на... выдвижение. Бутягин еще в Москве. В Реввоенсовете армии Киров один-одинешенек. Стол его завален анонимками: «Господа комиссары, все вы будете болтаться на столбах!» Англичане бьют с воздуха, белогвардейцы ползут со степей.

Защитники Астрахани, несмотря ни на что, решили стоять насмерть. В крае была объявлена сплошная мобилизация. М. В. Фрунзе прислал в помощь две дивизии. Флотилия преграждала возможную высадку интервентов с моря. Требовалось обезопасить город и с воздуха. Вспомнив разговор с Орджоникидзе, Киров 12 июля телеграфирует в Серпухов — РВС республики (копии: в Москву — В. И. Ленину, в Самару — РВС Южной группы войск), просит самолеты, авиабензин. Через десять дней из Самары пришел ответ: в Астрахань «экстренно направляется 33-й авиаотряд составе 5 машин... должен прибыть назначению к 1 августа. Приняты меры ускорению. № 2144. Член Реввоенсовета Южгруппы В. Куйбышев».

Но была и другая телеграмма, из Москвы: Кирову, комфлота Раскольникову и уполномоченному Совета Обороны

---

[1] Вместе с Орджоникидзе прибыли его жена Зинаида Гавриловна, вдова П. Джапаридзе, несколько закавказских большевиков. Киров обеспечил их продуктами, снарядил специальный вагон до Москвы.

страны по Астраханскому краю Бабкину объявлялся строгий выговор за неисполнение предписаний о поставке жидкого топлива.

Выступая на матросском митинге и на очередном пленуме горсовета, Киров разъяснял астраханцам: главное сейчас для Советской страны — добить Колчака! А для этого требуются не только сабли и снаряды, но и хлеб, рыба, соль, бензин и нефть. Нефть и еще раз нефть!

И астраханцы, используя все возможности, усилили ее доставку стране.

В те дни деятельность Кирова вышла далеко за пределы функций члена Реввоенсовета. Он вновь стал фактическим руководителем обороны и всей политической жизни Астраханского края. К нему шли с самыми различными вопросами: и о том, как организовать детские дома для беспризорных ребят, и где раздобыть топливо для школ, и на чем печатать газеты «Коммунист», «Пролетарскую мысль», «Красный воин»...

А пороховые тучи все сильнее заволакивали Астрахань. Деникинцы ворвались в села Ахтубу и Владимировку, в районе станции Эльтон взорвали мосты, перерезав последнюю артерию — железную дорогу Саратов — Астрахань. Белогвардейцы сбросили с аэроплана листовку: не сегодня-завтра генерал Деникин въедет в Астрахань на белом коне, гражданам одеться по-праздничному, встречать хлебом-солью.

В это время из Москвы приехал Бутягин, привез указание В. И. Ленина: «Астрахань защищать до конца» [1].

На экстренном совещании по предложению Кирова было решено ответить Ильичу: «Астрахань не сдадим!»

В связи с директивой вождя губком созвал 3 августа партийную конференцию. Киров рассказал о положении на фронте, успокоил делегатов: из Владимировки и Ахтубы враг выбит, железнодорожная связь с Саратовом восстановлена. В этой своей короткой речи Сергей Миронович произнес слова, ставшие девизом: «И мы должны сказать себе, расходясь с этой конференции, что, пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье реки Волги было, есть и будет советским».

...В штаб армии вошел мужчина в военной гимнастерке.

---

[1] *В. И. Ленин.* Военная переписка (1917—1920), стр. 197.

— Куйбышев.

— Киров.

Большие глаза приезжего смотрели пытливо и улыбнулись.

— Вас, товарищ Серж, я знаю давно. Еще по Томску. Туда я бежал из ссылки. Вас посадили в тюрьму, а я возглавил томских боевиков. Вас потом выпустили, а я занял ваше место в камере.

— И теперь на мое место? — смеясь, спросил Киров.

— Помогать приехал. Временно, пока фронт разделяется на два — Восточный и Туркестанский.

В. В. Куйбышева прислал в Астрахань М. В. Фрунзе по просьбе В. И. Ленина. Киров сразу почувствовал облегчение в работе. Оба они часто выступали на заводах, в полках, на кораблях. Главное сводилось к тому, чтобы вселить людям надежду: несмотря на головокружительные успехи Деникина, на фронтах наметился перелом, и «скоро наш черед».

В ночь на 7 сентября в Астрахань прибыл и М. В. Фрунзе. Вместе с В. В. Куйбышевым, С. М. Кировым и новым командующим 11-й армией В. П. Распоповым он осмотрел оборонительные рубежи по всему краю, уездные гарнизоны объединил в единую оперативную группу войск Астраханского крепостного района. 10 сентября состоялась конференция коммунистических ячеек армии и флотилии. Участники конференции заслушали сообщения с мест о состоянии партийно-политической работы среди бойцов и командиров, а затем выступил С. М. Киров. В своем докладе он рассказал о той задаче, которую выдвинул командующий Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе,— в течение месяца освободить Царицын!

Тропы партизанские

С. М. Киров удивлял многих астраханцев своей работоспособностью, физической выносливостью. Но не многие знали, что, когда утомленный город ночью засыпал, у Кирова начинался второй, не менее напряженный рабочий день суток. ЦК поручил ему координировать нелегальную работу подпольщиков Северного Кавказа и Закавказья.

С наступлением ночи в кабинет председателя Ревкома, а затем члена Реввоенсовета 11-й армии являлись представители Закавказья, Терека, Дагестана, Ставропольщины, посланцы казахских и калмыцких степей. РВС 11-й армии обеспечивал их оружием, деньгами, литературой, документами, устными партийными инструкциями.

На рассвете подпольщики уходили из Астрахани, а Сергей Миронович, изголодавшийся по сну, замертво падал на диван. Утром, как и все работники штаба, он появлялся в Реввоенсовете бодрый и неутомимый. И так весь 1919 год.

Ночной рабочий день Кирова — целая повесть!..

В начале марта 1919 года в Астраханский ревком вошел молодой человек с тонкими, почти девичьими чертами лица — Уллубий Буйнакский. В 1917 году он возглавлял Ревком Дагестана, а после падения Советской власти — партизанское движение. Вместе с Кировым Буйнакский разрабатывал планы и тактику партизанской борьбы против белых. В помощь Буйнакскому Киров снарядил в Дагестан 60 инструкторов партийной работы во главе с О. М. Лещинским.

К маю 1919 года в горах уже было свыше 10 тысяч партизан. На сторону Военного совета подпольного обкома переходили мусульманские части, склонялись и другие белогвардейские подразделения. Уллубий Буйнакский доложил Кирову о том, что в Дагестане все подготовлено к восстанию.

Сергей Миронович послал на помощь отряды морской пехоты. Восстание должно начаться с высадки десанта моряков. Но ночью десантники наткнулись в море на англичан, завязался бой, баркасы не могли устоять под артиллерийским огнем миноносцев интервентов. Десант сорвался.

А 13 мая участники экстренного заседания подпольного обкома были схвачены и казнены. На этот раз тайную войну выиграла английская служба разведки, жестоко отомстив за захват «Лейлы», за пленение 30 штабных офицеров из свиты Гришина-Алмазова.

Последним интервенты казнили Лещинского. Он успел передать узнику соседней камеры записку, в которой писал: «Я умираю спокойно. Борьба тяжка, уходить из жизни молодым больно... Целую вас и желаю скорее быть свободным для жизни, для любви, для счастья».

Гибель товарищей сильно опечалила Кирова. Сколько же их, павших за дело революции! Иосиф Кононов, Ной Буачидзе, 26 бакинских комиссаров. Сотни смелых «рыбаков», доставщиков нефти...

В Дагестане пришлось все начинать заново. Киров послал туда новую большую группу партийных работников и партизанских вожаков, снабдив их оружием, деньгами, переносной радиостанцией, литературой для распространения среди экипажей вражеского флота. Учтя трагический опыт, Сергей Миронович требовал начинать подготовку восстания с революционной пропаганды среди личного состава англо-деникинских кораблей.

Через месяц дагестанские коммунисты писали Кирову, что они имеют «несколько подпольных складов оружия, но почва для восстания пока недостаточна» [1]. Далее сообщалось, что 16 июня английские солдаты трех судов заявили командованию о своем несогласии оставаться в России. 20 июня шесть матросов были повешены. 28 июня еще восемь английских судов потребовали ухода из Каспийского моря. Понятно, что на умы британских матросов повлияла не только большевистская агитация, но и борьба английского пролетариата под лозунгом «Руки прочь от Советской России!», а также отказ французских моряков воевать на Черном море.

Когда интервенты ушли с Каспия, деникинцы стали вербовать на корабли машинистов, кочегаров, радиотелеграфистов и других судовых специалистов. Киров рекомендовал посылать коммунистов для «службы» на судах контрреволюции.

В августе 1919 года в Дагестане вспыхнуло восстание. Непосредственным поводом для него послужило распоряжение о поставке Деникину семи тысяч лошадей. Подпольный обком призвал население не давать коней. Белогвардейцы пустили в ход оружие. Дагестанские большевики перешли в наступление. Только за вторую половину августа восставшие захватили 16 орудий, сотни пулеметов, тысячи винтовок.

Разгоралась партизанская война и на Ставропольщине, на Тереке. Сюда в марте — апреле были направлены из Астрахани группы коммунистов. Они вошли в контакт с местными подпольщиками, создали партизанские отряды.

---

[1] «Вопросы истории», 1947, № 7, стр. 16.

На берегах Кумы сформировалась 1-я партизанская бригада. Случай в станице Величаевской ускорил ее выступление. В пасхальный день белогвардейцы, придя в церковь, начали бесчинствовать, отнимали у прихожан куличи, а с древнего старика сняли сапоги. Босой дед взошел на ступени алтаря и стал читать проповедь: «Господи, пошли нам Красную Армию. Партизаны, голубчики, защитники вы наши дорогие, заступитесь!» Сверкнула сабля, и седая голова деда скатилась по ступеням алтаря. Это переполнило чашу народного терпения. 1-я партизанская ударила по белогвардейцам, хозяйничавшим в станице. 383 деникинца было уничтожено, 212 пленено. Из тюрьмы выпустили 113 политзаключенных, в том числе 24 приговоренных к смертной казни.

Стихийно возник митинг. Комбриг Моисеенко призвал станичников к борьбе. Митинг послал делегацию в Астрахань за помощью.

5 мая делегация прибыла к Кирову. Она рассказала об успехе бригады, но высказала опасение за судьбу жителей Величаевской — «вражина стягивает к станице войска». Командование 11-й армии послало им на помощь эскадрон 38-го кавалерийского полка. Совершив дерзкий рейд по тылам неприятеля, эскадрон 16 мая появился у околицы Величаевской, началась рубка. К вечеру деникинский полк был разгромлен партизанами и кавалеристами. В этом бою пал смертью храбрых командир красного эскадрона Завгородний. В специальном приказе РВС 11-й армии указывалось, что героизм Завгороднего «вдохновляет советских бойцов и командиров на новые славные подвиги во имя нашей Родины».

Хорошо действовала и Георгиевская группа подпольщиков. В одном из донесений партизаны сообщили в Астрахань, что в станице Курской гнездится организация «За единую неделимую Россию». Угрозами и подкупами деникинцы загоняют туда и трудовое крестьянство. Киров распорядился ликвидировать монархическую организацию, «чтобы не разносила зловонья!». Командир партизанского отряда старый большевик Блохин и присланный к нему чекист Коробков обстоятельно подготовились к операции. 27 июля, когда «Единая» проводила в управе сборище-попойку, партизаны нанесли стремительный удар. Большинство участников сборища погибло в перестрелке, а остальные попали к партизанам в плен.

Повстанческие силы так выросли, что деникинцы были вынуждены оттянуть из-под Царицына несколько полков «для охраны внутреннего положения». 19 августа ставропольский генерал-губернатор, разозлившись на партизан, приказал выселить в Закаспий «все семьи зеленоармейцев», потребовав при этом сведения о количестве людей, подлежащих выселению. На другой день начальник георгиевского жандармского участка доложил губернатору: чтобы освободиться от семей партизан, «надо выселить большую часть уезда».

Все настойчивее тормошил Киров и бакинских подпольщиков: не давал им ни на минуту забывать о нефтяном голоде в стране. «Товарищи,— писал он.— От вас прибыло всего пять лодок с бензином. Принимайте и дальше меры к тому, чтобы снабжать нас бензином, а также постарайтесь доставить машинное масло». Одновременно Киров предлагает Кавказскому комитету «принять все меры к снабжению деньгами горцев. На этом особенно настаивает Ленин» [1].

Себя Киров стеснял во многом, но к подпольщикам был щедр. Как-то раз приехали из Кизляра «камышники» (так шутя называли партизан, базировавшихся в камышах). Получили со складов армии винтовки, патроны, пулемет станковый, требуют еще и орудие со снарядами. Начальник отдела политагентуры Хаджи-Мурат Мугаев вытаращил глаза:

— Пу-ушку? В тыл Деникина? Пропал пушка!

Сергей Миронович засмеялся:

— Дай, Хаджи. Подпольщикам нужно верить.

Орудие было доставлено в плавни Терека и там, в глубоком тылу неприятеля, открыло артиллерийский огонь. Киров подтрунивал над своим помощником:

— Ну вот, Хаджи, а ты говорил: «Пропал пушка!»

Огорчали, до слез огорчали Сергея Мироновича только последние события в Северной Осетии. Белогвардейцы, напав на базу керменистов, окружили селение Христианское, и генерал Вадбольский приказал выдать всех красных. 200 керменистов, прорвав цепь, ускакали в горы, четверо были схвачены, повешены. Погиб и друг Кирова — председатель ЦК организации «Кермен» Георгий Цаголов. Деникинцы нанесли ему 18 ран, обезобразив до неузнаваемости.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 55, оп. 6, ед. хр. 76.

Селение ограбили, а жителей — мужчин, матерей с детьми и девушек — вывели совершенно раздетых в горы, двое суток держали по команде «Смирно», а затем началось глумление...

Зверства не сломили горцев. Керменисты, партизанские отряды Николая Гикало, карахалковцы во главе с Беталом Калмыковым, пролетарии-нефтяники Грозного, чеченцы, ингуши и казачья беднота поднялись на священную войну. Значительную часть повстанческих войск составляли красноармейцы 11-й армии, отставшие во время зимнего перехода в Астрахань. Киров и местные подпольщики много потрудились над тем, чтобы собрать их в тылу врага и вновь превратить в боевую силу.

О большевистском подполье, о партизанских планах Сергей Миронович доносил непосредственно в Москву секретарю ЦК РКП(б) Е. Д. Стасовой для доклада Владимиру Ильичу, членам Политбюро. Киров рвался на подпольную работу. Дважды он просил Елену Дмитриевну уговорить Ильича послать его, Кирова, на Терек. «Там мой опыт и знание местных условий принесут гораздо больше пользы, чем здесь, где я засиделся» [1],— писал он.

Однако партия считала, что Киров нужнее в Астрахани.

В дни, когда Деникин ринулся к Москве, С. М. Киров призвал партизан Юга активизировать свою деятельность, преграждать движение белогвардейских подкреплений. «Нам совершенно необходимо,— писал он подпольщикам,— довести до максимума боевую работу в тылу деникинцев, разрушение мостов, дорог, флота и пр.» [2] Война в горах наносила чувствительные удары по деникинским тылам.

Осенью Киров доносил в Москву о крупных успехах народной войны на Северном Кавказе: разгромлены четыре полка конного корпуса Шкуро, оттянутые с фронта (за что С. М. Буденный выразил сердечную признательность); на сторону повстанцев перешли три неприятельских полка с полным вооружением; взяты большие трофеи — 28 орудий, 31 пулемет, 4 тысячи винтовок, много патронов. К 7 октября освобождены города Грозный, Темир-Хан-Шура, Дербент. В окрестностях Петровска идут бои.

[1] Ленинградский музей С. М. Кирова, ф. III—059.
[2] ЦГАСА, ф. 195, оп. 2, д. 60 (234—095), л. 43.

* *
*

Три недели 11-я армия с боями пробивалась вверх по Волге, вновь соединилась с 10-й. М. В. Фрунзе, выполняя директиву главкома, дважды приказывал этим армиям освободить Царицын. И дважды армии бросались вперед, но выбить противника из города не смогли. В конце сентября М. В. Фрунзе в соответствии с решением РВС республики отозвал из Астрахани В. В. Куйбышева и вместе с ним повел войска Туркестанского фронта в Среднюю Азию.

На Волге был образован Юго-Восточный фронт, в состав которого вошла и 11-я армия. Вместо больного тифом Распопова ее командующим был назначен М. И. Василенко. Он не приехал, и по предложению Кирова временным командармом утвердили Ю. П. Бутягина. Армия залечивала раны. Рубежи обороны ее растянулись на 700 километров, и враг не замедлил увидеть благоприятную возможность ворваться в южный форпост Страны Советов.

Над истощенной Астраханью вновь сгустились тучи. Губком партии и Реввоенсовет призвали к оружию. На курсах красных командиров состоялся досрочный выпуск. В тыл противника убыл 502-й (и последний) слушатель астраханской школы большевиков-подпольщиков. Бутягин и Киров обратились к защитникам края с воззванием: «Враг собрал свои последние силы... Враг ждет своего уничтожения, и медлить с этим мы не можем ни одной минуты... Все должны сейчас гореть одной мыслью, одним стремлением — вырвать ядовитое жало у гадины».

Но кроме фронтовой гадины в Астрахани появилась кобра в юбке. Этой змеей оказалась сестра милосердия Вассерман — эсерка, агент белогвардейской разведки. Штаб Деникина поручил ей уничтожить «астраханского вождя».

С. М. Киров снимал квартиру в доме владельца икряных промыслов Склянина. Здесь останавливались закавказские товарищи, подпольщики Терека, приезжавшие в Астрахань работники ЦК партии.

Постоянно с Кировым жили его личный секретарь Шатыров и секретарь политотдела армии Козлов. «Ели мы,— вспоминает Д. С. Козлов,— один раз в день, ночью... Рыба — основное питание, а хлеб и сахар были приправой. Поешь, как верблюд, и сыт на сутки». Скромно жили. Но Вассерман пустила по городу слух, что член Реввоенсовета живет

по-барски, окружил себя темными лицами и что он совсем не Киров. Через подставных агентов Вассерман подсунула гражданским властям города ретушированный портрет пройдохи в рясе Иллиодора — собутыльника и соразвратника покойного Григория Распутина. Сильное портретное сходство отшибло губисполкомовцам рассудок.

В одну из ночей дом Скляпина был оцеплен целым батальоном. В квартиру Кирова вошли секретарь губисполкома Иванов (в прошлом меньшевик), член коллегии совнархоза Рокат, два молоденьких чекиста, специально вызванные из Москвы, и губвоенком, он же начальник гарнизона, Чугунов.

«Где он?» — спросили вошедшие у Козлова. «В соседней комнате, только что уснул»,— ответил тот. Кирова разбудили. Начался допрос. «Пел в церкви?» — «Было такое дело».— «Бороду носил?» — «Баловался».— «Фамилию таскаешь не свою?» — «Не свою».— «А этот, твой старый... Козлов — эсер, прапорщик, кисловодский цензор при свистуне Керенском?» — «Да, в прошлом...»

Сергей Миронович, улыбаясь, крутил взлохмаченной головой: «Вот, черти, разыгрывать вздумали, спать не дают». Но когда допрос стал наглым, особенно со стороны Иванова (Вассерман поручила ему лично убить Кирова «при попытке к бегству»), Сергей Миронович понял: шутки плохи. «Может, переворот произошел, пока я дрыхнул? Но Чугунов — астраханский бондарь-пролетарий!.. А где же запропал Жора Атарбеков?» (Атарбеков и весь особый отдел армии были уже арестованы.)

Трагедия, к счастью, была предотвращена. Московские чекисты пошли в открытую, показав Кирову портрет Иллиодора: «Ваш?!» Сергей Миронович взглянул и расхохотался: «Вот с этого бы и начинали». Киров легко разоблачил провокацию. Чугунов вытолкал им самим поставленных часовых, приказал увести батальон в казарму и тут же, присев к столу, написал заявление, чтобы его «направили рядовым на фронт для искупления вины перед вождем астраханского пролетариата». В «иллиодоровщину» вмешался Ф. Э. Дзержинский. Вассерман и двое ее подручных были расстреляны, некоторых посадили, а Иванов бежал в Персию.

...18 ноября, после продолжительной подготовки, 11-я и 10-я армии перешли в наступление.

1 декабря Царицын был окружен красными. В тот же день Бутягин и Киров телеграфировали о другой победе в Москву Ленину: «Части XI армии спешат поделиться с вами революционной радостью по случаю полной ликвидации белого астраханского казачества». В течение 10-дневных боев было взято свыше 5000 пленных, около 6000 винтовок, 128 пулеметов, радиостанция, 6 гидропланов, громадные обозы и прочее... Передовые части XI армии стоят уже на рубеже Терской области[1]. Это означало, что годичная блокада снята, героическая Астрахань выполнила свой долг перед Советской Родиной.

Вперед, на юг!

В 11-ю армию прибыл новый командарм М. И. Василенко, а с ним и К. А. Механошин, назначенный вторым членом Реввоенсовета армии. Ю. П. Бутягину поручили формировать экспедиционный корпус на Кавказ. Кизлярское направление было открыто. 29 декабря корпус перешел в наступление.

3 января 1920 года был освобожден Царицын. Через двое суток 4-я армия взяла Гурьев, а корпус 11-й армии уже сражался в 40 километрах от Кизляра. Юго-Восточный фронт свои задачи исчерпал и был расформирован. 11-я армия вошла в подчинение Кавказскому фронту (командующий М. Н. Тухачевский, члены Реввоенсовета Г. К. Орджоникидзе и С. И. Гусев).

* *
*

Экспедиционный корпус продвигался успешно. Это вскружило голову Бутягину. Он перестал даже считаться с командармом Василенко. С. М. Киров оставался некоторое время в Астрахани. Горячих дел было по-прежнему много: город испытывал острую нужду в топливе, хлебе. Нужно было помочь губкому вдохновить население края на подготовку к весенней путине, к севу, наладить транспорт для предстоящей перевозки хлеба и нефти с Кавказа в Москву, Петроград и другие промышленные центры.

---

[1] См. *С. М. Киров*. Статьи, речи, документы, т. I, стр. 150—151.

Узнав о недостойном поведении Бутягина, Сергей Миронович послал ему 20 января 1920 года записку: «Юрий, твое... поведение не только не допустимо, но даже преступно. Корпус целиком и полностью подчинен армии».

Бутягин не внял товарищескому предупреждению Кирова, ослабил руководство войсками, допустил сильную вспышку тифа среди личного состава. Воспользовавшись всем этим, деникинцы перешли в контрнаступление, выбили корпус из Кизляра, отбросили его к берегам Кумы. 4 февраля Реввоенсовет армии издал приказ об отстранении Бутягина и назначении комкором А. С. Смирнова — кадрового офицера-патриота, занимавшего в последнее время пост начальника 34-й дивизии. Сергей Миронович подписывал этот приказ с болью в душе (Юрий — его друг). Но иначе поступить было нельзя: Бутягин вконец развалит корпус.

11 февраля 1920 года состоялось решение ЦК РКП(б) об учреждении Бюро по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе. Председателем Бюро был назначен Г. К. Орджоникидзе, заместителем — С. М. Киров. Фронтовые заботы, руководство подпольем в тылу Деникина, работа в Кавказском ревкоме, а теперь еще и в Бюро по восстановлению Советской власти физически измотали Кирова. Но ему не хотелось ослаблять помощи и многострадальным астраханцам. Он выступает 22 февраля на объединенном собрании военных и гражданских организаций края, рекомендует смелее выдвигать одаренных рабочих в руководители производства, помогать им. Всем нужно встряхнуться и «через не могу» победить разруху! Со своей стороны Киров обязался вернуть с фронта судовых специалистов, литейщиков, токарей, мастеров рыбного промысла.

27 февраля пришла телеграмма:

«Комфлоту Раскольникову.

Копия РВС 11 Кирову.

Копия Астраханский губкомпарт РКП...

Надо напрячь все силы, чтобы, не теряя ни часа, с максимальными предосторожностями перевезти всю нефть из Гурьева тотчас по открытии навигации. Отвечайте немедленно, все ли меры приняты, какова подготовленность...

Ленин» [1].

На выполнение указаний Ильича были брошены все средства, все силы.

---

[1] Ленинский сборник XXIV, стр. 85.

* *
*

К середине марта Киров свернул свои астраханские дела. Торопился в район боевых действий. Решил лететь на самолете. Начальник авиабазы Монастырев докладывает, что погода нелетная.

— Для твоих «ветряков», может, и нелетная, а для Советской республики — чудесная. Очень даже чудесная погодка!

17 марта поднялись в воздух. Киров попросил Монастырева сделать круг над Астраханью. Здесь он окончил новую для себя академию большевизма — военную и хозяйственную. Был доволен, чувствовал новый прилив энергии и даже напевал: «Ой да степь астраханская скажет...» А пилот боялся: мокрый снегопад, видимость плохая, можно врезаться в скалу и попасть в лапы кулацких банд...

К Святому Кресту подлетели вечером, в сумерках напоролись на телеграфные провода. Самолет запутался и рухнул кувырком. К месту катастрофы бежали красноармейцы. Киров вылез из-под обломков и, сильно хромая, сказал как ни в чем не бывало:

— Здравствуйте, товарищи. Как дела на фронте?

* *
*

Дагестан, Терскую и Ставропольскую области освободили. Отряды керменистов были сведены в 1-й Осетинский кавалерийский полк, а партизанские отряды Н. Ф. Гикало — в 437-й стрелковый полк.

29 марта Киров телеграфировал из Пятигорска в Астрахань: «Красные бойцы XI армии шлют свой боевой привет астраханскому пролетариату. Шествуя победоносно по Северному Кавказу, XI армия... отвоевала лучшие источники хлеба и топлива. Астраханский пролетариат скоро увидит в своих краях ставропольский хлеб и грозненскую нефть. Захваченный у противника бронепоезд «Терек»... назван нами «Красной Астраханью»... Да здравствует пролетариат красной Астрахани!»

31 марта владикавказцы ликующе обнимали Орджоникидзе и Кирова. Переночевав дома, Сергей Миронович ска-

зал жене: «Не плачь, Маруся. Скоро будем неразлучны» — и уехал. 3 апреля Серго и «Кира» были восторженно встречены съездом чеченцев.

Фронт стремительно приближался к границам Азербайджана. А 28 апреля 1920 года в восставший Баку ворвался отряд бронепоездов М. Г. Ефремова. Вместе с передовыми частями 11-й армии сюда прибыли Г. К. Орджоникидзе, С. М. Киров, А. И. Микоян, М. К. Левандовский, И. Г. Лазиян.

Вскоре флаг Советов взвился над всем Азербайджаном.

7 мая 1920 года между РСФСР и меньшевистской Грузией был подписан договор. Правительство Ноя Жордания обязалось: отвести свои войска с нейтральной зоны, не вступать в союзы с Антантой, освободить из тюрем политзаключенных, разрешить легальную деятельность Грузинской компартии, быть лояльным по отношению к РСФСР.

С. М. Кирова вызвали в Москву и предложили поехать послом в Грузию. Сергей Миронович не верил в лояльность грузинских меньшевиков к Советской власти, опыта дипломатической работы не имел, а потому настойчиво просил не назначать его полпредом. Ему разъяснили, что для дипломатической работы в меньшевистской Грузии нужен не какой-либо знаток придворных этикетов, а опытный и популярный на Кавказе революционер-большевик.

20 июня 1920 года советская дипломатическая миссия, возглавляемая С. М. Кировым, прибыла в Тифлис. Улицы запружены народом. К зданию советского полпредства стекалась разъяренная толпа, антирусски настроенная грузинскими меньшевиками и другими контрреволюционными элементами.

Полпред появился на балконе спокойный, в новеньком костюме, при ярком (под тогдашний вкус южан) галстуке. С ним вышли и сотрудники советской миссии. Киров мягко улыбнулся и сказал через переводчика:

— Граждане! Перед вами большевик из Советской России. Ну как, похожи мы на то чудовище, о котором здесь три года писали и расписывали? А вот и мои коллеги. Тоже, как видите, вполне современные люди.

Сергей Миронович развеял антисоветские измышления о грабежах и насилиях Красной Армии, рассказал о победах над капиталистами-интервентами. С доброжелательной, сердечной теплотой передал он рабочим и крестьянам солнеч-

ной Грузии братский привет от Ленина и трудящихся Советской страны.

Меньшевики знали силу воздействия советского посла и постарались создать ему «соответствующие» условия. Под видом охраны «желанного представителя» они окружили здание полпредства сыщиками, по «ошибке» задерживали дипкурьеров, по «ошибке» схватили и бесцеремонно обыскали жену посла. В адрес самого полномочного представителя шли письма с угрозами, что ему уготована та же участь, которая постигла Грибоедова в Персии. 25 июня Сергей Миронович доносил шифром В. И. Ленину и наркому иностранных дел Г. В. Чичерину: «Репрессии против коммунистов усиливаются, начались они до прибытия представителя. День нашего прибытия ознаменован многими арестами, избиением... Кроме коммунистов арестовываются российские граждане, посещающие посольство».

За первую неделю советский полпред трижды выражал протест грузинскому правительству против грубых нарушений договора. В ответ на это 29 июня был арестован весь состав Ахалцихского уездного комитета Компартии, а 2 июля — и Новосеканского уезда.

Киров напомнил о договоре. Министр иностранных дел Рамишвили всячески изворачивался. Жордания закрыл газету «Коммунист», конфисковал типографию, бросил в тюрьму печатников. Ненависть к большевикам была настолько велика, что никакие ноты не могли образумить грузинских социал-предателей. На категорическое требование Кирова отвести войска от границы с РСФСР меньшевики Грузии ответили молчанием, а тем временем снабжали Врангеля оружием, продовольствием. Когда народ Южной Осетии захотел провозгласить у себя Советскую власть, меньшевики жестоко с ним расправились.

Но вот поход белополяков на Россию провалился. Пилсудский терпит поражение. Грузинские меньшевики остановились на распутье. В одном из очередных донесений Киров писал в Москву: грузинское правительство стоит в раздумье, не зная, куда ему определенно качнуться — к нам или к Антанте. А тем временем хозяйственная жизнь Грузии расстраивается с каждым днем все больше и определеннее, и весьма уже не далек тот момент, когда Ною Жордания вместе с экзархом Грузии придется запеть «На реках вавилонских».

Осенью 1920 года С. М. Кирова включили в состав советской делегации по перемирию с буржуазно-помещичьей Польшей. Прибыв в Москву, он допытывался у Стасовой:

— Елена Дмитриевна, ну кому это взбрело в голову? Какой из меня дипломат?

Стасова, улыбнувшись, ответила:

— К сожалению, некогда об этом поговорить. Вас ждут [1]...

Поздним вечером 6 сентября Киров писал Орджоникидзе: «Дорогой Серго! Завтра еду в Ригу... Сегодня долго говорил с Ильичем... Ильич находит, что я должен скорее вернуться из Риги и ехать работать на Кавказ» [2].

* *
*

После мирной конференции Киров по заданию ЦК РКП(б) уехал на Северный Кавказ.

Ознакомившись с положением дел на Тереке, Киров доложил в ЦК, что в местных партийных кругах обстановка неблагополучна. Необходимо было созвать съезд народов Терской области. Он состоялся 17 ноября во Владикавказе. На основании Декларации ВЦИК РСФСР об образовании Горской автономной советской республики съезд закрепил братство народов Северного Кавказа. К тому времени в Крыму был разбит барон Врангель. Война кончилась.

Можно вплотную заняться восстановлением хозяйства, но оппортунисты навязали партии дискуссию о профсоюзах, в основе которой лежал вопрос об отношении партии к массам. В. И. Ленин и его сторонники последовательно отстаивали принцип широкой советской демократии во всех областях экономической и политической жизни страны. Троцкий и другие оппозиционеры требовали «завинчивания гаек», насаждения диктаторских методов в руководстве партии массами.

Партийные организации на своих собраниях, конференциях, как правило, горячо одобряли ленинскую линию.

---

[1] В своих воспоминаниях Е. Д. Стасова пишет, что Киров — умелый дипломат и что о назначении его в состав делегации по перемирию с Польшей настоял Г. В. Чичерин (Ленинградский музей С. М. Кирова, ф. V—309).

[2] Ленинградский музей С. М. Кирова, ф. III—176 с.

С. М. Киров помог областному бюро подготовить и провести партийную конференцию Терека. 16 февраля 1921 года состоялось голосование. За платформу В. И. Ленина было подано 172 голоса, за Троцкого — 8. Конференция избрала С. М. Кирова делегатом на X съезд РКП(б).

В эти дни в Грузии вспыхнуло восстание. На помощь восставшим двинулись советские войска из Азербайджана. Киров, не прекращавший связи с секретарем ЦК Компартии Грузии М. Орахелашвили, хорошо знал обстановку в Закавказье. Нужна помощь и с Севера. Кратчайший путь — через Мамисонский перевал. Но в зимних условиях он считался непроходимым.

Киров дерзнул, лично повел 98-ю бригаду на штурм Мамисонского перевала. Пропасти коварны. Вьюга сбивает с ног. Под снежными обвалами гибли люди. Где-то застрял обоз. Киров пустился на розыск, увидел в хвосте 293-го полка человека в полушубке и в... юбке. «Зачем взял в такой путь?» — налетел Сергей Миронович на командира.— «Сама навязалась».— «Сама-а! Кто такая?» — «Полковой врач».— «Ну-ка позови, я с ней поговорю»...

Когда белый полушубок подошел, Киров раскрыл от удивления рот: это была сестра его жены, Рахиль.

— Ты-ы? Ну, знаешь! — и, стегнув коня, ускакал.

Преодолевая трудности, красноармейцы форсировали Мамисонский перевал. 98-я бригада соединилась с грузинскими повстанцами, вместе с ними ворвалась в Кутаисскую губернию и в город. Воины-освободители выпустили из тюрьмы до тысячи политзаключенных, а затем двинулись дальше: одним полком — на помощь восставшему Тифлису, а двумя полками — на Батум.

25 февраля 1921 года Г. К. Орджоникидзе, возглавлявший общее руководство восстанием, с радостью телеграфировал В. И. Ленину: «Над Тифлисом реет Красное знамя Советской власти».

VI.

ВО ГЛАВЕ БОЛЬШЕВИКОВ АЗЕРБАЙДЖАНА

Пути и думы

X съезд РКП(б), состоявшийся в марте 1921 года, был первым съездом партии, на котором присутствовал С. М. Киров. Съезд оставил неизгладимое впечатление в сознании Сергея Мироновича. Его поразила простота и мудрость, с которой Владимир Ильич обосновал свой смелый план поворота от политики военного коммунизма к новой экономической политике. А как вдохновенно говорил Ильич о необходимости железного единства партии!

И за все то, что решил X съезд, он, Киров, теперь несет особую ответственность. Он кандидат в члены Центрального Комитета партии. Многое ему доверено, многое с него и спросится.

Как и всю партию, Сергея Мироновича больше всего волновали вопросы хозяйственного развития страны. Одолеем ли разруху? Удручающе повлияли на Кирова докладные записки работников Главнефти инженеров И. М. Губкина, А. И. Цевчинского и других специалистов горного дела. Нефтяная промышленность, по их убеждению, стоит на грани катастрофы [1]. На Эмбе из 80 скважин действуют лишь 11; в Грозном — 98 из 356; а в основном нефтяном районе страны, в Баку, и того хуже. В заброшенных скважинах скопилось свыше четырех миллиардов пудов воды. Вода своей тяжестью оттесняет нефть от забоя, вгоняет ее в грунт на большие глубины. Инженер (позже известный академик) И. М. Губкин предупредил Ильича, что если не будет возобновлена буровая деятельность, если не будет налажена сверхмощная откачка

[1] См. Ленинский сборник XX, стр. 129.

воды из скважин, то «в ближайшие два года республика очутится без жидкого топлива». Инженерные расчеты также показывали, что своим оборудованием, изношенным или взорванным муссаватистами, Бакинским промыслам не откачать воду и за пять-шесть лет.

Возвращаясь со съезда в Терскую область, Киров несколько успокаивал себя тем, что Грозненские промыслы менее разрушены, грунт не страдает обилием воды. Ильич дал согласие на назначение Юрия Бутягина начальником «Грознефти».

Теперь политический руководитель должен быть знаком с производством. Не маузер, а финансовые бюллетени, статистические справочники, планы строительства — главное оружие. Нужно вникать в экономику. С такими мыслями Киров и сошел во Владикавказе с поезда.

Желанию Кирова целиком отдаться восстановлению хозяйства Терской области не суждено было сбыться. Вначале он, как делегат съезда, ездил по городам Кавказа с докладами о причинах кронштадтского мятежа, о сущности нэпа, разъяснял решения X съезда по национальному вопросу, о единстве партии. В 20-х числах апреля Сергей Миронович провел Учредительный съезд народов Горской АССР.

Апшерон

С Северного Кавказа С. М. Кирова направили в Тифлис работать в Кавказском бюро ЦК РКП. Он возглавил партийное просвещение Закавказья, подготовил проект объединения кавказских железных дорог.

Трудностей было много в каждом городе, районе, селении. Но горше всего сложилась обстановка в Баку. «Почему так получилось?» — недоумевал Киров. Ведь бакинский пролетариат известен своими славными традициями. Крепкие там и руководители. А между тем дошло до того, что острая материальная нужда вызвала недовольство среди рабочих. Орджоникидзе сообщает Ленину о возможности стачек. В. И. Ленин просит Ростов принять решительные меры по снабжению Баку. Пишет в Главнефть И. М. Губкину: «Надо выработать *точные* меры помощи Баку и внести в *С.Т.О., следя* за их выполнением» [1]. Дежурным секретарям Совнаркома

[1] Ленинский сборник XX, стр. 230.

оставляет на ночь записку: «Хлеб для Баку... напомнить архиважно»[1]. В письме начальнику «Азнефти» А. П. Серебровскому он требует, чтобы бакинские руководители наконец-то поняли, усвоили правильный, одобренный X съездом, а потому *обязательный* для членов партии взгляд на концессии. «Архижелательно $^{1}/_{4}$ Баку (а то и $^{2}/_{4}$) сдать концессионерам (на условиях помощи из-за границы и продовольствием и оборудованием...)»[2]

Ввиду тревожного положения в Закавказье Политбюро командировало в Тифлис Специальную комиссию по проблемам нефтяной промышленности. Тогда, в июне 1921 года, и стал круто вопрос о первом секретаре ЦК Азербайджанской коммунистической партии (АКП). Выбор пал на С. М. Кирова. Он знаком с нефтяной промышленностью, имеет техническое образование, сдержан, терпелив, хорошо знает особенности работы с горцами.

* *
*

Сергей Миронович начал с осмотра нефтяных промыслов. Впечатление гнетущее: Апшерония — безмолвное кладбище. Лишь кое-где копошились рабочие. Из 3500 скважин действовало 700. Армию нефтяников составляли 14 тысяч бакинцев, 2 тысячи персов-иммигрантов да 8 тысяч репатриированных из Турции врангелевцев. Живут в бараках, сменного белья не имеют. Цены на продукты сверхжуткие: бутылка молока — 100 тысяч рублей; для приготовления миски плова требовался котел денежных знаков. Азербайджанская компартия напрягала все силы, чтобы спасти бакинский пролетариат от деклассирования, дать стране хоть сколько-нибудь жидкого топлива. Совет Труда и Обороны и Совнарком РСФСР приняли постановления о возведении Бакинских промыслов в разряд ударных объектов первостепенной важности с подчинением непосредственно Москве, о лучшем снабжении нефтяников, о кредите и увеличении оборотных средств «Азнефти», о поднятии в четыре раза тарифа зарплаты. Мариупольскому, Сормовскому и Царицынскому заводам предписано выпускать оборудование для нефтяной промышленности. Но это оставалось пока лишь пожеланиями.

---

[1] Ленинский сборник XX, стр. 226.
[2] Там же, стр. 157—158.

Киров, возвращаясь с недельного осмотра Бакинских промыслов, подумал: не случайно здесь за полтора года сменилось пять секретарей ЦК.

Грустные размышления Сергея Мироновича еще более усилились в связи с новыми трагическими событиями. 28 июля в пятом часу дня на заводе бывшего владельца Манташева загорелись семь гигантских баков с нефтепродуктами. Едкий дым заволок улицы города. Сообщая о пожаре Орджоникидзе в Тифлис, Сергей Миронович телеграфировал: «Главная опасность — угроза электрической станции, которая, как ты знаешь, снабжает энергией все промыслы... Еду на пожар. Киров».

Пожар удалось ликвидировать лишь на третьи сутки.

Битву за нефть Киров начал с упорядочения работы высших органов республики. Выяснилось, что продовольственное положение скверное, но не отчаянное. Баку располагает двухмесячным запасом хлеба, рабочие получают по фунту в день, есть рыба, фрукты, мясо — никакого сравнения с тем бедствием, какое постигло Поволжье в результате засухи. Там действительно голод.

29 июля и 1 августа Киров публикует в газетах «Коммунист» (на тюркском языке) и «Бакинский рабочий» открытое письмо ко всем коммунистам Азербайджана с призывом отчислять ежедневно по четверти фунта хлеба в фонд помощи голодающим русским братьям, организовать для них сбор денег, брынзы, вяленой рыбы, сухофруктов. Киров призвал всех честных людей республики заботливо принять беженцев из Поволжья.

* *
*

Комиссия ВСНХ, обследовав Бакинские промыслы, пришла к заключению: угрозы полного обводнения скважин нет. Баку располагает и некоторым оборудованием, правда старым, потрепанным. Но если его отремонтировать... Если Швеция и Германия сдержат договорные обязательства о поставках бурильных машин...

Если, если... А Москва поставила задачу без всякого «если» к октябрю 1922 года довести число действующих скважин до 1200.

С утра Киров бывал на промыслах. Обстановку знал лучше самого Серебровского и начальника Центрального

управления промыслами «Азнефти» инженера Ф. Рустамбекова. Домой возвращался что черный лебедь. «Ах, Маруся, знала бы ты, какая нефть сегодня пошла». «Вижу,— ворчала жена.— Тебя теперь и бензином не отмыть...»

В полдень секретарь ЦК появлялся в поселках, расспрашивал домохозяек о житье-бытье. Кое-кто поговаривал: «В народ пошел секретарь. И охота ему спотыкаться на свалках у бараков?» А Киров объяснил им, что битва за нефть начинается не только с плана и запуска компрессора, но и с порога квартиры рабочего...

Вечерами Сергей Миронович с помощью переводчика выступал с докладами в клубах, на собраниях, конференциях. Глубина мысли, удачная шутка, прямое обращение к кому-либо из присутствующих — все это придавало его выступлениям особую силу.

Однажды Киров вместе с заведующей женотделом ЦК Ишковой пригласил в клуб азербайджанок, выступил перед ними с разъяснением советского законодательства о семье, браке и равноправии женщин.

Опытный трибун вскоре заметил, что слушают его невнимательно, для приличия. Приходили, дескать, всякие рассказчики, а тюрчанка была рабыней, рабыней и останется. Такова воля аллаха.

Сергей Миронович решил перестроиться.

— Да-а, гражданочки,— начал он.— Так и русские женщины не верили в свои силы, долго не пробуждались. Но вот появилась, как гласит хадис [1], юная Светлана-ханум. Была она единственной дочерью вытского падишаха. Отец лелеял ее, но к крестьянам относился жестоко, безрассудно. Мольбы дочери о смягчении участи бесправных не помогли. Тогда Светлана облачилась в доспехи, вскочила на коня и вместе с облюбованным ею рыцарем восстала против отца-деспота. Покраснел, как рябина, лес. 40 дней и 40 ночей сотрясалось небо. Но Светлана одержала победу, утвердила на русской земле справедливость и равенство.

Когда переводчик донес эти слова, в зале раздались веселый смех, возгласы:

— Так это же наша Нушапери-ханум!

— Счастливица из азербайджанской сказки!

— Правда? Ваша Нуша? — «удивился» Киров и тоже

---

[1] Хадис — предание (тюркск.).

рассмеялся.— Вот совпадение! Тем более, товарищи. Тем более сказку нужно сделать былью. Давайте совместно воевать за равноправие. Если мы справились с беками и визирями, то уж с этим делом справимся.

Целые дни проводил Сергей Миронович среди рабочих. Лишь поздним вечером появлялся в здании ЦК АКП, проводил заседания, интересовался работой АзЦИК и Совнаркома, совета профсоюзов, ЦК комсомола. Ночью читал документы, поступившие в ЦК за день, составлял или подписывал служебные бумаги. Иногда и ночью выезжал на промыслы, проверял пожарную и военизированную службу, готовность рабочих мест к трудовому дню. В те же ночи, когда оставался дома, набрасывался на технические журналы, читал труды Низами Ганджеви, Мирзы Фатали Ахундова и других классиков азербайджанской литературы. А утром, когда начальник «Азнефти» Серебровский заходил по обыкновению за Кировым (они жили в одном доме), Сергей Миронович был уже выбрит, одет, приглашал соседа к столу:

— Садись, друг, почаюем. Маруся — мастерица на заварку! Ну, а как Анна Ивановна? Неужели ты, «советский Рокфеллер», не в силах излечить жену от туберкулеза? Хочешь, я напишу в Москву, Семашко. Пусть она едет в Крым.

И в шутку:

— Эх ты... Да я в твоем возрасте на руках возносил жену на Эльбрус!

Серебровский добродушно ухмылялся:

— «В твоем возрасте».

А Мария Львовна, взглядом сопоставлявшая выпяченные от худобы скулы мужа с приятным овалом лица Серебровского, только и сказала:

— Не верьте, Александр Павлович. Букой он был в молодости...

* *
*

Битве за нефть было подчинено все: и Общебакинская партийная конференция, на которой Киров выступал с докладом о новой экономической политике, и очередной пленум АзЦИК, и профсоюзная конференция, и съезд женщин-азербайджанок.

Как только работа у скважин немного наладилась, Бакинский комитет АКП обратился к трудящимся с новым призывом: «Все на ремонт нефтеперегонных заводов!» В газетах «Коммунист» и «Бакинский рабочий» ежедневно публиковались полосы под рубриками: «Что с нефтью?», «У станков и вышек».

Одновременно в Азербайджанской компартии шла чистка. Из партии изгонялись перекрасившиеся муссаватисты, эсеры, меньшевики, исключались пьяницы, шкурники, эксплуататоры чужого труда, многоженцы. Чистка вызвала много наветов, прямых угроз в адрес Кирова. Были недовольны им и за выступление против «теории» некоторых азербайджанских коммунистов о неподсудности члена партии. Коммунист, совершивший преступление, разъяснял Киров, подсуден народному суду, трибуналу и другим судебным органам на равных со всеми гражданами республики основаниях. Больше того, его надо судить вдвойне — в партийном и государственном порядке!

Чистка рядов партии, привлечение новых кадров, в том числе из беспартийных, к руководству Советами и профсоюзами, а также другие меры по росту активности масс принесли успех.

Медленно, но упорно повышалась среднесуточная добыча нефти. В августе она составляла 376 тысяч пудов, в сентябре — 390 тысяч, в ноябре — 460 тысяч пудов. 6 декабря бакинцы дали стране 496 885 пудов нефти, что превысило уровень среднесуточной добычи, запланированный для «Азнефти» лишь на октябрь будущего, 1922 года. С такой маленькой, но весомой сводкой Нариманов, Серебровский и Киров отправились в Москву на IX Всероссийский съезд Советов.

«Даешь натиск!»

2 февраля 1922 года в Баку во Дворце красного аскера (воина) открылся IV съезд Коммунистической партии Азербайджана — крупное для республики событие. С. М. Киров волновался. Ему впервые предстояло руководить съездом.

Азербайджанская коммунистическая партия была сравнительно молодой, возникла в условиях муссаватского режима, из подполья вышла ослабленной репрессиями, затем к ней примазалось было немало сомнительных элементов. Теперь АКП, очистив свои ряды, несколько окрепла.

Съезду предшествовали партийные конференции уездов, Нахичеванского края, Каспийского государственного пароходства (Госкасп), военной флотилии и армейского корпуса. В канун съезда (30 января) на пленуме ЦК были обсуждены тезисы докладов. Ничего, кажется, не упущено. И все же Сергей Миронович беспокоился: как-то пройдет съезд?

Киров не ограничился сообщением о работе, проделанной Центральным Комитетом, а сосредоточил внимание на основных политических задачах республики. Азербайджан многоплеменен, а потому от коммунистов требуется величайшая гибкость в проведении национальной политики Советской власти. Азербайджан — перекидной мост революции на Восток. Это налагает на АКП особую ответственность перед Коминтерном. Сейчас идет подготовка к объединению Закавказья в федерацию, идет мучительно. Нужно вытравить яд местного национализма, налаживать дружбу с Арменией и Грузией. И наконец, Азербайджан — край неграмотных. В Закавказье он на последнем месте по просвещению. Даже в промышленном Баку среди тюркского населения грамотных 2,2 процента. В сельской же местности — царство тьмы. Руководящие кадры в уездах слабы.

Съезд заслушал итоги чистки. Она выявила неблагополучие на местах, особенно в сельских районах.

В ходе чистки Киров и другие члены ЦК руководствовались советом В. И. Ленина: побольше мягкости к молодой Азербайджанской коммунистической партии. И все же пришлось исключить из членов партии 4314 человек и 1650 из кандидатов. На 1 января 1922 года в Компартии республики насчитывалось 10 687 коммунистов, в том числе: азербайджанцев — 4887, русских — 3856, армян — 610, прочих — 1334. Женщин — всего 608.

Съезд рассмотрел вопрос о состоянии экономики республики. Годовая программа нефтяной промышленности выполнена досрочно. Действовало 1200 скважин. В день открытия съезда бакинские нефтяники достигли нового рекорда суточной добычи — 536 тысяч пудов!

Скорректировав программу, Москва увеличила задание: к концу хозяйственного года (к 1 октября 1922 года) довести число действующих скважин до 2 тысяч, а ежемесячное бурение — с 270 до 500 сажень! Выступая на съезде, Серебровский заявил: «Чтобы выполнить такую программу, нужно

превратить 1922 год в год бури и натиска». Делегаты съезда ответили ему хором: «Даешь натиск!»

Позже, при разработке «плана натиска», мнения в Комитете «Азнефти» раздвоились. Большинство, в том числе и Серебровский, считали, что возиться с трудно восстанавливаемыми скважинами не следует, выгоднее начать освоение новых участков. Киров доказывал, что такая выгода кажущаяся. Он предлагал восстанавливать старые скважины и одновременно строить новые. Серебровский сомневался: «Грыжу наживем, Мироныч». «Справимся»,— заверил Киров. Наиболее заманчивой площадью был захламленный Солдатский базар. Попытки вырастить здесь лес нефтяных вышек были еще в 1912 году. И только теперь, спустя десять лет, 5 января на Солдатский базар пришли рабочие, началось освоение первого советского нефтяного промысла.

Съезд отметил, что сдвинулись с мертвой точки и другие виды промышленности: текстильная, кожевенная, квасцевая, стекольная, кислотная, ожили цементная, медеплавильная, увеличилась добыча соли.

Серьезную тревогу вызывало состояние сельского хозяйства. Прожорливая саранча опустошила до 300 тысяч десятин посевов. Чума косила скот. Азербайджан — страна хлопка, но в годы гражданской войны хлопководство прекратилось. На 1922 год под хлопок запланировано 6 тысяч десятин — в 20 раз меньше, чем до революции. Сбор шелковичного кокона уменьшился в 30 раз, площадь орошаемых земель сократилась в 12 раз. Свыше полутора миллионов десятин обезводненных полей превратились в голодные края. Война, оккупация, мятежи и пожары разрушили многие уездные города и селения.

Киров доложил съезду о предстоящем создании федерации закавказских республик. Это сообщение было встречено овацией. Приняв резолюцию, делегаты вдохновенно запели «Интернационал». Почти единогласно избрали делегатов на I съезд коммунистических организаций Закавказья, Центральный Комитет и Ревизионную комиссию АКП.

На следующий день состоялся пленум вновь избранного ЦК. Пленум образовал Секретариат, Оргбюро и Политбюро ЦК. В состав Политбюро вошли: председатель Совнаркома Н. Нариманов, секретарь ЦК С. Киров, председатель Азсовнархоза и заместитель главы правительства Г. Мусабеков, секретарь Бакинского комитета партии Л. Мирзоян, нарком труда и член Кавбюро М. Плешаков.

Год новых испытаний

1922 год явился для Кирова годом новых испытаний его организаторских способностей. Вторая половина февраля ушла на I съезд коммунистических организаций Закавказья. Затем — пленум, где Кирова избрали членом Президиума Бюро Закавказского краевого комитета (Заккрайкома). Потом — Москва, XI съезд РКП. Сергей Миронович работал в секретариате съезда, вновь был избран кандидатом в члены ЦК РКП. Съезд решил много вопросов. Киров исписал два блокнота, особо подчеркнув слова В. И. Ленина: год отступали, теперь в наступление; смычка города с деревней.

После съезда Киров еще задержался в Москве — «выколачивал» у ВСНХ плуги, сеялки, тракторы для Азербайджана. Потом выехал в Тифлис на пленум Заккрайкома.

В Баку Сергей Миронович вернулся только в начале мая. А вскоре Кирова вызвали в Москву. Секретарь ЦК В. В. Куйбышев поручил ему ехать в Астрахань и помочь местным товарищам наладить партийную работу.

Вернувшись через месяц из Астрахани, Сергей Миронович прямо с вокзала отправился на подшефный ему промысел. Проходка скважин на бывшем Солдатском базаре шла успешно. «А как с добычей со всех площадей?» — спросил он Серебровского. Тот вручил ему сводку. Киров посмотрел и почесал затылок. Черепаший шаг. Видно, авралы и сверхурочные достигли предела мускульной возможности рабочего. Нужны современные машины. А где их взять? Нариманов сообщил из Италии, что англо-французские фирмы согласны взять концессии и восстанавливать Бакинские промыслы, если эти промыслы будут возвращены их прежним частным собственникам. Условьице! Киров закурил и сказал Серебровскому:

— Вот что, Александр Павлович. Отправляй жену в санаторий, а сам махни в Америку, познакомься с вращательным бурением, заключай договор с нефтяными королями «Стандард ойл». А мы с товарищем Бариновым[1] начнем засыпку Биби-Эйбатской бухты. Оборудуем ее по последнему слову техники, назовем «Бухтой Ильича» и к V съезду АКП дадим там нефть.

---

[1] М. В. Баринов — заместитель начальника «Азнефти».

* *
*

Дела в республике налаживались. Наркоматы стали работать гибче, оперативнее. Органы милиции с помощью красноармейцев Степинской дивизии разгромили в горах крупные банды. Удалось также приостановить набеги персидских разбойников.

Хорошую весть из Москвы привез К. Е. Ворошилов, приехавший на работу в Кавказскую армию: выздоровел Ленин! С большим подъемом Киров провел конференцию бакинской рабочей молодежи, присутствовал и выступал с докладом на съезде комсомола республики.

Осень 1922 года началась для Кирова плодотворно. Выезжать никуда не приходилось, и он хорошо помог «Азнефти», республиканскому Совнаркому. «Бури и натиск» дали ощутимые результаты: повышенный план хозяйственного года по нефтяной промышленности выполнен почти полностью, урожай с полей убран, в республике более чем успешно шел сбор продналога. Азербайджанский народ готовился к объединению с Грузией и Арменией. 1 ноября состоялась республиканская партийная конференция, обсудившая необходимость создания ЗСФСР, а 7-го числа Сергей Миронович выступил с таким же докладом на пленуме совета профсоюзов Азербайджана.

В блокнотах Сергея Мироновича была еще одна запись: «Активизировать торговлю!» Это вытекало из решений XI съезда РКП и указания В. И. Ленина научиться торговать. Опыт показывал, что с нэпманом воевать значительно труднее, чем предполагал Киров, и в своем докладе он призывал больше внимания уделять торговле...

13 ноября недалеко от Баку на станции Насосная возник пожар. Гигантская водокачка, снабжавшая Баку водой, вышла из строя. Киров немедленно вылетел на «юнкерсе» в район Насосной. Картина оказалась тяжелой. Для ремонта водокачки нужно месяц — полтора времени. А как же Баку? Ведь город ежедневно потребляет свыше 300 тысяч пудов пресной воды! Сообщив в Заккрайком о последствиях пожара, Киров прибыл в Баку. Город в панике. Цена ведра

С. М. Киров, Г. К. Орджоникидзе, А. И. Микоян, М. Г. Ефремов
в освобожденном Баку.
1921 г.

С. М. Киров (в центре) среди рабочих-нефтяников Баку.

воды — восемь миллионов рублей... Наркомздрав боится вспышки эпидемии кишечно-желудочных заболеваний.

Для доставки воды в город мобилизовали железнодорожные цистерны, пароходы. Киров, отправляясь с группой бакинских рабочих на восстановление Насосной, обратился в Москву, Тифлис, Ростов с просьбой немедленно прислать дизели и насосы.

17 суток работали не разгибая спины. Пришлось и Кирову хорошенько вспомнить свою специальность механика. В ночь на 30 ноября Сергей Миронович донес в Тифлис Г. К. Орджоникидзе и секретарю Заккрайкома А. Ф. Мясникову: «Вечером закончили восстановление и сборку дизеля станции Насосная... Этот дизель дает в сутки до восьмисот тысяч ведер... Надо считать, что водяной кризис миновал». Неделей позже, когда установили все привезенные машины, Киров послал телеграмму В. И. Ленину: «Вода в Бакинском районе есть — будет и нефть в пределах данного нам задания» [1]. Домой Сергей Миронович вернулся с забинтованными руками, кремовый костюм, подаренный ему Марией Львовной ко дню рождения, стал грязнее куртки нефтяника.

10 декабря в Баку открылся I съезд Советов ЗСФСР. Вслед за докладом Орджоникидзе на съезде выступил Киров, изложив принципы внутренней и внешней политики федерации. Съезд избрал союзный Совет Закавказья (во главе с Н. Н. Наримановым), образовал правительство ЗСФСР во главе с М. Д. Орахелашвили. Трогательные это были дни. При огромном стечении народа состоялись проводы делегатов Закавказья на X съезд Советов РСФСР и на I Всесоюзный съезд.

Исторический I съезд Советов СССР состоялся 30 декабря 1922 года в Большом театре Москвы. Здесь народы нашей страны в торжественной обстановке объединились в братский Союз Советских Социалистических Республик. От Азербайджана присутствовало 24 делегата, выступали глава правительства Г. Мусабеков и Киров. Это было первое выступление Сергея Мироновича с высокой столичной трибуны. «Я думаю,— говорил он,— что этот день должен быть ознаменован нами так, чтобы остался живой памятник совершающегося...»

Сергей Миронович предложил соорудить в Москве дворец — как символ грядущего торжества коммунизма.

[1] Ленинградский музей С. М. Кирова, ф. III—413, 414.

«Бухта Ильича»

4 января 1923 года бакинские нефтяники собрались на первом советском промысле, где уже действовали 35 скважин, и обязались превратить Баку в гордость советской промышленности. Участники митинга решили «послать приветственную телеграмму через тов. Серебровского и шефа промысла тов. Кирова вождю мировой революции товарищу Ленину, что мы его призыв и привет, присланный на имя бакинского пролетариата, читали и готовы пожертвовать всем, что только в наших силах» [1].

Порадовал и второй советский промысел — Биби-Эйбатский, названный «Бухтой Ильича». Участок осваивался в тяжелых муках. Одна засыпка бухты чего стоила. Затем начали проходку. 100, 200, 300 аршин глубины, а нефтью и не пахнет. Наткнулись на доисторический кратер вулкана, породы перемешаны. «Зазря вгрызаемся»,— жаловались бурильщики. А Киров, Серебровский и Баринов настаивают: бурить. И вот 8 января в шесть утра из буровой № 47 послышался шум, ударил фонтан нефти, за ним — газовое извержение. Да такой силы, что штанги и другие бурильные приспособления отбросило к соседней скважине. Рабочие пьянели от газа. Киров пьянел вдвойне — и от газа, и от счастья. «Какая нефть! Красавица! — восхищался он.— Да мы ее со дна Каспия достанем. Вот увидите, братцы, под морем такие пласты, такие запасы!»

6 марта 1923 года в Баку прибыли американские инженеры. Серебровский приставил к ним бакинских мастеров. Киров поставил перед мастерами задачу: «Даю вам три месяца сроку, чтобы научились вращательному способу проходки. Покажите американцам, как мы, советские, умеем бурить!» [2] Он разъяснил, что иностранные специалисты дорого обходятся стране. Нужно как можно скорее выудить у них знания, освоить привезенную технику.

---

[1] Речь идет о письме В. И. Ленина, привезенном Серебровским из Москвы еще в октябре 1922 года. В этом письме Ленин просил бакинских рабочих «продержаться всячески. Первое время нам особенно тяжело. Дальше будет легче» (Соч., изд. 5, т. 45, стр. 215).

[2] Ленинградский музей С. М. Кирова, ф. V—588.

12 марта открылся V съезд Азербайджанской коммунистической партии. На съезд приехал М. И. Калинин, вручил «Азнефти» грамоту ЦИК СССР, выступил с речью.

В работе этого съезда уже заметно чувствовалось кировское руководство. Вопросы повестки дня обсуждались конкретно, во взаимосвязи с обстановкой и задачами всей страны.

По-деловому съезд обсудил положение в деревне. Хлебопашцы недовольны «ножницами» — непомерно высокими ценами на промышленные товары и низкими на продукты земледелия. ЦК АКП слишком увлекся сбором продналога. Заготовительные органы Москвы хвалят Азербайджан, называют образцовой республикой. Но эта «образцовость» опасная. Она порой подрывает союз рабочих и крестьян. Не случайно, говорит Киров, за год из АКП выбыло свыше тысячи сельских коммунистов. Нельзя так относиться к союзнику и брату рабочего класса. Крестьянину нужно помочь льготным кредитом, инвентарем по сходной цене. С. М. Киров призвал к борьбе за подъем сельского хозяйства республики, назвал это ударной задачей 1923 года.

V съезд АКП с удовлетворением отметил тягу народа к грамоте. В республике действовало 700 пунктов ликбеза. Число школьников увеличилось за год с 63 тысяч до 100 тысяч. Азербайджанцы пробуждаются к культурной жизни, но нет книг на родном языке, алфавит тюркского языка и грамматика так сложны и запутанны, что пришлось делать реформу.

14 марта состоялось торжественное заседание съезда, посвященное 25-летию I съезда РСДРП. Делегаты попросили Кирова выступить с воспоминаниями. Сергей Миронович рассказал о героическом пути партии, которая выросла из маленьких марксистских кружков в могучую силу, возглавила борьбу масс в трех революциях, организовала отпор международным интервентам. Теперь наша партия ведет советских людей к победам на трудовом фронте.

Тепло и сердечно говорил Киров о великом Ленине, его прозорливости, гениальности. «Мы,— сказал в заключение Киров,— родились безусловно из огня и крови рабочего класса» [1].

---

[1] Ленинградский музей С. М. Кирова. Стенограммы выступлений С. М. Кирова, т. 7, кн. 2, стр. 194—214.

16 марта V съезд АКП закончил свою работу. Киров предложил: «Нужно сегодня же по телеграфу передать товарищу Ленину, что мы просим его, чтобы он берег себя...» Приветствие больному В. И. Ленину съезд принял стоя, торжественно спел «Интернационал».

В тот же день состоялся пленум ЦК, а после пленума Киров вместе с азербайджанской делегацией отбыл в Москву на XII съезд партии большевиков.

Мугань

С. М. Киров вернулся с XII съезда РКП(б) преисполненный одной мыслью, одним стремлением: «Еще ближе к хозяйству, еще больше внимания, сил хозяйственным органам. Особое внимание деревне. Не случайно тяжело больной Ильич так много думает об этом, написал специальную статью — «О кооперации»».

Азербайджан — жемчужина плодородия, изобилует альпийскими лугами, богат субтропиками, но дары природы-матери пока крайне плохо освоены. К такому убеждению пришел руководитель азербайджанских большевиков, теперь уже член ЦК РКП(б), Киров, побывав в ряде сельских ячеек, осмотрев Мильскую и Ширванскую степи.

Случай ускорил поездку и на Мугань. Весенний паводок Куры поднялся небывало, местами выше двух саженей. 23 мая река, прорвав плотину, затопила несколько селений и 400 десятин посевов. Утром следующего дня Киров и сопровождающие его работники Наркомзема вылетели на «юнкерсе» к месту стихийного бедствия. На левый берег Куры перебирались с риском: река все еще бушевала, неистово кружила баркас, вынесла его на залитое до крыш селение Джеват.

Мугань — место печальных легенд, лакомый кусок для саранчи, рассадник малярии. Быт и нравы местных жителей в ту пору мало чем отличались от времен первобытнообщинного строя. Оседлый образ жизни наблюдался лишь на севере. Много людей гибло от голода, болезней и наводнений.

Чалтык (рис) и пшеницу на Мугани сеяли в ил, нанесенный половодьем, прогоняли стадо овец — и поле забороновано. Реки пенились рыбой, однако рыболовством никто, по

существу, не занимался: нет дорог, нет связи с рынками сбыта.

Советская власть на Мугани устанавливалась трижды. Первый раз — после октября 1917 года. Но в 1918 году она погибла здесь одновременно с гибелью Бакинской коммуны. В апреле 1919 года на Мугани вспыхнуло восстание. Три месяца сражались повстанцы, но продажные буржуазные националисты — муссаватисты жестоко с ними расправились. Пал смертью героя и председатель Муганского ревкома балтийский матрос Тимофей Ульянцев, присланный сюда С. М. Кировым из Астрахани. Третий раз Советскую власть принесли на Мугань красноармейцы 11-й армии весной 1920 года. Новой эре предстояло перешагнуть здесь через капиталистическую формацию. По заданию В. И. Ленина Серго Орджоникидзе выезжал на Мугань, изучил положение дел, доложил в Москву свои соображения. Вслед за этим состоялось решение Совета Труда и Обороны об отпуске средств на мелиоративные работы.

Волею большевиков Муганская степь должна была не только подняться из бездны, но и стать первой в Советском Союзе сельской машинно-тракторной базой. Ко времени прибытия С. М. Кирова здесь, в селении Ленино и на плантациях частей Кавказской армии, произошла неслыханная для тех времен концентрация сельскохозяйственных машин: 210 тракторов типа «прага», «фордзон» и других марок, мелиоративные землеройки, австрийские плуги, чешские жатки, культиваторы. Машинным способом было засеяно шесть тысяч десятин по всем правилам агротехники. Начальник строительства С. Я. Богдатьев, подкручивая седые усы, рассказал, какой страх вызвало появление первого трактора в Муганской степи. Многие местные жители бежали в горы, долго там отсиживались.

Киров осмотрел машинный парк, побеседовал с механиками, секретарем партячейки Мугмельстроя, с командиром местного гарнизона, проехался на тракторе.

Прощаясь со строителями, Сергей Миронович сказал:

— Землю Мугани мы должны превратить в хлопковый ковер, да такой ковер, чтобы владельцы хлопковых плантаций за рубежом лопнули от зависти. Пусть знают, что такое социалистическое земледелие!

Работать «зверски»

Подавая завтрак, Мария Львовна посоветовала мужу и Орджоникидзе денек отдохнуть: «Погода сегодня нежаркая. Сходите, Григорий Константинович, на взморье...» Отправились. Лежат на теплом песке. Минуту нежатся, другую. Но политические деятели и на пляже остаются политиками.

— Серго,— начал Киров.— Многих членов ЦК приходилось мне встречать. Одни приезжают запросто, по-деловому. А другие... Знал бы ты, с какой помпой пожаловал в Баку Зиновьев. Не меньше, как вождь всея земли! Что это значит?

Орджоникидзе подставил солнышку другой бок и сказал:

— Отвечу восточной поговоркой: «Кто много орет, тот плохо везет».

Серго подумал и добавил:

— Подобные много еще причинят неприятностей партии. Так что, Кирыч, нам нужно быть на страже и работать зверски.

И Киров начал работать еще напористее, «зверски».

Бакинские нефтяники не только успешно осваивали вращательный способ бурения скважин, но кое в чем даже обгоняли американцев. Паровые двигатели заменялись электрическими. Инженер М. А. Капелюшников изобрел гидравлический турбобур. Английская фирма строила в Баку самый современный завод крекинговой переработки нефти.

Но Киров не удовлетворен: «Мало, мало!»

— Мало? — удивлялся Серебровский.— Надо, Мироныч, иметь в виду, что ускоренный метод бурения вызывает массу проблем. Узким местом становятся нефтеперегонные заводы. Срочно нужно перестраивать их технологию, а это вызывает проблему электроэнергии. И потом: куда деваться желонщикам? Их специальность умирает. Они обозлены, какие-то темные силы подстрекают их на порчу механизмов.

Киров помрачнел. Ему показалось, что Серебровский, как он выразился, «слишком затехничился, утрачивает хватку революционера».

Никогда еще бакинцы не видели Сергея Мироновича таким неугомонным. Шофер Айрапетов спал в сутки по два-три часа, склонившись на баранку. Того и жди, подойдет Киров, тронет слегка по плечу и скажет: «Поехали!»

Так случилось и сейчас. Желонщики замахнулись кувал-

дой на «своего соперника» — на мощный насос. Киров примчался:

— Стой! Машина — друг человека! Неужели вам не надоело таскать ведро с клапаном? Ручное тартание в переводе с древнегреческого означает по-нашему вроде как кромешный ад. Что же, вам жалко расставаться с этим адом? Не бойтесь, без куска хлеба не останетесь. Организуем для вас курсы монтажников, слесарей, электромонтеров, школы механиков...

Зашумели рабочие Механического завода имени Монтина. Киров поехал и туда. Крупнейший в Закавказье завод перестраивался на выпуск оборудования для вращательного бурения. Не сразу освоишь новую технику, государство не в состоянии выделить дотацию, и заработки низкие. Киров состоял на партийном учете в ячейке этого завода. Его здесь хорошо знали. Рабочий митинг встретил Кирова рукоплесканием. Но он охладил горячие овации.

— Аплодировать мне нечего,— сказал Киров.—Не спецодежду и французские булки привез. Я обвинять приехал!

Сергей Миронович рассказал о трудностях, которые переживает страна, о том, что империалисты надеются погреть руки на этих трудностях, снова восстановить власть эксплуататоров в нашей стране.

— Вот и решайте сами, как вам поступать. Вы хозяева — такими словами закончил свою речь Сергей Миронович.

Рабочие переглянулись, улыбнулись и пошли к станкам.

Баку — один из крупнейших городов страны, а его транспорт вызывал много нареканий. Киров пригласил к себе заведующего коммунхозом Иосифа Варейкиса (он же председатель трамвайного комитета), а с ним и главного строителя инженера В. Радцига. Сергей Миронович любезно взял их под руки, вывел на улицу, предложил «прокатиться в конке». Посадка — что взятие крепости. А в вагоне настоящая парилка. Дышать нечем, люди обливаются потом. Тощая лошаденка сонливо брела между рельсами, остановилась... Женщины отвернулись, а пассажиры-мужчины вспомнили городское начальство: «Сюда бы их». «Да они здесь!» — крикнул Сергей Миронович и, вытирая рукавом пот с лица, представил своих спутников.

На другой день, 7 августа, состоялось экстренное заседание Бакинского Совета. Варейкис и Радциг заверили: к новому году, за пять месяцев, проложим 18 верст колеи и

пустим трамвай. Помогите только получить 62 моторных вагона в Мытищах и Питере.

— 18 верст мало,— бросил реплику Киров.— Трамвай будет колесить только по Черному и Белому городам Баку. А промыслы? А пригородные поселки? Время уж порадовать рабочий класс и электрической дорогой.

Новое создавалось в острой борьбе со старым. Враг всячески срывал, терроризировал созидательную работу. На промыслах полыхали пожары. Сгорели нефтяные вышки в Сураханах, главные мастерские Госкаспа. ЦК АКП, лично Киров потребовали от органов государственной безопасности республики немедленно найти поджигателей. Вскоре удалось раскрыть контрреволюционное общество, присвоившее себе наименование «Пылающие сердца». Четырех главарей суд приговорил к расстрелу, остальных — к разным срокам тюремного заключения.

Подрезан был и шахсей-вахсей. В связи с приближением праздника коммунисты республики предприняли меры к предотвращению самоистязания мусульман.

Член ЦК АКП Гамид Султанов пошел в одну из мечетей, превратил аллахослужение в митинг. В принятой резолюции прихожане осудили шахсей-вахсей, дали слово «вести себя достойным и культурным образом». Одно из собраний мусульманок приняло постановление: «Пусть отныне рубятся беки и муллы, обманывавшие нас...» Крестьяне Кубинского уезда заявили на сходке: «Мы обещаем властям не рубиться, не биться цепями и не резать свои головы бритвами».

Когда умы тюрок были более или менее настроены против шахсей-вахсея, ЦК АКП решил опубликовать (разработанное по заданию Кирова) постановление АзЦИК и Совнаркома о запрещении «в дни мухаррема каких бы то ни было религиозных демонстраций и шествий». А нарком труда издал приказ № 95: «В траурный для мусульман день 10-го мухаррема (23 августа) трудиться всем, работа тюрок оплачивается в двойном размере».

Оглушительным взрывом бомбы прозвучала 14 августа 1923 года со страниц «Бакинского рабочего» и других азербайджанских газет декларация членов ЦК партии «Муссават» Абдуллы Мамед-заде, Садых Гули-заде и 11 рядовых муссаватистов. Они заявили во всеуслышание: «Учитывая

то, что Советская власть, являющаяся защитницей трудящихся, установила между национальностями Кавказа самый прочный мир... объявляем, что существующая в нелегальном виде организация муссаватистов считает себя распущенной».

Взломан, опрокинут был обычай жениться на подростках. Толчком послужило письмо одного врача в ЦК АКП. «Мусульманская жизнь,— писал он,— есть беспросветная тьма. Но женский вопрос, по-моему, кошмарнее всего. Самой отвратительной язвой в этом отношении надо считать насильственную выдачу 8—12-летних девочек замуж. Дикий обычай». В письме приводились факты садизма, растленности, надругательства над подростками. «И все это оправдывается законом шариата...»

Надо было кончать с этим злом, а заодно и с проституцией — отвратительным наследством прошлого. После ряда мер, предпринятых партийными, комсомольскими и женскими организациями республики, АзЦИК издал закон, по которому женитьба на девушке моложе 17 лет, как и многоженство и проституция, объявлялась уголовным преступлением со всеми вытекающими последствиями...

Экономика и культура Азербайджана шли в гору. План бурения скважин перевыполнен. По промыслам укладывались шпалы 130-верстной кольцевой дороги. Армия пожарных пересела с лошадей на красные автомобили. Каждый шестой житель республики стал грамотным — исторический для тюрок сдвиг! В 12 уездах из 16 открыли фельдшерские пункты. Население уже не голодало, хотя одевалось все еще бедно.

М. В. Фрунзе и раньше бывал в Баку. Но приехав теперь в отпуск по приглашению Кирова, был «буквально поражен грандиозностью развернутой «Азнефтью» работы». «Женщины,— отмечал Михаил Васильевич,— выступают на собрании наравне с мужчинами... Ганджа предполагает через полгода осветить электричеством большинство селений уезда. В этом отношении я должен признать, что уезды Азербайджана оставили далеко позади себя наши русские и украинские уезды».

25 ноября 1923 года открылся III съезд Советов (Курултай) Азербайджана. Делегаты овацией встретили появление за столом президиума председателя АзЦИК Агамали-оглы, главу правительства республики Мусабекова, прославленных

рабочих-нефтяников ударников и приехавших на съезд Семена Буденного и председателя Совнаркома ЗСФСР Мамию Орахелашвили.

Настроение у всех приподнятое. В своем содержательном докладе на съезде С. М. Киров, напомнив о нефтяном кладбище, оставленном муссаватистами, сказал, что за три года сделано много хорошего. «На верную почву брошены здесь, в Азербайджане, советские, социалистические зерна!..» [1]

«...Сохранить в партии душу Ильича»

Москва скорбела.

Шестые сутки в морозном воздухе звучал реквием. А люди все шли к Дому союзов, шли в рабочих ватниках и крестьянских поддевках, в шалях и ушанках. Нескончаемый поток печали...

27 января от Охотного до Кремля — знамена, венки с траурной каймой. Киров пробивается на Красную площадь... С обнаженной головой входит во временный мавзолей. Киров, всхлипывая, беззвучно шепчет: «Прощай, Ильич, прощай. Как-то мы без тебя?..»

«Как-то мы без вождя...» — с этими мыслями Киров присутствовал на экстренном пленуме ЦК партии, на II съезде Советов СССР...

С чувством невозвратной утраты вернулся в Баку. Город и нефтяные вышки все еще в трауре. Сник красно-черный флажок на первом бакинском трамвае. Горсовет и АзЦИК публикуют постановления о присвоении имени Владимира Ильича Ленина фабрикам, заводам.

Киров выступает на заседании Бакинского Совета, на промыслах, в горных селениях. Он рассказывает коммунистам, трудящимся о решениях двух январских пленумов ЦК РКП, о съезде Советов, о ленинском призыве в партию, о заветах вождя. В день рождения В. И. Ленина, открывая партийный клуб в Баку, Сергей Миронович предельно выразил свои думы и заботы: если мы сумеем сохранить в партии душу Ильича, то мы доведем строительство социализма до конца. «Только один путь к будущему — изучение ленинизма» [2].

---

[1] «Бакинский рабочий», 27 ноября 1923 г.

[2] *С. М. Киров.* Избранные статьи и речи, стр. 157.

Большевики Азербайджана, собравшись на свой VI съезд, с каким-то особым вниманием обсуждали положение дел в республике, проверяли, все ли делается по-ленински. Недостатков еще много. В бакинских ресторанах — нэпманские кутежи, а на бирже труда — очереди безработных. Государственный аппарат республики громоздкий. Второй секретарь ЦК Ханбудагов оказался националистом. Пользуясь частым отъездом Кирова, насаждал антиленинские нравы. Съезд дал бой ханбудаговщине, избрал новый состав ЦК АКП, заверил всю партию, что азербайджанские большевики будут твердо идти ленинским путем.

В мае С. М. Киров в составе делегации Азербайджана прибыл на XIII съезд РКП(б). В Москве Сергея Мироновича избрали в президиум съезда.

Это свидетельствовало, что Киров пользуется авторитетом не только в Азербайджане, но и во всей партии. Не зря секретарь Закавказского крайкома партии А. Ф. Мясников (Мясникян) писал о Кирове: «По-моему, он один из выдающихся деятелей Закавказья и один из лучших представителей нашей партии вообще. Без него мы бы совершили в Азербайджане массу ошибок... достаточно умен, очень тактичен, сдержан... действует не по настроению, что является новостью для закавказских (коренных) работников... Он мил, доступен, очень скромен. Он действительно может жить и трудиться в самых обыкновенных условиях, в обстановке простоты и бедности... Это один из тех людей и друзей моих, которых я редко встречал» [1].

В период дискуссии, которую навязали троцкисты осенью 1923 года партии, бакинские коммунисты во главе с Кировым нанесли фракционерам сокрушительный удар. То была ощутимая поддержка партии в ее борьбе за ленинскую линию.

На съезде не было открытых выступлений оппозиционных группировок. Все его решения были направлены на развертывание социалистического строительства, на укрепление смычки рабочего класса и крестьянства, на повышение роли партии в жизни страны.

Сомнения не было: партия сохранит «душу Ильича», завершит начатое им дело построения социализма, коммунизма.

---

[1] Цитируется по книге Мнацаканяна «Посланцы Советской России в Армении», Ереван, 1959, стр. 103.

Успехи и... помехи

Большие созидательные планы наметили Коммунистическая партия и правительство Азербайджана на 1924/25 хозяйственный год. В Баку развернулось строительство отводного канала, возводились школы, жилые дома, больницы. На промыслах высокими темпами шло бурение новых скважин. В сельской местности сооружалось несколько электростанций, пять оросительных каналов.

Но успехи наталкивались на многие помехи. Почти весь декабрь ушел в партии на дискуссию с Троцким, отрицавшим возможность построения социализма в СССР. Азербайджанским коммунистам также пришлось потратить немало сил на разоблачение капитулянтов и маловеров.

В январе 1925 года на Азербайджан обрушились небывалые морозы и снежные заносы. Гибли захваченные в пути стихией люди, животные. В феврале в Баку возник пожар. Огненная буря угрожала превратить город в пепел. В поединке с пожаром сражалась вся республика, а Киров едва не погиб в нефтяном озере огня.

Затем — стремительная оттепель и неслыханное половодье. Вода с гор затопила склады, скважины, строящиеся каналы. Убытки неисчислимые, тысячи семей остались без крова.

В марте Азербайджан, как и всю страну, постигло большое горе. 19-го числа в Москве умер один из председателей ЦИК СССР Н. Н. Нариманов. Не успели гроб с телом Нариманова опустить в могилу, как 22 марта под Тифлисом в результате авиационной катастрофы трагически погибли секретарь Закрайкома РКП(б) А. Ф. Мясников (Мясникян), председатель ЧК ЗСФСР С. Г. Могилевский, нарком почт и телеграфа ЗСФСР Г. А. Атарбеков.

26 марта в Баку состоялось траурное заседание, посвященное памяти товарищей. Сергей Миронович не скрывал слез. С душевной болью говорил он о безвременно ушедших боевых соратниках, их беззаветной преданности коммунизму. Если бы можно было спросить у погибших товарищей, сказал Сергей Миронович, какую они хотят услышать сейчас песню, то они бы сказали: «Только не похоронный марш. Спойте нам наш любимый, зовущий к победе «Интернационал»». В ответ все присутствующие на траурном заседании стоя запели гимн коммунистов.

Преодолевая трудности, азербайджанские большевики, возглавляемые Кировым, уверенно шли от успеха к успеху. В мае 1925 года за особые заслуги в развитии советской экономики ЦИК СССР наградил 27 бакинцев орденом Красного Знамени — рабочих, инженеров, руководителей «Азнефти» А. Серебровского, М. Баринова и Ф. Рустамбекова. Большой группе трудящихся республики были вручены грамоты ЦИК, ценные подарки, денежные премии. Семидесятилетнего ветерана-нефтяника Али Гасана Бунйатова (Киров из уважения называл его своим крестным отцом) страна отметила и орденом, и грамотой, и персональной пенсией. Старик расплакался. Подумать только: верховная власть награждает рядовых тюрок, которых в старину и за людей-то не считали. Ветеран отказался от пенсии, заявив на митинге, что будет работать, «пока в жилах течет кровь».

Окрыленные заботой и наградой, бакинцы работали с удвоенной энергией. К осени 1925 года государственная и кооперативная промышленность Азербайджана достигла 93,5 процента к довоенному 1913 году. Добыча нефти, правда, еще значительно отставала. Но главное состояло в том, что нефтяники приступили к технической реконструкции: переходили на электрическую энергию, осваивали газолиновое производство, начали добывать нефть из-под дна моря. Баку становился запевалой технического прогресса, кузницей производственных кадров для нефтяных промыслов Эмбы, Грозного, Майкопа.

Поднялось, превзошло довоенный уровень сельское хозяйство Азербайджана. Изменялся социальный состав крестьянства. К исходу 1925 года число кулацких хозяйств в республике уменьшилось вдвое и составляло 5,4 процента к общему числу хозяйств. Втрое сократилось количество батраков. Многие крестьяне объединились в производственные кооперативы. Сравнительно небольшая республика имела на своих полях до 300 тракторов, 510 самолетов-опрыскивателей, тысячи современных плугов, сеялок, косилок, веялок, молотилок.

Вырос культурный уровень населения. За пятилетие (1921—1925 годы) в Азербайджане были созданы: политехнический и педагогический институты, высшая совпартшкола, Закавказский коммунистический университет, два театра, техникумы, высшая художественная школа, Дома культуры, Дворец азербайджанки, десятки тюркских женских клубов.

Впервые в Баку открылись глазная лечебница, туберкулезный диспансер. Неизмеримо расширилась сеть противомалярийных станций. В столице и в уездных центрах действовали новые амбулатории и поликлиники, в три раза увеличилось число врачей, фельдшеров, акушерок. Нахичеванский край, к примеру, был до революции царством тьмы. За пять советских лет там было образовано 79 начальных и неполных средних школ, учительский техникум, совпартшкола, три больницы, районные избы-читальни, строилась электростанция, прорывался 12-километровый туннель, чтобы напоить плодородные земли водами реки Аракс.

На месте бывших пригородных пустырей, свалок выросли рабочие поселки: Ленинский, имени Степана Разина, Петра Монтина [1] и другие. Свыше восьми тысяч рабочих семей переехали из жалких хижин в благоустроенные квартиры с газовым отоплением, водопроводом, электрическим освещением. Поселки соединились с Баку и промыслами трамвайными, автобусными линиями и первой в Советской стране электрической железной дорогой. Улицы и площади Баку и его пригородов озеленялись акацией, инжиром, эльдарской сосной, оливковыми и декоративными деревьями. По свидетельству Серго Орджоникидзе, благоустройство рабочих поселков вызвало восторг у представителей богатейшей страны, Англии, откуда приезжала профсоюзная делегация в Баку.

К услугам тюрок была открыта Центральная Азербайджанская государственная библиотека, начали функционировать книжная палата, рабочие факультеты. Число подписчиков на газеты и журналы выросло в 43 раза. Количество грамотных в республике теперь составляло более 25 процентов. На азербайджанском языке издавались произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Писатели республики объединились в литературную организацию.

Сколько потребовалось времени и терпения, чтобы убедить тюрчанок-матерей отдавать детей в школу, чтобы вовлечь неграмотных рабочих в вечерние школы взрослых! Доходило до крайних мер. Партийная организация одного из промыслов обязала коммуниста-тартальщика Мухтара Фатали научиться грамоте. Фатали отказался. Ему пригро-

---

[1] Петр Монтин — бакинский пролетарий, революционер. В 1905 году убит черносотенцами из-за угла, когда шел по улице со своей невестой работницей Евой.

зили исключением из партии. Только после этого Фатали сел за букварь. А со временем стал инженером на промыслах.

С любовью выращивал Сергей Миронович партийный, советский, хозяйственный актив из азербайджанцев. И делал это просто, незаметно. Был однажды такой случай. Приехал Киров на промысел, поздоровался с секретарем партийной ячейки и стоявшим рядом с ним рабочим.

— Это наш Эйбат Аскеров — член АзЦИК,— представил секретарь.

Киров и Аскеров засмеялись. Они были знакомы уже пять лет. Это Киров заставил пугливого паренька Эйбата пойти в ликбез, на курсы, в школу. Киров же выдвинул его и в высший орган власти. Позже Аскеров стал инженером-нефтяником.

Немало Киров лично вывел на светлую дорогу и работниц, особенно тюрчанок. А. К. Рагимова — забитая, запуганная женщина — с помощью Сергея Мироновича прошла путь от уборщицы детского садика до первой тюрчанки-инженера. Во многом Кирову обязаны своими успехами также работники искусства. Он, например, помог знаменитой певице Мамедовой приобрести необходимое образование, развить свой талант.

* *
*

В конце 1925 года в Москве собирался XIV съезд ВКП(б). Из Баку ехала довольно многочисленная делегация: за период ленинского призыва АКП выросла почти вдвое!

В дороге Сергей Миронович говорил своим друзьям и соратникам: на съезде нас, возможно, будут хвалить, но успокаиваться не следует. Республика пока лишь встала на ноги. «Вот вернемся со съезда и такую громадную работу развернем! Широченным шагом пойдем к социализму!»

VII.
НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Вы его скоро также полюбите, как полюбили его бакинские рабочие.

ИЗ ПИСЬМА БАКИНЦЕВ ЛЕНИНГРАДЦАМ О С. М. КИРОВЕ

Бои идейные

Не хотелось Кирову ехать на работу в Ленинград, никак не хотелось. На Кавказе он жил без малого семнадцать лет, привык, знает обычаи горцев, накрепко сдружился с ними. А сколько интересных дел задумано в Азербайджане! «Я, конечно,— пишет он жене в Баку,— категорически отказываюсь. Серго также против моей поездки...» Но в ЦК ВКП(б) нашли нужным послать в Ленинград именно С. М. Кирова.

Дело в том, что Зиновьев и Каменев, скатившись на позиции Троцкого, образовали в 1925 году «новую оппозицию». Центр этой оппозиции находился в Ленинграде. Зиновьев и его единомышленники секретарь Северо-Западного бюро ЦК партии и Ленинградского губкома Евдокимов, секретарь Московско-Нарвского райкома Саркис (Даниелян) и другие, чтобы обмануть ленинградских большевиков, повели себя двурушнически. На XXII губернской партийной конференции они ратовали за линию ЦК, за политику партии в области построения социализма, а прибыв на XIV съезд партии, выступили против линии ЦК, противопоставили съезду ленинградскую делегацию. В противовес отчетному докладу ЦК, одобренному съездом, «новая оппозиция» выставила своего содокладчика в лице Зиновьева. Рассматривая крестьянство как реакционную силу, якобы борющуюся против социализма, оппозиция, по существу, требовала разрыва союза рабочего класса с трудовым крестьянством. Тем самым ее линия вела к гибели диктатуры пролетариата, к гибели Советской власти. За крикливыми

«революционными» фразами оппозиции скрывались авантюристические, чуждые народу цели.

XIV съезд осудил вылазку «новой оппозиции» как антимарксистскую, указал на ошибочное поведение на съезде ленинградской делегации. Съезд обратился с письмом ко всем членам ленинградской партийной организации. В письме отмечалось, что ленинградская делегация на съезде голосовала против доверия ЦК, противопоставила себя съезду партии, а «Ленинградская правда» повела кампанию против решений съезда, против партийного единства.

«XIV съезд,— говорилось в заключение письма,— не сомневается, что ленинградская организация, всегда шедшая в авангардных рядах партии, сумеет исправить ошибки, допущенные ленинградской делегацией» [1].

Оппозиционеры не подчинились решению съезда. Вернувшись в Ленинград, они начали призывать стотысячную армию ленинградских коммунистов к атаке на ЦК, против решений XIV съезда, демагогически заявляя, что ЦК изменил делу революции и что ленинградская делегация, якобы защищавшая ленинизм, стала жертвой съезда, в Москве ее унизили, оклеветали. При всем этом зиновьевцы, занимая руководящие посты в Ленинграде, прибегли к методу шантажа, угроз и зажиму. Они докатились до того, что запретили Выборгскому району собраться, чтобы выразить свою солидарность с партией и ее съездом.

Выступление оппозиции было поднято на щит в зарубежной буржуазной печати. «Подвигом» Зиновьева восхищался меньшевистский листок Мартова, Дана и Абрамовича — «Социалистический вестник», выходивший в Берлине под флагом... РСДРП. Белогвардейская газета «Руль» с радостью писала в новогоднем номере: «Выступление оппозиции Зиновьева лишний раз подтверждает высказанное нами утверждение, что революция в России кончена...» [2]

Партия не могла мириться с таким положением. Еще в период работы съезда в Ленинград была послана большая группа слушателей Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова. Зиновьевская верхушка не пускала их на заводы, запретила разъяснять обращение съезда

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II. Госполитиздат, 1953, стр. 92.

[2] См. «Ленинградская правда», 17 января 1926 г.

к ленинградским большевикам. Тогда, по окончании съезда, в Ленинград выехала группа членов ЦК для разъяснения решения съезда и разоблачения антипартийной деятельности «новой оппозиции».

6 января 1926 года Г. И. Петровский и С. М. Киров, прибывшие в составе группы ЦК, отправились на завод «Электросила». Стены клуба ломятся от давки, а представители Московско-Нарвского райкома и парторганизатор завода Доброхвалов запрещают проводить собрание — «Нет кворума». Рядовые коммунисты возмущены: «Не волынь, к нам пришли члены ЦК!» Киров, пробившись локтями к столу, начал доклад об итогах XIV съезда партии, о курсе на индустриализацию страны. Одни аплодируют, другие кричат: «Довольно! Наслышались красных песен!..» Собрание на «Электросиле» закончилось ночью. Резолюцию принимали с боем, но все же записали: «Мы осуждаем наше бюро... за то, что оно вело недопустимую работу по разложению наших рядов...» [1]

Киров и Петровский вернулись в «Европейскую гостиницу» на рассвете. Григорий Иванович прилег на диван и тотчас уснул, а Киров решил написать в Баку весточку о своем прибытии в Ленинград. «Положение здесь очень тяжелое,— сообщал он жене.— Как пойдет дело, не знаю...» Законвертовав письмо, Сергей Миронович подошел к окну и задумался: «Нельзя наскоком. Собрания нужно готовить, создавать на заводах инициативные группы, вахтерами поставить сторонников ЦК, чтобы можно было проносить в цехи съездовскую литературу...»

Свои впечатления о собраниях Киров изложил в письмах к Орджоникидзе: «Мы сразу же пошли по большим заводам... Понятно, что губкомщики и райкомщики лезут на стену. Они хотят, чтобы мы их разогнали. Мы же думаем, что это нарушило бы основные правила демократии. В общем обстановка горячая, приходится много работать, а еще больше драть глотку... Все приходится брать с боя. И какие бои! Вчера были на «Треугольнике», коллектив 2200 человек. Драка была невероятная, доходило до мордобития!.. Собрания изводят, голова идет кругом...» [2]

---

[1] Ленинградский партийный архив (ЛПА), ф. 2071, св. 7, ед. хр. 112.

[2] Ленинградский музей С. М. Кирова, ф. III—479, 483.

Так проходили собрания почти везде. В горячих схватках с зиновьевцами проводил их Киров на фабриках «Красный маяк» и «Красный ткач», на Монетном дворе; бурно прошло объединенное партийное собрание заводов «Красный гвоздильщик» и «Электроаппарат».

Очень трудно было подступиться и к Московской заставе — к вагоностроительному заводу имени Егорова. Туда поехал К. Е. Ворошилов. Долго его расспрашивали через «глазок» проходной будки: «Кто? Откедова?» А когда Ворошилов все же прорвался на территорию завода, какие-то горластые парни вынесли его за ворота.

На помощь Ворошилову приехали Калинин и Сергей Миронович. Но пришедшие до них на завод прихвостни Зиновьева сделали все, чтобы сорвать собрание. Сторонники «новой оппозиции» выставляли своих содокладчиков. Особенно буйствовали парторганизатор завода Абрамов и молодой «коммунист» Подбелло (позже уголовник). При голосовании силы оказались равными, пришлось назначить на вечер повторное голосование.

Уж который день Киров замечал, что на собраниях различных предприятий развязно ведут себя одни и те же лица. «Постой, постой... Михал Иваныч, не они ли на «Треугольнике» таскали тебя за полы?» Калинин сощурил за очками глаза, пригляделся, ответил: «Кажись, они». Киров проверил документы двоих. Оказалось: зиновьевцы, так много кричавшие о демократии в партии, незаконно выдали троцкистски настроенной молодежи свыше трехсот партбилетов без приема их в партию, только для того чтобы они бегали с одного завода на другой и «спасали ленинградцев от нападок представителей московского ЦК». Все стало ясно: бучу устраивают совсем не рабочие, не рядовые коммунисты. Киров потребовал списки партийцев завода, поставил к вечеру у входа надежных людей, пропускавших на собрание только вагоностроителей, и собрание прошло уже организованно.

В дальнейшем так поступали и на других предприятиях. Членам ЦК хорошо помогли честные работники губкома Н. П. Комаров, И. М. Москвин, С. С. Лобов, И. И. Кондратьев, Н. М. Шверник и новый редактор «Ленинградской правды» И. И. Скворцов-Степанов. За две недели

партийные собрания были проведены в большинстве организаций города — в 652 коллективах. За одобрение решений XIV съезда ВКП(б) и доверие ЦК высказалось 70 389 коммунистов, за поддержку «новой оппозиции» — 2244, воздержалось при голосовании 334. Впереди шли партийные организации Выборгской стороны, Невской заставы, Петроградского и Кронштадтского районов, военные большевики.

Больно сознавать, но в хвосте оказался «Красный путиловец». Там окопались ярые фракционеры: директор завода Левин, ответственный парторганизатор Александров, секретарь Московско-Нарвского райкома партии С. А. Саркис (Даниелян) [1], член заводского бюро Блинков. Еще в первые годы Советской власти Блинков сменил двенадцать руководящих должностей, выдавая себя за члена ЦК «и многих губкомов», повсюду требовал себе «шикарных дач-вилл». Комиссия по чистке изгнала его тогда, в 1921 году, из партии «без права вторичного вступления», но Зиновьев снова протащил его в партию [2].

В связи с тем, что краснопутиловцы на этот раз не шли в общем строю, партийные организации завода «Большевик», Ленинградского военного округа (ЛВО) и балтийцы обратились к ним с призывом: «Слово за вами, коммунары «Красного путиловца»» [3]. Внешне гигант был сумрачен, оставался пока молчалив, но внутри страсти уже кипели. М. И. Калинин совместно с инициативной группой коммунистов завода, возглавляемой любимцем краснопутиловцев Иваном Газа, начал действовать с цехов. 14 января в трубочном и вагономеханическом цехах прошли перевыборные партийные собрания. Через двое суток состоялось бурное собрание цеховой ячейки паровозосборочной мастерской. Напрасно Александров и парторганизаторы цехов угрожали «арестом зачинщиков собраний, исключением их из партии». Бастион, сооруженный на обмане, рухнул. В прорыв устремились коммунисты чугунолитейного, вагонного, тракторного и других многочисленных цехов, требуя немедленного созыва общезаводского партийного собрания, «чтобы до-

---

[1] Этого троцкиста Киров критиковал еще в Баку, в 1921 году.

[2] См. «Ленинградская правда», 19 января 1926 г.

[3] В то время в Ленинграде было очень распространено слово «коммунары» вместо обычного «коммунисты».

стойно, по-краснопутиловски рассчитаться с оппозицией за все!».

Такое собрание состоялось 20 января 1926 года. Страна и партия с волнением ждали его исхода. На собрание прибыло девять членов ЦК, в их числе пять членов Политбюро. Прения шли горячо. Лидеров оппозиции и их приспешников разоблачили. Руководителем большевиков завода был избран Иван Иванович Газа. В принятой резолюции коммунисты «Красного путиловца» одобрили решения XIV съезда ВКП(б) и заявили: «Мы посылаем наш горячий привет новому составу Центрального Комитета и обещаем ему полную поддержку» [1].

Собрание на «Красном путиловце» явилось той кульминацией, за которой зиновьевская оппозиция быстро пошла на убыль. К тому времени пленум Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б) уже сместил Г. Е. Евдокимова с поста первого секретаря Севзапбюро и Ленинградского губкома. Секретарем был утвержден С. М. Киров. Зиновьева в Севзапбюро оставили, но от должности председателя Ленсовета отстранили за злоупотребление властью в интересах оппозиции.

К тому, что Киров остается в Ленинграде, многие ленинградцы отнеслись холодно. Ходили по городу слухи, что Киров будто бы не подпольщик в прошлом, в царских тюрьмах не сидел, работал в либеральной газете и блаженствовал на кавказских курортах. Часть студенчества, пропитанная остатками дореволюционного столичного аристократизма, строила кислую гримасу: «Хм, рябой, курит махру... Пальто грубошерстное»...

До Кирова такие настроения доходили и в порядке партийной информации, и в анонимках, и во взглядах зиновьевцев, прижатых к позорному столбу. Сергей Миронович счел необходимым запросить у ЦК помощи в проведении партийных конференций, тем более что райкомы фактически находились все еще в руках оппозиционеров. В Ленинград вновь приехал М. И. Калинин, а с ним Ф. Э. Дзержинский.

Районные партийные конференции проходили в жарких спорах, но закончились успешно. 10 февраля 1926 года открылась и XXIII губернская чрезвычайная конференция.

---

[1] «Ленинградская правда», 21 января 1926 г.

На конференции выступил Дзержинский. ЦК ВКП(б) и московские большевики прислали ленинградцам свои приветствия и дружеские пожелания. Конференцию приветствовали старые рабочие-красногвардейцы, моряки и красноармейцы, пионеры города. Немногим раньше в адрес ленинградских большевиков пришло обращение бакинского партийного актива. «Как нам ни трудно расставаться с т. Кировым,— писали бакинцы,— как нам ни дорог т. Киров, нас утешает одна мысль, что он будет в Ленинграде... Вы, товарищи ленинградские коммунисты, в лице т. Кирова приобрели стойкого, выдержанного старого большевика-ленинца».

Трогательное письмо прислал из Тифлиса и Орджоникидзе. «Дорогие друзья! — писал он Швернику, Москвину, Комарову и Лобову.— Ваша буза нам обошлась очень дорого: отняли у нас тов. Кирова. Для нас это очень большая потеря... Киров — мужик бесподобно хороший... Уверен, что вы его окружите дружеским доверием...— Подумав, Серго дописал по-отечески: — Ребята! Вы нашего Кирыча устройте как следует, а то он будет шататься без квартиры и без еды...»

XXIII чрезвычайная конференция длилась три дня. Три дня идейных боев. Как и следовало ожидать, питерские большевики резко осудили авантюризм зиновьевцев. Конференция избрала новый состав Ленинградского губкома во главе с Кировым. Закрывая конференцию, Сергей Миронович призвал делегатов «работать не покладая рук над укреплением единства, железного единства ленинской партии».

Так кончился первый этап борьбы с зиновьевской оппозицией в Ленинграде. Она была разбита в открытом бою, осуждена в решениях собраний и конференций. Но лидеры оппозиции остались на своих позициях. Наступление нужно было продолжать, не забывая при этом, что фракционеры вьют осиные гнезда там, где пахнет властью. В этой связи Киров предупреждал: «Какие новые наскоки они готовят — нам неизвестно, но, конечно, они ни в какую Чухлому, ни в какую Курскую губернию не приедут,— им важно произвести шатание в Ленинграде или в Москве» [1].

---

[1] Ленинградский музей С. М. Кирова. Стенограммы выступлений С. М. Кирова, т. 9, кн. 2, стр. 560.

Выступать с докладами приходилось почти ежедневно. Борьба тяжелая. Зиновьевцы, перевирая Маркса и Ленина, прямо-таки жонглировали цитатами. Надо было глубоко знать произведения классиков, чтобы с ходу вскрывать мошенничество оппозиционеров. За год идейных боев против оппозиции Киров сделал 180 докладов. Много времени уходило и на бесконечные совещания, пленумы, заседания как в Ленинграде, так и в Москве, в губернских центрах — Пскове, Новгороде, Череповце. Киров вынес эту перегрузку только благодаря сильной памяти и крепкому здоровью. Иногда все же он доходил до изнеможения. Оно и понятно: сфера его деятельности — тысячи километров, от Новой Земли до Валдайских высот. Будничные заботы шести миллионов человек... Неотложные нужды сотен промышленных предприятий... Смольный осаждали заявками, жалобами. Сюда шли за помощью и безработные. Обувная фабрика «Скороход» осталась без кожевенного сырья. Где-то застряли железнодорожные эшелоны с углем и рудой для «Красного путиловца». Оппозиционеры злорадствовали: «Ага! Зиновьев прав: не станет нас — и трудно сказать, что будет с этим индустриальным центром». Фракционеры язвили, в открытую саботировали. Наглость их дошла до того, что 11 октября 1926 года Зиновьев, Евдокимов и бывший секретарь губкома ВЛКСМ Куклин ворвались на партийное собрание «Красного путиловца», стали клеветать на ЦК, всячески расхваливать Троцкого. Возмущенные коммунисты вытолкали их на улицу [1].

Создавшаяся обстановка требовала незамедлительной перестройки всей партийно-политической работы, выдвижения к руководству новых товарищей, безгранично преданных партии, верящих в возможность построения социализма в нашей стране. С. М. Киров лично беседовал со многими, внушал им уверенность, просил обращаться к нему в любое время суток. Сложна работа с кадрами. Каждый — индивидуальность. Большая ответственность требовалась в выдвижении работников идеологического фронта. Осторожно, осмотрительно, но настойчиво укреплял губком партии творческие союзы работников искусств и литературы, ученых, издательств и редакций журналов, газет, радио, где требовалась особая политическая бдительность. Много, как говорил Киров, потрачено было сил на воспитание партийного

---

[1] См. «Ленинградская правда», 12 октября 1926 г.

актива, насчитывавшего около полутора десятков тысяч человек. И уже ровно через год, в январе 1927 года, Сергей Миронович образно заявил с трибуны XXIV губернской партийной конференции, что «шлагбаум по дороге в Ленинград для оппозиции закрыт, закрыт окончательно» [1].

Шлагбаум для оппозиции по дороге в Ленинград был закрыт, но в самом-то городе зиновьевцы остались, действовали. В письме Мирзояну в Баку Сергей Миронович писал тогда: «Разбитая оппозиция делает все, чтобы сохранить связи и пр. Работает подпольно... Распространяет всякую свою литературу» [2]. Сам Зиновьев, ратовавший в 1924 году за изгнание Троцкого из ЦК, теперь, летом 1926 года, создал вместе с ним антипартийный блок. Троцкий, Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Пятаков, Радек, Преображенский и другие фракционеры оборудовали подпольную типографию, проводили нелегальные собрания.

Осенью 1926 года троцкистско-зиновьевская оппозиция была осуждена на XV Всесоюзной партконференции и на VII пленуме Исполкома Коминтерна. Фракционеры не унимались, пытаясь внести раскол в ВКП(б) и в зарубежные коммунистические партии.

Свою новую вылазку троцкистско-зиновьевский блок начал в 1927 году, когда осложнилось международное положение СССР (разрыв дипломатических отношений с Англией, убийство полпреда Войкова в Польше, измена Чан-Кай-ши революции в Китае). Оппозиционеры состряпали так называемую «платформу 83-х» — лживый, фарисейский документ, рассчитанный на обман партии и рабочего класса.

В октябре 1927 года объединенный Пленум ЦК и ЦКК вывел Каменева из кандидатов в члены Политбюро, Троцкого и Зиновьева — из состава ЦК и всех трех главарей оппозиции снял с высоких должностных постов. Троцкисты взвыли. Ленинградские оппозиционеры, в частности, пытались доказать, что «платформа 83-х» — результат «дум двухсот седых голов». Киров ответил им народной поговоркой: «Число голов не всегда соответствует числу умов» [3]. Обидевшись, ленинградские троцкисты (а их здесь было больше,

---

[1] *С. М. Киров* Статьи, речи, документы, т. III, 1936, стр. 314.

[2] Ленинградский музей С. М. Кирова, ф. III—892.

[3] Там же. Стенограммы выступлений С. М. Кирова, т. 9, кн. 2, стр. 557.

чем где-либо) стали убеждать всех и вся, что Ленин не поступил бы так жестоко и что на Пленуме Орджоникидзе был против такого решения [1].

С. М. Киров, выступая на собрании партийного актива города и на XI партконференции Петроградского района, дал сокрушительный отпор несусветной лжи оппозиционеров. Он сказал: «Если бы это только было при Ленине, то... ни одного политического ребра ни у Зиновьева, ни у Троцкого, ни у Каменева уже не было бы. И когда они хотят изобразить из Ленина какого-то внутрипартийного либерала, это же, товарищи, сплошная клевета на Ленина» [2].

Далее С. М. Киров сообщил, что Г. К. Орджоникидзе из-за болезни в работе этого Пленума не участвовал. Серго, сказал Киров, лежит в больнице и должен будет лежать, вероятно, еще добрых полтора или два месяца. (Киров получил письмо, в котором Орджоникидзе сообщал, что готовится к тяжелой операции, и жаловался: «Проклятая слепая кишка не дает покоя... Как бы эта дрянь не перевела в холодное состояние... Вот какое дурацкое положение! Ну, черт с ним. Привет от Зины Марии Львовне и тебе. Крепко целую обоих. Ваш Серго. 25/IX — 27 г.».) [3] «Несмотря на тяжелую болезнь,— продолжал Сергей Миронович,— Орджоникидзе настроен нисколько не менее, грубо выражаясь, зубодробильно к этой самой оппозиции, чем мы все, вместе взятые» [4].

Троцкисты не образумились. В праздник 7 ноября 1927 года они устроили в Москве и Ленинграде провокационную вылазку, выступали на улицах с антипартийными и антисоветскими лозунгами. Против троцкистов поднялась волна негодования.

XV съезд ВКП(б) исключил из партии как лидеров оппозиции, так и наиболее ярых их единомышленников по антипартийному блоку. В очищении партии от троцкистов немалая заслуга принадлежит и С. М. Кирову. Мастерски и беспощадно срывал он маску с антиленинцев. Советский народ, аплодируя пламенному трибуну революции, и не знал, как изнурительна, как противна была Кирову эта борьба.

---

[1] Ленинградский музей С. М. Кирова. Стенограммы выступлений С. М. Кирова, т. 9, кн. 2, стр. 557.

[2] Там же, стр. 558.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 80, оп. 11, ед. хр. 26.

[4] Ленинградский музей С. М. Кирова. Стенограммы выступлений, т. 9, кн. 2, стр. 556.

Его всегда тянуло в цех, где строятся машины, печатается красочный букварь,— туда, где производятся материальные блага. А что дискуссия? Трата сил и драгоценного времени, трепка нервов.

До белых ли ночей!

Бывшие председатель Ленсовета Зиновьев и первый секретарь губкома Евдокимов, демагогически болтая о мировой революции, совершенно не заботились о развитии экономики Северо-Запада страны, о хозяйственных нуждах Ленинграда. Жилой фонд города оставался на уровне 1915 года, а ведь население росло, особенно за счет притока из деревень, и на 1 января 1926 года составило свыше полутора миллионов человек. Посетив бараки в Бабурином переулке (Выборгская сторона) и казарму на Косой линии Васильевского острова, названную в насмешку «псковским дворцом», Киров сильно расстроился: мужчины, женщины и детишки спят вповалку на двухъярусных нарах; воздух отравлен вонью портянок и так сперт, что Сергей Миронович невольно вспомнил свои несчастные детские годы, когда его мать держала постоялый двор... Не лучше было и в рабочих слободках Невской заставы — полная антисанитария. В Московско-Нарвском районе процветало 18 церквей, 64 пивные, а клубов было всего 16, да и те захудалые.

Внутригородская жизнь прямо-таки вызывала тревогу. Частный сектор разросся до одной трети товарооборота. Толстые нэпманы вовлекали людей в разлагающий образ жизни кабаков, игорных домов, во всякого рода тайные притоны. Больницы не успевали брать на учет венерических больных. Наводил страх бандитизм...

Серьезные невзгоды переживала и ленинградская промышленность. Она хоть и восстанавливалась, но значительно отставала от других индустриальных районов страны. Недогрузка предприятий сырьем и топливом достигла 30 процентов. Каждый третий рабочий был не у дел, и, как выразился Киров, «безработица в Ленинграде принимает угрожающие размеры» [1]. Словом, за что ни возьмись — все запущено, усложнено.

---

[1] Из доклада на VIII партконференции Московско-Нарвского района. См. «Ленинградская правда», 25 декабря 1926 г.

Так в непрерывных боях с оппозиционерами, в хозяйственных хлопотах и проплыла над Невой первая для Кирова весна белых ночей, которым поэт посвятил незабвенные строки:

Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла.

До белых ли ночей было Кирову и губкому партии? Обстановка в Ленинграде была так накалена и запутана, что сюда на помощь, группами и в одиночку, в течение года приезжали все члены Политбюро и многие руководящие деятели Совнаркома. Не пушкинские строки вспоминались Кирову, а восточная поговорка, сказанная ему Орджоникидзе еще в Баку: «Кто много орет, тот плохо везет». Зиновьевцы много орали о мировой революции, но в победу социализма в действительности не верили. Кроме них наносили вред делу и сторонники «теории затухания Ленинграда».

Еще до XIV съезда партии в столичных хозяйственных органах наряду с другими сложнейшими проблемами встал и вопрос о Ленинграде. Как с ним поступить? Город пограничный, удален от залежей угля, нефти, руды, от хлопководства. Стоит ли развивать ленинградскую промышленность в том ее профиле, как сложилась она стихийно при капитализме? Не разумнее ли перебазировать в глубь страны — к источникам сырья и топлива — такие предприятия Ленинграда, как машиностроительные, черной и цветной металлургии, текстильные и химические? Выкладки спецов хозяйственных наркоматов были основательны. Но ленинградцы придерживались иного мнения. Их город дает седьмую часть всей промышленной продукции страны, в том числе: по машиностроению — 24 процента, электротехнической — половину, а по турбинам Ленинград — единственный поставщик. В Советском Союзе нет такого города, где бы не нуждались в ленинградской продукции.

Так-то оно так, соглашались экономисты наркоматов. Но посудите сами: паровоз, доставляя в Ленинград тысячу тонн донецкого угля, сам сжигает 132 тонны. Если учесть, что годовая потребность Ленинграда в каменном угле выросла до четырех миллионов тонн, то из них в трубу паровоза вылетит 528 тысяч тонн. И только ли угля? А износ и прогон вагонов? А зарплата железнодорожникам и прочее?

А сплюсуйте-ка еще и подачу за две-три тысячи километров цемента, руды, нефти, хлопка?..

Трудно сказать, как долго продолжались бы эти «деловые» споры, не появись в Ленинграде С. М. Киров. Много сил и времени отнимала борьба с оппозициями. Киров вел ее принципиально, но все же главную для себя задачу он видел в том, чтобы ознакомиться с ленинградской промышленностью, вжиться в нее, подсчитать ее производственные возможности, осмыслить ее тенденцию. За первую же зиму своего пребывания в Ленинграде Сергей Миронович успел побывать на многих фабриках и заводах (а на крупнейших по нескольку раз), познакомился с руководителями, со многими рабочими.

Первое впечатление Кирова можно выразить одним словом — масштабность! В любом районе Ленинграда коммунистов больше, чем во всем Азербайджане. Только на одном заводе — «Красном путиловце» — тружеников столько же, сколько нефтяников во всем Баку.

Важнейшая особенность ленинградской промышленности, как ее понимал Киров, состояла в том, что 360 заводов и фабрик работали во взаимосвязи. Пусть стихийно, но в основном удачно сложилось производственное кооперирование предприятий. Зачем же разрывать единый механизм? Зачем разлучать высокоразвитые элементы производительных сил? Здесь же особая, питерская квалификация рабочих! Перебазирование заводов и фабрик, переселение и бытоустройство до 500 тысяч человек — семей рабочих потребуют колоссальных средств, на это ушло бы несколько лет, и Ленинград вместо поставщика оборудования для индустриализации превратился бы в прожорливого потребителя. Это не могло бы не сказаться на сроках создания фундамента социализма в Советском Союзе.

Обо всем этом Киров рассказал председателю ВСНХ Ф. Э. Дзержинскому, когда тот приезжал в феврале 1926 года на XXIII Ленинградскую партконференцию. Обо всем этом он докладывал Центральному Комитету партии и правительству. На июльском Пленуме ЦК ВКП(б) 1926 года Киров был избран кандидатом в члены Политбюро, разговаривать ему в отраслевых наркоматах стало легче, и сторонники «затухания Ленинграда» притихли.

ЦК ВКП(б) и Советское правительство решительно поддержали ленинградцев: ленинградскую промышленность

развивать, а город превратить во всесоюзную научно-техническую лабораторию, в город-конструктор, в кузницу кадров производства. Словом, город Ленина — на передний край социалистического строительства! 22 ноября 1926 года С. М. Киров, выступая в Таврическом дворце на VII губернском съезде профсоюзов, заявил официально: «Все объективные условия говорят за то, что город Ленинград и ленинградская промышленность в деле индустриализации страны должны будут сыграть, примерно, ту же самую роль, какую этот город и пролетариат Ленинграда сыграли на всех этапах нашей великой революции» [1].

Выход на рубеж

Первая пятилетка!

И все последующие пятилетки являлись подвигом народа, по-своему они трудны и богаты, но *первая*... Она была заманчива своей грандиозностью и темпами, каких еще не знала история. Ленинграду же отводилась роль основного поставщика промышленного оборудования для великих строек пятилетки, а потому он должен, обязан был обгонять намеченные страной темпы. Тут-то ленинградцам и потребовался Киров, его бесстрашие в борьбе с трудностями, его все размывающая энергия и пусть маленький, но все же опыт его руководства индустриализацией Баку. (Крупицы такого опыта были тогда для партии и народа целым достоянием.) В общем, говорил о Кирове известный академик А. Ф. Иоффе, это «человек, который всей волей, всеми чувствами и помыслами заполнен одной великой идеей и для которого своих личных каких-либо стремлений не существует» [2].

Знакомство с экономикой Северо-Запада, ее нуждами и перспективами С. М. Киров начал с простого, казалось бы, незаметного: с умения внимательно выслушать знающих людей. А слушать в Ленинграде было кого и было о чем. Здесь и Академия наук, и десятитысячный коллектив ученых, наиболее талантливые инженеры и рабочие высокой квалификации. Киров избавил ленинградцев от зиновьевского метода угроз и голого администрирования, развязал и вызвал к действию инициативу трудящихся.

[1] *С. М. Киров.* Статьи, речи, документы, т. III, стр. 246.
[2] «Фронт науки и техники», 1934, № 12, стр. 6.

Одним из самых больных мест ленинградской промышленности являлась проблема топлива. С такой хворобой нельзя было выходить на старт знаменитой пятилетки. Как бы ни был Киров перегружен внутрипартийной работой, как ни трепали его оппозиционеры, но он находил время, чтобы встретиться с ведущими энергетиками города, выехать с ними к источникам местного топлива.

Северо-Запад располагал запасом торфа на столетие — около пяти миллиардов тонн! [1] В расчете на торфяное топливо уже строилась электростанция «Красный Октябрь» и проектировалась Дубровская. Подсчитано было, что если переключить на торф и городские электростанции, кочегарки многих фабрик, то можно отказаться от половины привозного угля.

Киров побывал на Синявинских разработках. Он наблюдал, как люди, стоя по колени в торфяной жиже, работают только с помощью лопат и носилок.

— Сам, Мироныч, видишь,— жаловались ему торфяники,— у некоторых наших директоров отношение к торфу, выражаясь по-маяковски, плевое. Подавай им донецкий антрацит!

Вернувшись в Ленинград, Киров мобилизовал партийную организацию на борьбу с недооценкой роли торфа в решении топливной проблемы. Он разъяснял, что замена дальнепривозного угля торфом дает государству миллионы рублей экономии, которых так не хватает для индустриализации.

Резко поднять добычу торфа можно было только при помощи механизации трудоемких процессов. Между тем техника использовалась плохо.

В июле 1928 года Киров телеграммой предупредил директоров торфопредприятий: «Проверкой областкома ВКП(б) установлена прямая недооценка и плохая организация дела сушки старого и нового торфа. Поля сушки засорены, осушительная система находится в запущенном состоянии. Директора предприятий бездействуют...» [2] Кое-кого пришлось заменить. Была усилена партийная прослойка среди рабочих торфяных промыслов. Постепенно дело наладилось. За семь

[1] В Северо-Западную область тогда входили 76 районов Ленинградской, Псковской, Новгородской, Череповецкой губерний и Мурманский уезд.

[2] Ленинградский музей С. М. Кирова, ф. III—754.

С...
шах...
После...
и посел...
культуры,
добыча сла...
440 тонн в су...
ченно играл с го...
молодежное общеж...
как это... член Пол...
в мяч, песни с ними
Вот это голос! Осме...
баян, хоть один фотоап...
цертную бригаду.

Плохо было в Гдове со сн...
ский, а в столовой кормят чече...
отдела рабочего снабжения (орсе) п...
нечем. По возвращении в Ленинград
вызвал к себе работников орса и вместе с...
кома партии отправил их в Гдов наладить п...
снабжение, вручив им для молодежных общеж...
баян, четыре фотоаппарата. А в записке указыва...
фотоаппарат передайте комсомольцам 1-го рудника, ...
комсомольцам 2-го рудника и два — комсомольцам и ...
никам опытного рудника. Привет. С. Киров» [2]. В тот же

[1] См. «На фронте индустриализации», 1934, № 11—12, стр. 53.
[2] «С. М. Киров». Сборник воспоминаний. Лениздат, 1939, стр. 78

ре-
печа-
остан-
ов угля
1936 годы
агалось уве-
22 тысяч кило-

ился торжественный
Приветствия и поз-
и ВЦИК, Совнаркомы
ла, Исполком Комин-
ся многих других горо-
ны правительства, иностран-
е в Ленинграде.
первенца советского гидроэлек-
ся во всенародный праздник. На
есено много оптимистических речей.
Киров. Он напомнил, что первый камень
ен еще в период эпидемий и разрухи; много
и ошибок, но накопленный опыт станет боль-
орьем для новых строек. Свою речь Киров закончил
. «Волховская гидростанция еще ярче осветит на-
нами в Октябре великий путь, и пролетариат всего

---

[1] Ленинградский музей С. М. Кирова, ф. III—218.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 80, оп. 10, ед. хр. 50. (Строительство Свирской ЭС из-за отсутствия у страны средств началось только в 1928 году.)

Ф. Э. Дзержинский и С. М. Киров.
1925 г.

С. М. Киров и М. И. Калинин
среди рабочих Ленинградского Металлического завода.
1926 г.

мира сможет увидеть, как строит в рабоче-крестьянской стране Коммунистическая партия социализм по заветам своего основоположника Владимира Ильича Ленина» [1].

В решении топливной проблемы ленинградцы проявили чудеса мужества. В пересчете на условные единицы калорий местное топливо и энергия заменили четыре миллиона тонн угля — столько, сколько ленинградская промышленность потребляла в 1926 году.

* *
*

Начало борьбы за претворение в жизнь плана первой пятилетки приближалось, а ленинградцы все еще не были готовы к выходу на боевой рубеж. Их лихорадила вторая хвороба — проблема местного сырья. Хотя М. В. Ломоносов и писал когда-то, что «в северных недрах пространно и богато царствует натура», но добраться до этих богатств не хватало пока ни времени, ни средств — уж слишком много было других неотложных дел.

Два года ленинградские большевики очищали свои ряды от троцкистско-зиновьевской оппозиции, разбирались с каждым персонально. Некоторых наиболее активных участников оппозиции пришлось исключить из партии. В период двукратного проведения отчетов и выборов наполовину обновился партийный, профсоюзный и комсомольский актив. По-новому было организовано партийное просвещение. Однако сорняки живучи. Это видно, к примеру, из донесения С. М. Кирова в ЦК ВКП(б) 19 января 1928 года: «Сегодня с утра по заводам и фабрикам Ленинграда, а также в жактах и на улицах распространены троцкистские листовки. Экземпляр прилагаю...» [2]

Протоколы Ленсовета и губкома дают представление о том напряжении, какое испытали ленинградские руководители в 1927—1928 годах. Тут и вопросы выборов в Советы, в партийные и профсоюзные органы, и губернская конференция ВЛКСМ, семинары рабкоров и селькоров, перерегистрация коммунистов; о режиме экономии, рационализации и изобретательстве, накоплении средств на капитальное

[1] «Ленинградская правда», 21 декабря 1926 г.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 80, оп. 12, ед. хр. 23.

строительство, о выдвижении рабочих в красные директора и на другие ответственные посты как у себя, так и для других промышленных центров Советского Союза (в распоряжение Москвы было послано свыше двух тысяч ленинградских специалистов); рассматривались также вопросы информации партийной и научно-технической, о посевной кампании, об уборке урожая, о повышении улова трески и корюшки, о капитальном ремонте архитектурных памятников Ленинграда. Не счесть нужд и задач!

Но сколько бы этих срочных дел ни было, С. М. Киров крепко помнил главное: поднять руководство экономикой на уровень требований предстоящей пятилетки. Отрасли промышленности были сведены в тресты: «Маштрест», «Химтрест», «Ленторф», «Электроток», «Судтрест», «Турбокотлы» и т. д. Должности ответственных организаторов partколлективов приведены в соответствие с общей структурой партии — в должности секретарей бюро предприятий и районов, а на заводах-гигантах Невском машиностроительном, «Красный путиловец», Металлическом, Балтийском, «Красный треугольник», Ижорском и «Большевик» были введены партийные комитеты на правах райкомов.

По предложению Кирова ВЦИК и Совнарком РСФСР преобразовали Северо-Западную область в Ленинградскую, а Псковскую, Новгородскую, Череповецкую слабые губернии и Мурманский уезд — в округа Ленинградской области. Управленческие органы стали меньше, структура их гибче. Понятно, что все это осуществлялось в преодолении сопротивления, особенно тех, чьи должности ликвидировались, например работников Промсевзапбюро, Сельсевзапбюро, Стройсевзапбюро и других. Забегая вперед, скажем, что С. М. Киров до конца дней своих был горячим сторонником совершенствования и сокращения государственного аппарата, чтобы привести его в соответствие с требованиями В. И. Ленина: государственные органы управления должны быть оперативными, дешевыми и доступными для трудящихся.

Организационная перестройка не только не замедлила, но способствовала подъему экономики области. Довоенный уровень превзойден. Безработицу свели до минимума. В Ленинграде и области развернулось строительство жилых домов, промышленных и коммунальных предприятий. Только за 1927 год ленинградцам удалось высвободить на капитальное строительство одиннадцать с половиной миллионов рублей.

Вошли в строй завод «Электроприбор», цементный завод в Боровичах, Сясский целлюлозно-бумажный комбинат, Дворец текстильщиков, со стапелей Балтийского завода сошел первый лесовоз большого водоизмещения. Скученность в общежитиях рабочих и студентов, правда, не уменьшилась, но санитарно-гигиенические и культурные условия были улучшены значительно, почти не стало нарицательных «австралий» и «шанхаев», подобных бывшему «псковскому дворцу» на Косой линии... В разное время лета и осени 1928 года в Ленинград приезжали М. И. Калинин, председатель ВСНХ В. В. Куйбышев и другие руководители партии и правительства, проверяли готовность ведущих ленинградских заводов к приему заказов пятилетки.

А жизнь ставила все новые и новые задачи. Нужно было заблаговременно готовиться к переходу на семичасовой рабочий день и непрерывную рабочую неделю, к размещению государственных займов индустриализации. Плановики и работники областного совнархоза (ЛОСНХ) пыхтели над составлением перспективного плана. Смольный работал круглые сутки; сюда торопились директора и партийные организаторы, мастера цехов и ученые мужи, шли в Смольный делегации рабочих. Киров довел свой рабочий день до 16 часов. От него старались не отставать второй секретарь губкома М. С. Чудов, председатель Ленсовета Н. П. Комаров, заместитель председателя Ленсовета И. И. Кондратьев, секретарь губкома Б. П. Познер и другие. В прошлом все они — питерские рабочие и подпольщики, затем — чекисты или фронтовики в гражданскую, и каждый из них накопил солидный опыт работы губернского объема в период восстановления народного хозяйства.

Кабинет С. М. Кирова находился на третьем этаже, всегда полон народу. Здесь: командующий ЛВО Б. М. Шапошников (позже — М. Н. Тухачевский) и рабочий-металлист Петр Алексеев — председатель Облпрофсовета, секретарь Кронштадтского райкома партии Михаил Серганин и профессор ботаники Н. А. Максимов, тракторостроители штамповщик А. Д. Моисеев и токарь-ударник М. А. Жарновский, уполномоченный ГПУ известный чекист Станислав Мессинг и академик А. Е. Ферсман. Работа в Смольном кипела с таким размахом и дерзновенными замыслами, что многие не удерживались, чтобы не сказать:

— Мы вроде в канун свершения революции.

— Конечно, революции! — соглашался Киров.— Только теперь вместо пулеметных лент нужны шестерни, а вместо винтовок — молот!

Большой стол секретаря обкома завален книгами и справочниками по всем отраслям ленинградской промышленности, образцами минералов и синтетических изделий. В соседней с кабинетом комнате развешаны усеянные красными флажками карты геологии и новостроек пятилетки; повсюду таблицы, схемы, диаграммы; на полу стояли модели турбин, уникальных станков, а в углу комнаты — солдатская койка, покрытая суконным одеялом. Сам Киров неутомим, бодр. На гимнастерке сверкал орден Красного Знамени [1]. Кодацкий [2], засмотревшись на орден, вспомнил 1919 год, оборону Астрахани. Тогда ему казалось, что призвание Сергея Мироновича — бой, военный фронт. Теперь же мнение свое изменил: стихия Кирова — фронт строительства; и, чем созидание труднее, тем яростнее становился Мироныч, словно он рожден для взлома преград.

В марте 1929 года II областная партийная конференция рассмотрела и одобрила пятилетний план развития области, а в апреле II съезд Советов области утвердил контрольные цифры. К концу пятилетки валовая продукция ленинградской промышленности по сравнению с 1928 годом должна была составить 276 процентов. Ленинграду вменялось поставлять в невиданных ранее количествах тракторы, турбины, котлы, дизели, генераторы, кабель, измерительные приборы, станки, твердые сплавы, специальную сталь; предстояло воздвигнуть свыше ста новых заводов и фабрик, освоить производство 147 видов такой продукции, которая ввозилась из-за границы. Никогда еще с момента вооруженного восстания партия не ставила перед питерскими большевиками таких громадных и ответственных задач, как на первую, историческую пятилетку.

---

[1] С. М. Киров был награжден орденом к 10-летию РККА за успешное руководство боевыми операциями и личное в них участие в годы гражданской войны.

[2] И. Ф. Кодацкий работал в 1919 году в Облрыбе города Астрахани, с 1922 года — в Петрограде: в Московско-Нарвском районе, в тресте. В период борьбы с зиновьевской оппозицией проявлял нерешительность, но потом с помощью Кирова выправился и, как председатель Ленгорисполкома, много сделал по реконструкции и благоустройству города.

«А если по-коммунистически?»

Пятилетка вошла в Ленинград сотнями государственных заказов. Впереди — заказ Днепростроя. Он был размещен на «Красном путиловце», Невском машиностроительном, «Электросиле», «Севкабеле» и на других ленинградских предприятиях. Металлическому заводу поручили изготовить сердце Днепровской гидростанции — турбины.

Освоение производства крупных турбин длилось свыше года, в мучительных трудностях. С. М. Киров часто бывал на заводе. Когда дело не шло на лад, он решил задеть самолюбие турбостроителей:

— А знаете ли вы, друзья, что самые мощные для Днепра турбины Главэлектро, видимо, придется заказать американскому дядюшке?

Коммунисты, инженеры и рабочие, обеспокоились, написали в Совнарком письмо: все «заказы должны быть даны детищу советского турбостроения — Ленинградскому Металлическому заводу» [1].

Доверие было оказано. Коллектив Металлического завода выполнил заказ Днепростроя, а сверх того дал турбины Свирьстрою и Нивской ГЭС. К началу 1931 года спрос на ленинградские турбины возрос настолько, что производство их было поручено и ряду цехов «Красного путиловца». Так Советский Союз избавился от ввоза турбин из-за границы. В последующий период индустриализации Металлический завод начал изготовлять самые крупные турбины в мире.

...Отечественное производство тракторов началось в Ленинграде на заводе «Красный путиловец» в 1924 году. Изготовлялись тракторы примитивным способом: американский «фордзон» разбирался по «косточкам», составляли рабочие чертежи деталей и узлов, делали формы штамповки и литья. Отсутствие опыта и нужных станков, незнание души трактора приводило к тому, что рожденные машины своим ходом не шли. Их брали на буксир, вытаскивали во двор завода и уже там доводили до самоходности.

С. М. Киров пришел на помощь тракторостроителям весной 1926 года. Бывшая пушечная мастерская не приспособлена. Технология кустарная. Производительность — пять тракторов в месяц. А ведь страна шла навстречу коллективи-

---

[1] «Ленинградская правда», 21 января 1930 г.

зации, и сельскому хозяйству потребуются сотни тысяч стальных коней. Не подлежало сомнению, что никакой энтузиазм краснопутиловцев не сможет решить эту грандиозную задачу, если кустарщина не будет заменена современным, индустриальным способом тракторостроения. Помощь С. М. Кирова и началась с того, что он добился в правительстве крупных ассигнований на постройку тракторного цеха, на закупку в США станочного оборудования; на заводы Форда выехала в командировку группа ленинградских специалистов, чтобы изучить технологию тракторостроения. Все это делалось одновременно с наращиванием выпуска тракторов пока кустарным способом. В 1926 году из ворот «Красного путиловца» вышло 422 трактора, в 1927 году — 620, в плане на 1928 год — 1225 машин [1].

Цех построили, новое оборудование установили, вырастили кадры опытных тракторостроителей, можно бы показать русский размах. Но, увы, дела на «Красном путиловце» шли плохо: срывы, много брака, аварии. ВСНХ прислал задание на 1930 год — дать стране 10 тысяч тракторов, а начальство завода усомнилось в реальности такого задания. Невыполнимость заказа доказывали управляющий заводом Грачев, только что вернувшийся из командировки на заводы Форда, технический директор Саблин, начальник тракторного отдела заводоуправления Иванов и другие. Грачев даже выступил 21 января 1930 года со статьей на страницах «Ленинградской правды», заявив о неизбежном провале «фантастического заказа». Сергей Миронович и члены парткома завода побеседовали с тракторостроителями. Коммунисты — мастера и рабочие — высказались: заказ небывалый, труден, но выполним. Тогда Киров, изучив производственные возможности, выдвинул задачу дать в 1930 году 12 тысяч тракторов. Тракторостроители задумались. Шутка ли! Сергей Миронович спросил их напрямик:

— А если по-коммунистически?

— По-большевистски, стало быть? — Тракторостроители посовещались и, к удивлению специалистов, сказали: — Нужно — дадим!

Странное поведение дирекции «Красного путиловца» перестало быть загадочным, как только в стране была вскрыта Промпартия. Оказалось, что управляющий заводом Грачев

---

[1] См. «Ленинградская правда», 27 марта 1928 г.

подпал под влияние технического директора и некоторых других старых инженеров-спецов, уличенных в связях с лидерами Промпартии и с группой ленинградских профессоров-вредителей, арестованных органами ОГПУ[1].

Из вскрытого в 1930 году вредительства партийная организация Ленинграда сделала серьезные выводы. Тракторостроение, в частности, было взято под особый контроль обкома и Нарвского райкома. Сам Киров зачастил на «Красный путиловец». Приезжал он обычно во второй половине дня и сразу окунался в трудовую жизнь цехов, беседовал с рабочими и мастерами, осматривал готовую продукцию. Выходил с завода вместе с рабочими. Идут по городу, беседуют о делах заводских и международных, запросто ведут разговор, режут правду-матушку друг другу в глаза. После таких бесед Киров возвращался домой словно обновлённым. «Ты сегодня будто бы из бани»,— замечала жена. «Ах, Маруся, хозяева содрали с меня бюрократическую накипь. Легче дышится!»

Сергей Миронович приучал и других руководителей черпать силы, освежаться в народном роднике. «Нужно,— внушал он,— крепить связь с массами, чаще бывать там, где строится социализм,— на фабриках, заводах, в совхозах и колхозах. Вот там надо учиться, воспитываться и закаляться каждому большевику».

В 1930 году краснопутиловцы дали стране 12 тысяч тракторов, заключили соцдоговор с молодым Сталинградским тракторным заводом, помогали ему кадрами, передавали свой опыт; сами же обязались выпустить в 1931 году 23 тысячи обычных тракторов, на 6 тысяч машин запасных частей, освоить производство и сделать 1 тысячу тракторов-пропашников[2]. Уже в апреле краснопутиловцы установили рекорд страны: 1800 тракторов в месяц. Было ясно, что ленинградцы перевыполнят годовое задание. За выдающиеся успехи в тракторостроении ЦИК СССР наградил орденом Ленина конструкторов А. И. Шевело, М. Д. Рогозина, мастера М. Я. Давыдова, инженера М. Л. Тер-Асатурова, секретаря парткома завода И. И. Алексеева. Шесть рабочих были удостоены ордена Трудового Красного Знамени, большой группе тракторостроителей были вручены ценные подарки и грамоты ЦИК

[1] См. «Ленинградская правда», 12 июня 1930 г.
[2] См. «Ленинградская правда», 23 апреля 1931 г.

и Ленсовета. Отвечая на заботу партии и правительства, краснопутиловцы взяли обязательство изготовить за год 32 тысячи тракторов, а сверх того освоили производство легковых автомобилей «Л-1».

...Индустриализация немыслима без мощных прокатных станов. Строительство блюмингов очень сложно. Советское правительство обратилось со срочным заказом к американской фирме «Места». Там согласились изготовить для нас блюминг в кратчайший срок — за год, но это будет стоить 17 миллионов долларов золотом. Условия, мягко говоря, неприемлемые, и правительство поручило ленинградцам освоить производство блюмингов. Заказ доверили Ижорскому заводу. Исходные данные: длина стана — 74 метра, ширина — 28 метров, годовая производительность — 1 миллион тонн проката; желательно автоматизировать процесс прокатки; срок изготовления — год.

С того памятного заказа прошло уже более трех десятков лет, но до сих пор ижорцы не могут вспоминать его без сильного волнения. Они тогда, по просьбе С. М. Кирова, обязались построить первый советский блюминг за девять месяцев. То был дерзкий вызов индустриальной Европе и всемогущим Соединенным Штатам Америки. То была проба научно-технических сил молодого социалистического государства.

В выполнении правительственного заказа ижорцам помогали ученые Москвы и Ленинграда, видные советские инженеры — металлурги и станкостроители. Самозабвенно трудились колпинцы-ижорцы: коммунисты и комсомольцы, старые мастера-энтузиасты Румянцев и Кошелев, рабочие-ударники Косков, Киселев, Глазков и сотни других; работали по 12—14 часов в сутки, а последние три месяца — и без выходных дней. Киров частенько приезжал в Колпино, интересовался ходом работ. Уже и за полночь, а он все еще в цеху, с беспокойством наблюдает отливку 300-тонных станин. Ленсовет хорошо снабжал заводскую столовую. Но жены и сестры рабочих приносили в цех и свое, домашнее приготовление. С какой гордостью входили они на территорию завода, и вся-то их осанка как бы говорила: «Вот, товарищ секретарь обкома, какие у нас мужья и братья...»

Советский блюминг был построен ижорцами за восемь месяцев и двадцать семь дней![1] А следом, по пятам первенца,

[1] Первый советский блюминг был установлен ленинградскими мастерами на Макеевском металлургическом заводе.

шел уже в сборке второй прокатный стан. Поздравляя ижорцев с победой и первомайским праздником 1931 года, С. М. Киров говорил: «Помните, что каждый новый блюминг пробивает новую брешь в капиталистической системе...»

Электропривод для блюминга изготовил завод «Электросила». На производство такого 400-тонного привода с двигателем мощностью 7 тысяч лошадиных сил в Западной Европе затрачивалось полгода, а ленинградцы сделали за три с половиной месяца. Этим электроприводом, изготовлением мощных генераторов для Днепростроя и Свирской ГЭС и освоением производства электропечей ленинградцы положили начало крупному отечественному электромашиностроению, а сам завод «Электросила» вырос в гигант, занимающий несколько кварталов по обе стороны Московского проспекта и производящий ныне сверхмощные чудо-генераторы.

Поставляя в колоссальных количествах обычное, уже освоенное оборудование для строек пятилетки, Ленинград все больше превращался в город-конструктор, в город-новатор, во всесоюзную научно-техническую лабораторию. Здесь впервые строился магниевый завод, осваивалось производство автоматических телефонных станций и киноаппаратов, сверхмощных дизелей, пластических масс. В городе Ленина был создан первый в Европе электросварочный блюминг «АШТ-60», второй в мире трансформатор с обмоткой из оксидированного алюминия, первый в Европе и третий на нашей планете 2500-тонный пресс, первые в СССР трикотажные, обувные, пишущие и полиграфические машины, котлы высоких параметров, бариевые лампы, ртутные выпрямители, жидкое стекло. Вожак Невской заставы — Машиностроительный завод имени В. И. Ленина изготовил первую советскую турбовоздуходувку для доменных печей, за которую нужно было бы платить 300 тысяч рублей золотом, если бы заказ выполняли иностранные фирмы. А сколько таких агрегатов и устройств требовалось металлургическим комбинатам Украины, Москвы и Урала! С. М. Киров имел все основания заявить с трибуны IV областной партийной конференции, что «Ленинград продолжает оставаться единственным центром в отношении многих производств, имеющих громадное значение в деле освобождения СССР от заграничной, импортной зависимости».

Немало сделал Ленинград для развития химической промышленности — в производстве кислот, красителей, создании

совершенно новых материалов. В тяжких муках рождался синтетический каучук. Десятки лет бились над этой проблемой ученые капиталистических стран. Годами трудились и советские люди в лаборатории профессора С. В. Лебедева[1], чтобы добыть первый килограмм синтетического каучука. Автомобильная, авиационная и резиновая отрасли промышленности задыхались без каучука. Правительство отпустило Ленинграду большие суммы денег на строительство опытного завода. Первый блок синтетического каучука — 267 килограммов — ленинградцы дали 18 декабря 1930 года. Советскому Союзу принадлежит приоритет в освоении промышленного производства синтетического каучука, и теперь мы в этом деле занимаем ведущее место в мире.

В строительстве опытного завода и организации промышленного производства синтетического каучука немало усилий приложил и С. М. Киров. Много раз он бывал в лаборатории, часто встречался и беседовал с профессором Лебедевым.

Встречались проблемы и иного характера. Приехали товарищи из московского завода «Шарикоподшипник», пришли в Смольный, умоляют Кирова наладить в Ленинграде изготовление шлифовальных камней (абразивов). Заграница берет за такие кристаллы валютой, опаздывает с поставкой, план завода срывается, а спрос на шарикоподшипники исчисляется астрономическими цифрами. Ленсовнархоз поручил заводу имени Ильича освоить производство своих, отечественных абразивов. Ильичевцы, крепко потрудившись, решили эту проблему. В 1932—1934 годах они изготовили шлифовальных камней на сумму четыре с половиной миллиона рублей.

Таких заказов, срочных и очень сложных, поступало немало от Магнитки, Харькова, Керчи, Таганрога, Тулы, из Запорожья и других мест.

Поставляя орудия производства заказчикам, ленинградцы одновременно начали реконструкцию своих ведущих заводов и фабрик, вводили в строй на Северо-Западе в месяц в среднем по два-три новых предприятия. Работали с полной отдачей. Но увлеченные редко замечают надвигающуюся беду. А «беда» состояла в том, что в стране ширилось патриотическое движение за выполнение пятилетки в четыре года. Поскольку Ленинград обязан опережать индустриальный бег

[1] С. В. Лебедев (1874—1934) — выдающийся советский химик-органик, академик, ученый с мировым именем.

страны, то ему надо было свершить «пять — в три». Многим хозяйственникам такой призыв Смольного казался несбыточным. Правый уклон меньше в сравнении с Москвой задел Ленинград. Но и здесь бухаринская «школка» кричала об утопии лозунга о встречном, что из затеи «пять — в три» ничего, кроме дутых цифр, не выйдет, что даже Запад индустриализировался столетие, а уж «азиатской России...»

На первый взгляд предложения Бухарина, Рыкова и Томского о сбавлении темпов социалистического строительства выглядели безобидными. Говорят, тише едешь — дальше будешь. Но нельзя же строить внутреннюю политику в отрыве от международной обстановки. Империалисты не дадут Советскому Союзу длительной передышки. Разве не ясно, что бешеные темпы строительства навязывает нам в значительной мере реакционная буржуазия Запада и Востока? И потом, есть же прямое указание В. И. Ленина: либо пробежать путь вековой отсталости России в кратчайшие сроки и догнать передовые страны, либо нас — большевиков, Советскую власть — раздавят.

Нет, разъяснял Киров коммунистам и всем трудящимся Ленинграда, как бы трудно и тяжело нам ни было, каких бы жертв это ни потребовало, темпы индустриализации снижать нельзя. Напротив, надо утроить напряжение всех сил. «Только в этом случае мы можем по-настоящему и всерьез стать очагом международной революции» [1].

Сметая с дороги уклонистов и маловеров, ленинградские большевики повели трудящихся города и области в битву за «пять — в три». Нагнетание темпов и бурный рост объема работ сразу же вызвали острую нехватку электрической энергии, топлива и сырья. Электростанции содрогались от перегрузки. Трестовики переселились к местам добычи торфа, сланца, лесоразработок, гнали в Ленинград топливо. Ленсовет установил разное время начала работы односменных и двухсменных предприятий. Нормы расхода электроэнергии и топлива были доведены до фронтовой жесткости. Спешно возродили заброшенные угольные шахты под Боровичами, но пласты тонкие, уголь тощий, запасы не имели промышленного значения. Онежский шунгит? Кое-кто его называет северным антрацитом. Но, во-первых, это уже скорее графит, чем уголь,

---

[1] Ленинградский музей С. М. Кирова. Стенограммы выступлений С. М. Кирова, т. 10, кн. 2, стр. 293.

а во-вторых, на разработку шунгитовых рудников потребуется много времени, а затраты вряд ли оправдают себя.

Между тем топливный голод усиливался. «Проблема местных топлив становится в 1932 году с особой остротой»,— писала «Ленинградская правда» в новогоднем номере. С фабрик и заводов непрерывно звонили в Смольный: «Нет угля!», «Дайте нефти или снимите заказ!» Работники совнархоза настаивали в обкоме партии: либо правительство увеличит Ленинграду лимит на твердое и жидкое топливо, либо должно снять часть заказов. С. М. Киров разъяснял им, что правительство не может сполна удовлетворить Ленинград топливом, так как и остальные индустриальные центры страны работают на пределе; нужно изыскивать местные возможности. Любой вопрос, как вспоминал позже председатель Ленгорисполкома И. Ф. Кодацкий, С. М. Киров «ставил и разрешал в интересах всего Советского Союза» [1].

Горком ВКП(б) обратился к ленинградцам с призывом экономить топливо. Первыми откликнулись Ижорский и Невский заводы, снизив расход кокса с 340 до 270 килограммов на выплавку тонны стали. Фабрики прядильно-ниточного треста, хорошо утеплив пароводяные трубы, в три с половиной раза сократили расход топлива. Их примеру последовали десятки других предприятий. Но как ленинградские большевики ни экономили, какие героические усилия ни предпринимали, как ни форсировали они строительство электростанций — проблему энергетики им решить так и не удалось: уж слишком стремительно росли заказы на продукцию ленинградской промышленности!

Не меньше лихорадила и острая нехватка сырья. На сбор металлолома были мобилизованы школьники, комсомольцы институтов и воинских частей, домохозяйки. В переплавку пошли старые насосы и станки, колокола и тавровые балки церквей. Водолазы подняли со дна Финского залива 214 тонн стальных брусков, затопленных вместе с баржей еще в гражданскую войну. Кое-кто предлагал снять узорные решетки парков и набережных, колокола с Исаакиевского, Никольского и Петропавловского соборов. С. М. Киров воспротивился этой затее, назвав ее инициаторов головотяпами. Он настойчиво ходатайствовал перед правительством об увеличении подачи металла Ленинграду.

---

[1] «Ленинградская правда», 10 декабря 1934 г.

* *
*

В отчаянной борьбе с топливно-энергетическим голодом, в битве «пять — в три», в бешеном беге заданных темпов крепчал организаторский талант С. М. Кирова. В самые трудные 1931 и 1932 годы, как никогда раньше, проявился стиль его работы.

Суров был Киров в деле. Все знали: если Мироныч встал с кресла и оперся кулаками о крышку стола — будет гром! «Сергей Миронович был страшно требователен,— вспоминает В. А. Васильев, близко его знавший.— Если ты хоть раз не выполнил своего обещания или обманул — пощады не жди». Обещал — выполни, «хоть в лепешку разбейся, а сделай». Выполнил — доложи, обязательно доложи. Не доложишь, напомнит по телефону или приедет, но проверит выполнение указаний. Заведующий общим отделом обкома ВКП(б) Н. Ф. Свешников записывал все указания Кирова насчет сроков, своевременно напоминал ему. Иногда Мироныч сам спрашивал:

— Как там у нас, Николай Федорович, с докладами с мест?

За очковтирательство, личную корысть Киров требовал наказывать или снимать с руководящих постов и даже исключать из партии. «Ложь правде не кума!» — говорил он. Не терпел Сергей Миронович и чванства. Он, например, едко высмеивал некоторых работников Смольного, которые ходят «с таким видом, как будто им надо отчитываться и за Центральный Комитет, и за Советскую власть. К ним никак не подойдешь» [1]. Ильич, говорил он, работая в этом историческом здании, был куда проще и доступнее.

Безжалостно критиковал Сергей Миронович чинуш, прикипевших к столу и мягкому креслу, и особенно начальников-метеоров. Разъезжает такой верхогляд, митингует, дает «ценные указания и советы», но «ни черта не знает, никого... не видит, не выслушивает, и дело застопорилось уже с другого конца» [2]. Сам же Киров приезжал на заводы или стройку незаметно, без шума, порою неожиданно, чтобы не отрывать людей от работы, избежать «потемкинских деревень» и увидеть

[1] Ленинградский музей С. М. Кирова. Стенограммы выступлений С. М. Кирова, т. 15, стр. 110.
[2] Там же, стр. 13.

предприятие в натуральном, в голеньком, как он выражался, виде.

Строгая система своевременных докладов с мест дисциплинировала, улучшала работу руководящих органов. Она, эта система, была так жестка, что директора и управляющие, боясь опоздать с докладом, гнали свои автомобили с пожарной скоростью или не по возрасту молодцевато бежали с трамвайной остановки в Смольный. Случалось, что и жаловались. Однажды Свешников сообщил Кирову: время доклада треста «Котлотурбины». Сергей Миронович взглянул на телефон — молчит, подошел к открытому окну, высунулся:

— Да вот он, у подъезда!

Не успел шофер заглушить мотор автомобиля, как управляющий трестом С. И. Афанасьев был уже на третьем этаже, влетел в кабинет секретаря обкома, запыхавшись.

— То-то! — сказал Киров и, довольный, улыбнулся.

— Пойми, Мироныч,— взмолился Афанасьев,— мы же не братья Знаменские, чтобы так бегать.

— Понятно, не чемпионы,— соглашался Киров.— Но мы — слуги рабочего класса, а слугам положено быстрее поворачиваться!

Сергей Миронович всегда помнил предостережение В. И. Ленина: если социалистическому централизованному государству что и угрожает изнутри, так только бюрократизм. Знал Киров и опасность, всегда подстерегающую многих руководителей: «Дай ангелу власть — у иных могут вырасти рога дьявола». Вот почему Сергей Миронович рекомендовал начальникам любить критику, «очищаться, помыться хорошенько с песочком, а если можно — даже с какой-нибудь кислотой...» [1]. С. М. Киров требовал от газет говорить в полный голос, «жечь, невзирая на лица!».

Показательна в этом отношении «Ленинградская правда». В годы первой пятилетки она была одной из самых боевых газет, впитавшая в себя опыт ленинской рабочей «Правды». К вечеру в «Ленинградскую правду» приходили десятки рабкоров, рассказывали о событиях за день на заводе, в цеху, в конструкторском бюро, на фабрике, в столовой. В редакции ежечасно знали о радостях и болячках города. «Ленинградская правда» ежедневно публиковала коротенькие заметки ра-

[1] Ленинградский музей С. М. Кирова. Стенограммы выступлений С. М. Кирова, т. 10, кн. 2, стр. 299.

бочих, инженеров, стреляла рубриками и сигналами: «Война грязным паровозам!», «Заводы имени Карла Маркса и Коминтерна выдвинули удвоенный встречный!», «Инженеры и техники — в цеха!», «Досрочно выполним заказ Урала!», «Судоверфь отстает. Директор — Иванов, секретарь партколлектива — Григорьев, предзавкома — Солнцев», «Долго ли совнархоз будет терпеть невыполнение приказа ВСНХ?»

«Ленинградская правда» не утаивала от своих читателей, какой секретарь райкома получил выговор в горкоме, за что Леноблисполком предупредил такого-то председателя райисполкома, кто из местных руководителей снят с должности и за что. И не было номера газеты, на страницах которого не помещалось бы четырех — шести фотографий рабочих-ударников, рационализаторов, делившихся производственным опытом. Ленинградцы любили газету за оперативность, верили каждой ее строке. Такими газетами стремились стать и «Смена», и «Сельская жизнь», и «Красная газета» (позже «Вечерний Ленинград»).

Жесткая требовательность С. М. Кирова сочеталась в нем с чуткостью, заботой о людях. Хозяйственники всегда обращались к нему за помощью в трудную минуту, особенно если дело касалось наркоматов и других правительственных органов. Киров сердился: «Вы, товарищи, превращаете меня в снабженца. Действуйте самостоятельно». Но пока директор или управляющий ехал в Москву, Сергей Миронович уже позвонил туда или дал телеграмму, к примеру, наркому снабжения А. И. Микояну: «Мурманскому округу требуется полтора миллиона рублей, десять тысяч метров брезента, две тысячи пар обуви» [1]. Представитель Мурманрыбы вернулся из Москвы радостным: получил все, что требовалось! Киров, улыбаясь, подбадривал:

— Вот видишь. Я же говорил: действуй самостоятельно!

Так он поступал на первых порах с молодыми руководящими работниками, чтобы вселить в них уверенность и смелость. Изучал людей Киров не только по работе. Он приглашал их на охоту, сидел с ними рядом в театре, бывал у них дома. Потом говорил в Смольном на совещании: «Этот товарищ не умеет беречь время» или: «До чего же замотался наш уважаемый секретарь райкома! Книг не читает, в кино не ходит. Выполним, говорит, пятилетку, тогда уж... А пяти-

[1] Ленинградский музей С. М. Кирова, ф. III—101.

леток-то будет много!» Тесному общению с людьми Сергей Миронович учил и работников Смольного, секретарей райкомов, указывая, что людей нужно изучать не только по деловым и политическим качествам, но и по всему сложному комплексу человеческой деятельности. Глубже, всесторонне нужно знать кадры.

Была в стиле работы Кирова еще одна замечательная черта: не любил учинять разносы, не позволял этого и остальным начальникам. Как только кто сорвется на угрозы, Сергей Миронович вызовет к себе, «обрушится» на него его же фразами. Затем, снизив тон до нормального разговора, спрашивал побледневшую «жертву»:

— Чего губы кусаешь? Не нравится? Твои же слова! Ты, брат, требуй, строго требуй, но не запугивай, не оскорбляй людей!..

Удивительно конкретно действовал Киров в различных обстоятельствах. Как-то раз пришли к нему на квартиру пионеры и, приглашая к себе в школу, засмотрелись на альбом в мягком кожаном переплете — подарок-рапорт фабрики «Скороход». Киров спросил про альбом:

— Красивый?

— Очень! — восхитились дети. И, вздохнув, добавили: — Сандалии бы так делали.

В тот же день Киров появился на «Скороходе». Первое, что он увидел, это большую очередь к буфету и молодую работницу в черном грязном халате, стоявшую рядом с буфетчицей и выдававшую покупки. Почему в черном халате? Толстая буфетчица, не узнав секретаря обкома, нагловато ответила: «Ты кто — уполномоченный кооператива?» Киров не стал отчитывать буфетчицу, а лишь сказал под хохот рабочих:

— Упал намоченный или не упал намоченный, а только в таком халате можно тачать сапоги, но стыдно продавать пироги [1].

В здании дирекции разговор велся уже иначе. Киров рассказал, как пришлось ему краснеть перед пионерами, говорил, что покупатели жалуются: резиновые подошвы ломаются на изгибах или вовсе отваливаются, вид у «скороходовской» обуви противный. Руководители фабрики оправдывались: го-

---

[1] Из воспоминаний О. Ф. Смирновой (Ленинградский музей С. М. Кирова, ф. IX—121).

рячую вулканизацию пока лишь осваивают, синтетический каучук плохого качества, перечисляли и другие причины.

— А если по-коммунистически?

— Никак нельзя, Мироныч.

— Нельзя-а? А вы изучили передовой опыт вулканизации на «Красном треугольнике»?

Директор, главный инженер и главный технолог фабрики прикусили язык. Сергей Миронович усадил их к себе в машину, увез на «Красный треугольник».

Изобретательность Кирова в воспитании руководителей предприятий просто поражает. До сих пор в Ленинграде живет быль о том, как Сергей Миронович давал прикурить директору одной спичечной фабрики, выпускавшей продукцию очень низкого качества. Киров исчиркал всю коробку спичек, сера разлеталась с шипением во все стороны. Спички не зажигались, зато горел от стыда директор.

Многие помнят и то совещание партийно-хозяйственного актива, на котором Киров «расхваливал» скрипки ленинградского производства: блестящие, да только не играют... Представители фабрики обиделись: не в настроении, мол, сегодня секретарь обкома. Не согласны? На следующий день Киров приехал на фабрику вместе со скрипачом, взял со склада первую попавшуюся скрипку, собрал весь «треугольник» фабрики, вручил скрипку музыканту и спросил:

— Будем пиликать? Или, может, соберете партийное собрание да обсудите, как выйти вам из категории бракоделов?

Очень чутко относился С. М. Киров к первооткрывателям — работникам науки, литературы, искусства. Киров, сам бывший литератор, играл когда-то в любительской драме, самостоятельно постигал науки. Но познавать готовое легче, нежели творить новое. А главное, помнил указание В. И. Ленина, что талант — явление редкое и относиться к нему надобно бережливо, тонко.

С трогательной нежностью относился он к Горькому. Когда 27 июня 1929 года в Ленинград приехал Алексей Максимович, С. М. Киров встретил его на перроне Московского вокзала. Вместе они присутствовали на спуске со стапелей мощного лесовоза, совершали прогулки по городу, побывали на Университетской набережной. Строгий рисунок гранитного берега, теплая синь летнего вечера, мягкий шелест Невы под Дворцовым мостом и, самое главное, притягательная сила

мудрых раздумий родоначальника социалистического реализма унесли Кирова в мир прекрасного, захватили до такой степени, что он на какое-то мгновение отвлекся от неполадков на заводах, от горестей 30 тысяч все еще безработных трудолюбивых людей Ленинграда. То были редкие для всегда занятого делом Кирова часы эстетического наслаждения.

Говорили о делах, житье-бытье ленинградских поэтов, прозаиков, их успехах и трудностях. Сергей Миронович заверил Горького, что Ленсовет и он лично сделают все зависящее от них, чтобы улучшить бытоустройство и условия труда ленинградских писателей, чаще будет с ними встречаться.

Вспомнили о Сергее Есенине.

— Я,— признался Алексей Максимович,— все еще оплакиваю его гибель. При всех заблуждениях Есенина он — орган, созданный природой исключительно для русской поэзии.

Киров познакомился с Есениным в Баку в 1924 году, слушал его стихи. Просился тогда Есенин на месяц в Персию, но Киров не пустил, боясь, что подхватит там смертельную болезнь или погибнет от кинжала националистов...

* *
*

Ленинград был не только городом-конструктором. Он явился также родиной ряда форм нового, социалистического отношения к труду. В феврале 1929 года в трубочном цехе «Красного выборжца» родилось великое начало: слесари-обрубщики бригады М. Е. Путилина впервые в стране заключили социалистический договор. Познакомившись с начинанием, Киров высоко его оценил и немедленно доложил в ЦК ВКП(б). 5 марта коллектив завода «Красный выборжец» через газету «Правда» обратился с призывом организовать социалистическое соревнование на всех предприятиях Советского Союза. 29 апреля XIV Всесоюзная партийная конференция одобрила эту инициативу. Со временем соцсоревнование стало всенародным, родившим позже стахановское движение, а теперь — и бригады коммунистического труда.

В первые же месяцы пятилетки обнажилась со всей остротой нехватка инженеров и техников — советских командиров производства. Ленинградцы выступили инициаторами нового дела. 28 декабря 1929 года в Смольный пришла делегация коммунистов-рабочих Металлического завода, изложила Кирову идею создания втуза при их заводе. Идея эта имела

общегосударственное значение, и Киров сообщил в Москву. Через несколько дней в партийную организацию Металлического завода пришла телеграмма В. В. Куйбышева: «Дорогие товарищи! ВСНХ СССР приветствует вашу инициативу в деле обеспечения промышленности новыми кадрами... Особенно ценным является ваше предложение организовать соревнование между заводами на ускорение подготовки рабочих во втузы» [1].

По инициативе «Красного путиловца» ленинградцы вызвали москвичей на социалистическое соревнование по перестройке методов массовой работы Советов. Рабочие Москвы тотчас откликнулись. Патриотические движения рождались одно за другим, рождались все новые идеи: «Завод — школа, рабочий — студент!», «План и паспорт — каждому станку!», «Работать на своем заводе до конца пятилетки!», «Включайтесь в конкурс на образцовое предприятие Ленинграда!» Комсомольцы заводов «Пневматика» и «Севкабель» призвали всю рабочую молодежь «не уходить домой, пока не перевыполнишь дневное задание!». На заводе «Красный треугольник» впервые в стране возникли ударные рабочие бригады.

Ленинградцы одни из первых в стране начали большой поход за рентабельность предприятий. Здесь появились первые хозрасчетные бригады, затем— цехи, заводы. В своем письме в Совнарком СССР коллектив Балтийского судостроительного завода просил даже «об издании к 1 мая 1931 года закона о переводе всех бригад и цехов завода на хозяйственный расчет» [2].

В апреле 1932 года Совнарком и ВЦСПС подвели итоги социалистического соревнования между основными индустриальными центрами страны по охвату предприятий массовым ударничеством и производственно-техническими совещаниями. Ленинградцам было присуждено первое место.

Ленинград походил на фронт, потому как время «Пять — в три» поджимало. В стремительном беге не поспевал «тыл» —снабженцы, плановики, руководство некоторых трестов. Энергетический и топливный голод угрожал сорвать все дело.

---

[1] «Ленинградская правда», 3 января 1930 г.
[2] «Ленинградская правда», 12 апреля 1931 г.

Не хватало также хлеба, плохо было с мясом. И тут на трудовом финише «Пять — в три» с еще большей силой проявилась роль С. М. Кирова, его неукротимая воля в борьбе с трудностями. Он принимал решительные меры по снабжению Ленинграда мукой, мясом, крупами, сахаром и овощами. Он ездил в Москву, добивался в Наркомате снабжения и ВСНХ своевременной подачи Ленинграду нефти, угля, хлопка, металла. Вместе с этим Сергей Миронович призывал ленинградских большевиков «ни на одну минуту не успокаиваться, ни в какой степени не поддаваться неудачам и нехваткам», изыскивать резервы для выполнения и перевыполнения планов пятилетки.

Щедрый камень

Вечером 31 декабря 1929 года на заснеженном разъезде Белый остановился пассажирский поезд Ленинград — Мурманск. Из вагона вышли трое, уселись на розвальнях. Продрогший конь рванул с места, унес путников в темноту, к далеким скалам, у подошвы одной из которых деревянным рантом примостился барак — зимнее убежище геологов-разведчиков.

Ехали молча. Возница всматривался в еловые вешки, расставленные по обе стороны санной дороги. Управляющий будущего треста «Апатит» В. Кондриков думал, справится ли он, бывший матрос, с оказанным ему доверием. Академик А. Ферсман щурился сквозь запотевшие очки, и не столько от морозных колючек, сколько от радости: наконец-то его научные труды воплотятся в материальную жизнь!

А третий путник-пассажир, отвернув воротник меховой шубы, прислушивался к скрипу полозьев и невольно вспомнил давно минувшее. Такой же вечер в сибирской рабочей слободке... Он, Сергей Костриков, молча стоял в тот вечер у дома Кононовых, рядом с любимым другом Иосифом. Последние часы. Завтра демонстрация, политическая, да еще и вооруженная... Все в природе осталось с тех пор неизменным: и мороз, и снег, и ночное небо, с той лишь разницей, что тогда яркая звезда сорвалась, упала в тайгу, а теперь она разлилась по небу северным сиянием. Сколько же прошло времени от того срыва до нынешнего сияния? Без году четверть века, а по общественным событиям — целая эра!

Сколько пережито, преодолено, сколько героев революции истлело в земле!..

У барака ленинградских гостей ожидали парторг разведочной группы Григорий Пронченко, первый в Хибинах комсомольский секретарь Вася Счетчиков, остальные геологи. Новогоднюю ночь встретили у теплой печки, за чашкой чая (Киров любил крепкий и до обжигания горячий чай), покурили, наговорились. Собираясь спать, гостеприимные хозяева предложили Сергею Мироновичу походную раскладушку, но он, поблагодарив, уступил это место академику. Сам же, сняв валенки, лег на полу на своей шубе, подложив под голову меховую шапку.

Киров познакомился с Александром Евгеньевичем Ферсманом [1] еще в 1927 году, когда в Ленсовете дебатировался вопрос о местном сырье для промышленности. Совнархозовцы отозвались о Ферсмане как о знатоке недр Кольского полуострова. Но этот ученый муж «держит подземные богатства полуострова в своем кармане, прочно заколотом булавкой». «Ничего, раскошелится!» — сказал, смеясь, Киров, сел в автомобиль и уехал к знаменитому ученому. Появление первого секретаря губкома вызвало в доме Ферсмана замешательство. Но, узнав о цели приезда Кирова, Александр Евгеньевич разостлал карту Кольского полуострова на столе и начал рассказывать.

Первые поселенцы на Кольском полуострове появились еще до нашей эры. Позже место это одичало, превратилось в край непуганых птиц. Седой мох тысячелетиями прикрывал сокровища Хибин и Монче-тундры: кальций, нефелин, магний, пиротин для серной кислоты, фосфорит; есть в скалистых кладовых гипс, медь, никель, молибден, серебро и магнитный железняк.

Главное же богатство Хибин — апатиты, не знающие себе равных по запасам. Этот минерал получил название от греческого «апато» — «обманываю» из-за сходства с корундом и представляет довольно сложное соединение солей ортофосфорной кислоты. Хибинские апатиты были открыты еще в XIX веке, исследованы учеными Е. Федоровым, В. И. Немировичем-Данченко, А. Полкановым. «Но царизм оставался глухим к нашим открытиям»,— сказал ученый.

---

[1] А. Е. Ферсман (1883—1945) — выдающийся советский минеролог и геохимик, лауреат Государственной премии.

С. М. Киров добился образования комиссии Академии наук СССР по изучению недр Кольского полуострова. Через два года экспериментальная буровая дала первые тонны апатитов. 2 сентября 1929 года сюда прибыли С. М. Киров и академик А. Е. Ферсман. Перед ними лежала горка зеленоватого в прожилках минерала. Вот он какой, щедрый камень! Пробы и анализы полностью подтвердили выводы ученых.

Из Хибин Киров выехал прямо в Москву. Там 11 сентября состоялось постановление Совета Труда и Обороны о выделении на 1930 год средств для строительства железнодорожной ветки, закладки шахт, обогатительной фабрики и основания Хибиногорска. И вот теперь, сумеречным полярным днем 1 января 1930 года, надо было определить места строек будущего поселка.

Кирову доводилось уже снимать первую горсть земли с будущей нефтяной скважины, класть первый кирпич нового завода, но чтобы закладывать город!.. Город, как и человек, рождается, делает первые шаги малыша, растет. Испытывая это, будто родительское, чувство, Сергей Миронович волновался. Как-то сложится судьба жителей этого города, скажем, через сто лет? Каковы будут их радости и горечи, как жить будут?

Штурмовать скалы пришлось киркой, тачкой, ручной лебедкой. Не хватало денег, оборудования. Случалось, что работали и в лыковых лаптях, и на голодный желудок. Ленинградцы помогали строителям чем только могли: инструментами, литературой, медицинскими принадлежностями, ситцем, посудой, обувью. Киров добился согласия правительства на сооружение здесь самой заполярной гидроэлектростанции Нивской ГЭС и создания на берегу озера Имандра подсобного хозяйства для горняков — самого северного сельскохозяйственного предприятия.

В ходе разработки апатитов удалось обнаружить слюду, диатомит, лопарит и другое сырье для химической промышленности. Был построен экспериментальный завод по коксованию торфа и получению смол. Несмотря на свою чрезмерную занятость в Ленинграде и часто в Москве, несмотря на поездку в Баку и Тифлис для борьбы с правым уклоном, куда партия посылала Кирова,— несмотря на все это, Сергей Миронович лично шефствовал над освоением края. Он выезжал в Хибины в 1930 и 1931 годах, бывал там вместе с председателем Ленгорисполкома И. Ф. Кодацким и в июне

1932 года. В ходе дальнейших исследований выяснилось, что апатиты не только замечательное удобрение почвы (суперфосфат), но и флюсовая добавка в шихту при плавке металла. Первый опыт плавки с таким флюсом произвели в Керчи, потом в Запорожье.

Летом 1933 года, возвращаясь из поездки по Беломорско-Балтийскому каналу, в Хибины приехали К. Е. Ворошилов, С. М. Киров, И. В. Сталин. Секретарь горкома ВКП(б) Семячкин, председатель горисполкома Хрулев и управляющий трестом «Апатит» Кондриков доложили им, что в Хибиногорске уже 42 тысячи жителей, есть кинотеатр, рабочий университет, школы, детские ясли, дом отдыха горняков, аптеки, больницы. Вошла в строй вторая обогатительная фабрика, пущен фосфорный завод, строится нефелиновая фабрика. Перспектива Хибин такова, что отсюда в миллионах тонн будет поставляться щедрый, или, как его еще зовут, «хлебный камень», не только на поля Советского Союза, но и на экспорт.

Хорошее впечатление осталось и от посещения совхоза «Индустрия». Животноводческая ферма снабжает молоком и мясом больницу, дом отдыха горняков, частично магазины ОРСа. Директор совхоза Иоган Гансович Эйфельд (энтузиаст, ученый-заполярник, награжденный орденом Ленина) рассказал, что Полярное отделение Всесоюзного института растениеводства, базирующееся при совхозе, успешно выращивает в тундре овощи, картофель, пробует сеять пшеницу. За обедом высоким гостям подали выращенные в теплицах индийские огурцы весом до килограмма, красные помидоры и клубнику «викторию», желтую дыню-медовку.

— Это что...— проговорил Киров.— Здесь, в тундре, чертовски много железных руд. Если организовать добычу, то обеспечим Ленинград местным металлом на 80—90 лет!

Сказано так было не для красного словца за необычным для условий Заполярья обедом. Киров опирался на выводы ленинградских ученых. Как только ему стало известно о предполагаемых залежах руды, он созвал 8 декабря 1931 года заседание секретариата обкома ВКП(б) и поставил вопрос о выявлении железорудных ископаемых на Кольском полуострове. Основным оратором на этом заседании явился образец кольской железной руды. Через одиннадцать месяцев, 2 ноября 1932 года, в «Ленинградской правде» был опубликован рапорт управляющего Ленинградским геологоразведоч-

ным трестом (ЛГРТ) Безвиконного, его заместителя по научной части Невского и секретаря партийной организации треста Свойского. В этом громком рапорте обкому и Ленсовету докладывалось об открытии семнадцати аномалий в районах Кольского фиорда, станций Оленья и Лопарская. По подсчетам ЛГРТ, запасы железной руды определяются там в 370 000 000 тонн. Руда залегает непосредственно на поверхности.

Открытие-то какое! Ленинград получает собственную металлургическую базу. Началось бурение скал. Двадцать... шестьдесят... сто десять метров глубины, а железной руды нет. «Ка-ак нет?» — беспокоился Киров. Буровые продолжали грызть гранит в новых местах, со скрежетом, с дымом. Наконец летом 1933 года наткнулись на пласт магнитного железняка, по качеству не уступающего шведской руде.

Но оказалось, что открытые в разных местах пласты руды тонкие, запасы никчемные. Киров был так потрясен, что начал страдать бессонницей, нервные спазмы до боли щемили сердце. Осенью Сергей Миронович заболел. Как же так, удивлялся он, ошиблись ученые или, может, хуже?.. Год разбирался, но так и не узнал, не успел...

Кто прав, кто виноват? Может статься, что кольская железная руда находится слишком глубоко, и страстная мечта покойного Мироныча воплотится когда-либо в жизнь.

Первый сплав

Всяк, кто впервые приезжает в город Волхов, тот непременно взойдет на крутой берег, чтобы вблизи поглядеть на красавицу ГЭС имени В. И. Ленина, тот не может не снять фуражку перед памятником творцу этой станции Генриху Осиповичу Графтио (1869—1949). Взглянув на холм, вы невольно залюбуетесь тем, с каким дерзновенным размахом раскинулись там корпуса Волховского алюминиевого комбината — гордости первой пятилетки. А многие ли знают, в каких муках дал он первый сплав, в какой мере имя С. М. Кирова связано с рождением этого завода?

Теория «искусственного железа» возникла в России в середине XIX века. В 1865 году ученый Н. Н. Бекетов обос-

новал даже технологию алюминотермии, а Д. И. Менделеев в 1869 году внес алюминий в расшифрованном виде в третью группу элементов своей знаменитой периодической таблицы. Располагала Русь и сырьем для изготовления алюминия — бокситами, тихвинским железистым глиноземом. Но рутина, техническая отсталость, барское отношение царского двора к «мазутным» людям привели к тому, что иностранцы опередили русских.

Производство алюминия впервые освоила американская фирма АЛКОА в 1888 году. Когда же стали развиваться тракторная, автомобильная и авиационная отрасли промышленности, спрос на «легкое железо» возрос настолько, что алюминиевая корпорация семьи Меллона открыла дочерние предприятия в Англии, Мексике, Австралии, Канаде. На международном деловом рынке начался алюминиевый ажиотаж. И только Тихвинский уезд — кладовая русских бокситов — продолжал дремать на узорчатом крылечке. Потом война, одна и другая. Революция, голод, смертоносные эпидемии...

Лишь весной 1926 года Академия наук вплотную занялась тихвинскими бокситами. К осени геологи доложили в Смольный о запасах бокситов.

Кроме того, добротным сырьем для производства алюминия могут стать и открытые в Хибинах апатитовые нефелины. Волховский алюминиевый завод и проектировался в расчете на оба эти источника сырья, на энергию Волховской ГЭС. Проектирование затянулось на годы, сопровождалось грубыми ошибками, не обошлось и без вредительства. Ездили советские специалисты доучиваться и в США, и к магнатам «Фарбениндустри». Там не торопились с помощью: «Пусть Советы покупают алюминий у нас, платят золотом». Но разве можно накормить пятилетку импортным алюминием? Никакой валюты не хватит. Пятилетка уже началась, а конструкторы все еще, склонившись над ватманом, создают завод в чертежах. Правительство торопит. Сколько же Сергей Миронович попортил крови и себе и другим ленинградским руководителям!

Волховский алюминиевый завод начали строить только с весны 1930 года. Чтобы наверстать упущенное время, решено было построить ВАЗ за один год. В проливной дождь и жгучий мороз, в июньский солнцепек и слезливый туман осени не приостанавливалась работа девяти с лишним тысяч

строителей. Год прошел, а на стройке все еще ухали ломы, мелькали лопаты и мастерки каменщиков, бегали тачки. Собственно, это была не работа, а сплошные авралы. На строительство приезжали члены правительства, секретари Ленинградского обкома М. С. Чудов, П. И. Струппе, Б. П. Позерн, председатель облисполкома Ф. Ф. Царьков, руководители управлений областного совнархоза. Часто звонили из Москвы: «Давай алюминий!»

С. М. Киров в первое лето редко бывал на строительстве ВАЗа: рождался трест «Апатит», где требовалась помощь именно его. Ноябрь ушел у Кирова на поездку в Закавказье, декабрь — на разного рода совещания и пленумы в Москве; затем — собрание партактива Ленинграда и сотня других дел. Но Сергей Миронович все же бывал на Волховстрое, приезжал обычно рано утром, шел прямо на строительную площадку, где лично убеждался в состоянии работ, и разговор с руководителями строительства и завода был предметным. Почему бетонщикам не выдали наряды? Почему в карбозационной не подведены итоги соревнования за декаду? Отчего простой в шихтовочном цехе?

— Огнеупоров, говорите, нет? — Киров взял со стола чью-то пару брезентовых рукавиц и сказал руководителям: — За мной! Всей конторой!

Он привел начальников к строительной свалке, молча сбросил свой серый макинтош, с остервенением принялся вытаскивать кирпич из мусора. Начальники удивленно переглянулись, но последовали его примеру. Ложный стыд душил их на виду у подчиненных, до крови стерты пальцы, но помалкивают, потому что секретарь обкома и в этом попрекнет: «А каменщикам вы всегда даете рукавицы?»

Когда выросли штабеля целехонького кирпича-огнеупора, Киров расправил мокрую от пота спину и, закуривая, спросил: «Во что государству обходится каждая плитка огнеупора?» Ему ответили: 20 копеек. Сергей Миронович нахмурился:

— А если бы такую монету увидели на дороге, подняли бы?

— Конечно.

— Вот. А митингуем, черт бы нас побрал! Соберите по-хозяйски кирпич и часиков в десять вечера сообщите мне, сколько всего собрано и сколько вам еще нужно на эту

шестидневку. А насчет арматуры,— сказал он помощнику начальника строительства Т. Г. Запорожко,— позвоните мне в Смольный чуточку попозже десяти.

В назначенное время Запорожко позвонил. Сергей Миронович, сказав: «Не вешай трубку, слушай!» — позвонил по другому телефону: «Товарищ Белов? У тебя есть на складе арматурное железо? Отправь волховцам пять вагонов сегодня в ночь. Наряда нет? Будет!»

И в трубку к Запорожко: «Готовь Белову наряд и позвони мне, получена ли арматура. Утром, пораньше, на квартиру звони! Если не проснусь на звонок — скажи Марии Львовне, чтобы разбудила. А сколько собрали кирпича? Шесть тысяч! Здорово! Могу и порадовать тебя: Боровичи гонят вам эшелон огнеупоров. Древесина прибудет послезавтра. Звони, не стесняйся».

1931 год в Смольном начался напряженно. Предстояли выборы в Советы. Киров выступал с отчетными докладами о работе Ленсовета на «Красном путиловце», перед коллективом избирателей текстильного комбината, на заводе «Красная заря»... В феврале началась реорганизация административного деления области — ликвидация округов и образование до сотни районов. Предстояло подобрать свыше полутысячи руководителей, провести выборы в райкомы партии и комсомола, в исполкомы. Все это нужно успеть до весенней посевной кампании.

И так одно за другим. К весне ленинградские заводы «Красная заря», имени Карла Маркса, «Светлана», фабрика имени Володарского и некоторые другие выполнили пятилетку за два с половиной года. Надобно оценить их подвиг — представить к награждению орденами как героев труда, так и предприятия.

Награжден был и С. М. Киров: орденом Ленина — за выдающиеся заслуги в деле восстановления и реконструкции нефтяной промышленности и национальным орденом Азербайджана — в связи с 10-летием АзССР. Радость большая, но Киров не в духе. Страшно затянулось строительство ВАЗа; хотели за год, год прошел, а конца работ и не видно. Заведующий общим отделом обкома Свешников ходил за Кировым по пятам:

— Мироныч, третий раз звонят из приемной М. И. Калинина, спрашивают, когда приедешь получать орден Ленина. И бакинцы прислали свой орден и деньги за него.

— Вот что, Николай Федорович. В приемную ЦИК сообщи, что орден пусть вручат, когда приеду на июльский Пленум ЦК. А деньги переведи, пожалуйста, в фонд помощи сиротам. Факсимиле мое у тебя. Вот и прикладывай, где нужно.

Сделав эти распоряжения, Киров сел в автомобиль и умчался вначале в Колпино (на Ижорском заводе прорыв), а потом в Волхов.

По дороге вспомнил последний разговор с лечащим врачом. «Лето,— говорит,— надвигается. Куда оформлять вам путевку? Устали, переутомились».

«Никаких курортов! — твердо решил Киров.— Недельку-другую погоняю зайцев и уток, а потом...»

В сентябре предстояли маневры войск Ленинградского округа. Киров, как член Военного совета, будет на маневрах и армии, и Краснознаменного Балтийского флота. Вот вроде дополнительный отдых.

К первому снегу 1931 года строители кое-как влезли под крышу Волховского алюминиевого завода. Строительные работы еще продолжались, а заводоуправление уже начало устанавливать в цехах оборудование, настраивались технологические линии. Газеты сообщили о скором пуске завода. Пуск был торжественным: ножницы разрезали алую ленту, взволнованные речи на митинге, гремел оркестр... А алюминия-то нет. Нету! День, другие сутки, неделю мучились — брак, брак. Удрученный Киров покачал головой над первым «алюминиевым блином» — бесформенным полушлаком — и позвонил в Смольный Чудову:

— Михаил? Труба, брат. В чем, спрашиваешь, дело? А в том, что плотник — не химик. Федот, да не тот! Дали мы тут все маху... В общем, выезжаю в Ленинград. Созывай бюро обкома.

На экстренном заседании бюро обкома было решено незамедлительно послать в Волхов лучших ленинградских мастеров плавки, химиков, инженеров-технологов. Всю зиму в цехах ВАЗа шла техническая учеба с бывшими строителями и теми, кто поступил на завод из других мест. Затем устроили строгий экзамен по технологии производства алюминия и технике безопасности.

Только в мае 1932 года ВАЗ дал первый сплав добротного алюминия. Два года около десяти тысяч тружеников вели битву за то, чтобы добыть первые десять килограммов

советского алюминия! К осени с помощью ленинградцев вступил в строй и Днепровский алюминиевый завод. Советский Союз наконец-то выкарабкался из заморской кабалы и в этой области.

Судьба земли

Неласковой была для хлебопашца земля Северо-Запада. Почва глинистая. Дикий кустарник, болота, тощее лицо этой земли усеяно валунами-бородавками. Печальной была и жизнь крестьянина столичной губернии. Петербург стал крупнейшим промышленным центром Европы, а прилегающие к нему деревни остались невероятно нищими и отсталыми, где мужик, подобно язычнику, молился на пень.

Медленно уходила от прошлого «чухонская» деревня и в первые годы Советской власти — мешали гражданская война, разруха, эпидемии; немало вреда причинили и зиновьевцы, явно недооценивавшие роль крестьянства в революции, в создании социалистического способа производства.

Не произошло сколько-нибудь серьезных сдвигов в сельском хозяйстве Северо-Запада и в 1926—1927 годах. 1926 год ленинградская партийная организация была занята главным образом очищением своих рядов от фракционеров. Затем наступила пора лихорадочной подготовки к приему заказов для индустриализации страны.

Между тем смычка города с деревней ослабевала. Сельские ставленники Евдокимова и Зиновьева, отсидевшиеся в кустах при разгроме оппозиции, теперь обламывали первые ростки социализма в деревне — кооперацию, с троцкистским барством и жестокостью завинчивали они гайки на шее «чухонца». Смольный почувствовал неладное с опозданием, и, как признался Киров в октябре 1927 года на IX партконференции Московско-Нарвского района, с большим трудом удалось «развязаться с той путаницей, которая у нас была в кооперативном строительстве в деревне» [1].

Сбытовые кооперативы были специализированы в «Молокосоюз», «Льносоюз» и т. п. Родились и начальные формы

---

[1] *С. М. Киров.* Статьи, речи, документы, т. III, стр. 349.

производственной кооперации: машинное товарищество, мелиоративное, по совместной обработке земли (тозы). Ленинградские рабочие помогли крестьянам в ремонте инвентаря. По инициативе С. М. Кирова было обновлено руководство сельских районов, расширили кредит и товарообмен. Ликвидация прорыва завершилась проведением в начале 1928 года конференции ленинградского Общества смычки города с деревней.

XV съезд ВКП(б) призвал партийные организации усилить работу по объединению крестьянских хозяйств в производственные кооперативы. При этом партия подчеркивала указание В. И. Ленина о строгом соблюдении добровольности коллективизации. Ведь крестьянину нелегко было расставаться с частной собственностью на лошадь, плуг, борону, телегу.

Коллективизация началась хорошо, шла правильно. Но в 1929 году Сталин выступил в «Правде» со статьей «Год великого перелома», в которой, вопреки доводам Комиссии по коллективизации [1], ошибочно утверждал, что основная на селе фигура — середняк сдвинулся с места, массой пошел в колхозы. Статья эта была воспринята как директива. В центре и на местах начали поход за сплошную коллективизацию.

Ленинградская область отставала в темпах, сильно отставала. На 1 декабря 1929 года здесь в сельхозартели было вовлечено лишь два процента крестьянских дворов. Киров начал беспокоиться и 17 декабря, выступая на пленуме облисполкома, остро поставил вопрос об «укреплении пролетарского руководства коллективизацией» [2].

Сразу же после пленума Сергей Миронович выехал в Москву на чествование И. В. Сталина в связи с 50-летием со дня его рождения.

Из Москвы Киров привез указание Сталина усилить темпы коллективизации.

Сергей Миронович собрал членов бюро обкома, руководство Леноблисполкома, призвал подналечь. Сначала подналегли, затем навалились, а потом, как и в большинстве районов страны, стали принуждать крестьян обобществлять не только рабочий скот, но и коров, птицу. Кулак тотчас вос-

---

[1] См. «Вопросы истории КПСС», 1964, № 1.
[2] «Ленинградская правда», 18 декабря 1929 г.

пользовался перегибами. И когда 15 марта 1930 года ЦК ВКП(б) опубликовал свое постановление «О борьбе с искривлением партлинии в колхозном движении» — дутые колхозы лопнули, развалились. К лету в сельхозартелях Ленинградской области удержалось всего-навсего 3215 дворов — полпроцента к общему числу крестьянских хозяйств области.

Пришлось начинать сызнова. С того горького урока Киров стал категоричен. «Бегунов за процентами коллективизации нужно,— требовал он,— предупредить, что на этом деле они могут сломать себе шею»; «решительно устранить на местах административное насаждение колхозов, принуждение бедняков и середняка к вступлению в колхозы». И далее: «Главное же не в погоне за цифрой. Главное сейчас в том, чтобы переварить, организационно закрепить достигнутые результаты. Тут узел всех вопросов колхозного строительства» [1].

В дальнейшем ленинградские большевики строго выдерживали линию партии по осуществлению социалистической перестройки деревни. Коллективизация в области шла постепенно, и к 1 октября 1934 года в сельхозартели вступило уже 66 процентов крестьянских дворов. К тому времени на полях Северо-Запада работало 4 тысячи тракторов. В деревню из города пришло новое отношение к труду — ударничество и социалистическое соревнование. Ленинград послал в районы области до тысячи своих лучших рабочих и пять тысяч человек в числе 25-тысячников — в разные края страны.

Социалистический сектор в деревне побеждал.

Но ошибки и перегибы, допущенные в начальный период сплошной коллективизации, и особенно враждебное действие экспроприированного кулачества, привели к большим издержкам. В результате поголовье скота в Ленинградской области значительно уменьшилось. Так, лошадей в 1931 году было 600 600, а в 1934 г.— 494 тысячи; крупного рогатого скота соответственно — 1 461 000 и 1 279 000 голов. В ходе коллективизации вдвое уменьшилась посевная площадь самой доходной здесь культуры — льна. В Валдайском районе дошло до того, что кулаки и даже бывшие помещики пробрались в правления колхозов, использовали государственный

---

[1] «Ленинградская правда», 5 октября 1931 г.

кредит в личных целях, а общественное хозяйство довели до развала. Пришлось снять кулацкие семьи с насиженных мест и отправить на северные лесоразработки.

Другая причина издержек коллективизации состояла в том, что ленинградские большевики — промышленные рабочие — специфики сельского хозяйства не знали, а ведь возглавляли совхозы, многие колхозы, райкомы, райисполкомы, областной комитет ВКП(б)! Не разбирались они в экономике и технологии сельского хозяйства. Признался в этом и С. М. Киров, говоря: «Я сам, грешный человек, в агротехнике плохо смыслю», призывал идти учиться у колхозника. Еще 17 июля 1930 года, выступая на собрании городского партактива по итогам XVI съезда ВКП(б), Сергей Миронович говорил: «Чтобы руководить, надо знать. Если ты, скажем, ячменя от пшеницы отличить не можешь, то трудно тебе будет, не выйдет...» [1]

И не выходило. Северо-Запад искони начинал весенние полевые работы позже центральных и южных районов страны. Но ленинградские большевики, привыкшие быть во всем первыми, возгорелись желанием взломать эту «дедовщину». Весной 1931 года Киров призвал «решительно подтянуться по всему фронту подготовки к большевистскому севу» [2]. Смольный тотчас выдвинул лозунг о сверхраннем севе. Облисполком послал в районы директиву: сев начать с... 17 апреля. Старорусский райком партии, перестаравшись, дал указание, чтобы к 15 мая сев в районе закончить на 100 процентов. Уполномоченные этого района подняли на ноги суд, применяли штрафы, арестовывали «оппортунистов» — тех крестьян, которые отказывались сеять по снегу и грязи.

Киров резко осудил репрессивные меры, но за сверхранний сев стоял горой. Помещик, говорил он с пафосом, «никогда не рискнул бы на такую роскошь, как попробовать сеять по снегу... Теперь... настала пора провести революцию и в этом отношении» [3]. Когда же зерно не всходило на промерзшей за ночь земле-грязи, он относил это к плохому качеству работ.

---

[1] ЛПА, ф. 9, оп. 1, св. 25, ед. хр. 157, л. 33, 34.

[2] «Ленинградская правда», 12 апреля 1931 г.

[3] Ленинградский музей С. М. Кирова. Стенограммы выступлений С. М. Кирова, т. 15, стр. 23.

С. М. Киров.
1932 г.

С. М. Киров среди ленинградских пионеров.
1933 г.

С. М. Киров на трибуне XVII съезда ВКП(б).
1934 г.

С. М. Киров за подготовкой к выступлению.
1934 г.

А тут еще нарком земледелия звонит:

— Сергей Миронович, миленький, отстаешь. Губишь меня.

Тогда Леноблисполком дал указание сеять не только днем, но и ночью. И вот картина: мальчуганы шествуют с факелами впереди лошадей; за сеялкой, спотыкаясь и проклиная все на свете, идет крестьянин. Он и за день-то выбился из сил, а теперь, ночью, еще и без сна. Утром тоже не соснешь — оппортуниста приклеют. А уполномоченный тут как тут. Сунет во время пахоты руку в борозду, грозно спрашивает: «Почему мелко берешь? По-индустриальному нужно, до локтя!» — «Зачем же, гражданин уполнач, песок и глину выворачивать?»

Руководители совхозов и колхозов были настолько измотаны, столько они натерпелись от неразумных приказов, что, прибыв на июньский пленум обкома партии (1933 год), отсиделись молча. В заключительном слове Киров сказал с горечью, что никто из них «даже не записался в прениях. Они пришли на пленум на помочах. И это для нас только минус».

Непонятны были и причины низких урожаев. И хотя с трибун произносились речи о достигнутых урожаях в Ленинградской области, особенно пшеницы — до 25—30 центнеров с гектара,— в действительности урожайность была ниже 1913 года. Не поднялась она и в годы коллективизации, составляя в среднем 7—9 центнеров зерна с гектара. Та же примерно картина и со льном, и с овощами, и с картофелем.

В чем же дело? Хозяйство прогрессивное — социалистическое: тракторы, артельный труд, пришли на поля уже свои, красные агрономы и зоотехники, колхозами руководят лучшие сыны рабочего класса. Неужели и правда, что земля «чухонская» бесплодна? Нет, петербургские помещики Арсеньев, Соколовский и другие имели на этой земле хороший урожай. Кирова, можно сказать, задело за живое. Он встречался с учеными по сельскому хозяйству, ездил «неопознанным» в некоторые колхозы, беседовал начистоту с крестьянами. А вернувшись в Смольный, пригласил к себе секретарей обкома, заведующего сельхозотделом Муравьева, работников облзу и начал по-кировски:

— Знаете, почему нас мужик шляпами называет? Не потому, что носим шляпы велюровые. Бить нас надо!

Дважды собирал Киров секретарей сельских райкомов и председателей райисполкомов; в июле 1934 года пригласил в Таврический дворец 250 инструкторов сельских райкомов партии и комсомола; собирал и кустовые совещания агрономов, зоотехников, председателей колхозов и директоров совхозов. И всюду требовал работать по-новому, предметно, без шумихи, не командовать агрономом и мужиком, потому что они лучше знают, где, когда и что сеять; нельзя игнорировать вековой опыт хлебопашества. Киров призывал осушать болота, выкорчевывать пни и кустарник, смелее вспахивать целину. Сеять только сортовыми семенами, пропитанными формалином. Животноводство — только породистое! Окончательно снести на кладбище трехполку и перейти на многопольный севооборот. Покончить с уравниловкой в оплате трудодней. Лен и животноводство — лицо сельского хозяйства Северо-Запада! Все на крутой подъем колхозно-совхозного производства! Нужно было бороться и за выполнение решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР о создании вокруг Ленинграда овощной и молочно-мясной базы.

Особые задания

В январе 1933 года Пленум ЦК ВКП(б) подводил итоги досрочного выполнения первой пятилетки, обсуждал программу завершения социалистической реконструкции народного хозяйства Советского Союза во второй пятилетке.

Почетное место на январском Пленуме ЦК ВКП(б) занимали нефтяники Баку, выполнившие пятилетку за два с половиной года. Рядом с ними, со своими старыми друзьями, сидел Киров. Он привез на Пленум тоже радостный рапорт. Двенадцать из шестнадцати крупнейших предприятий Ленинграда выполнили пятилетку за два с половиной года. К исходу третьего года справились с заданиями все основные отрасли промышленности города, а по турбинам, мощным дизелям, тракторам, сварочным аппаратам, генераторам и другим сложным машинам — со значительным перевыполнением «пять — в три».

В четвертом году пятилетки к финишу пришли и остальные отрасли. Ленинград освоил 198 новых видов продукции, поставлял стройкам четверть всего промышленного оборудования страны. Фабрика «Скороход» установила европейский

рекорд — 260 тысяч пар обуви в декаду. Задымил новый, Невский химический комбинат. Переводился на электрическую тягу железнодорожный участок Ленинград — Ораниенбаум. Политехнический и электротехнический институты проектировали электрификацию участка Кандалакша — Мурманск. В битве за досрочное выполнение пятилетки ленинградская партийная организация выросла до 200 тысяч коммунистов (одна десятая состава ВКП(б)!). Ленинградцы направили в другие области страны 7400 специалистов индустрии, 320 геологоразведочных партий, свыше 6000 питерских рабочих — в колхозы, совхозы и МТС.

На вторую пятилетку Ленинграду вменялось освоить еще 180 новых видов продукции, которые ввозились из-за границы. «Ленинградская область,— говорил В. В. Куйбышев,— на протяжении второго пятилетия продолжает оставаться крупнейшим машиностроительным центром и областью производства технических культур. В особенности следует подчеркнуть пионерскую роль Ленинграда в освоении новой техники и в насаждении новых производств во вновь осваиваемых районах» [1].

С. М. Киров возвращался с московского Пленума с конкретным заданием: дать в 1933 году примерно половину промышленной продукции, выпущенной предприятиями города за всю первую пятилетку! Киров был уверен, что ленинградцы досрочно выполнят это задание: есть кадры, накоплен богатый опыт, налажена технология производства. Сергея Мироновича беспокоила незавершенная в области коллективизация, волновали и те *особые* задания, которые ЦК возложил лично на него, как на члена Политбюро.

* *
*

Питер издавна являлся кузницей военного меча России. В годы Советской власти оборонная промышленность Ленинграда оснащала Вооруженные Силы оружием и боевой техникой. В первую пятилетку она была реконструи-

---

[1] «XVII Всесоюзная партийная конференция». Стенографический отчет. Партиздат, 1932, стр. 7.

рована на выпуск новейшей техники. Ученые и виднейшие металлурги Ленинграда создали новый, неизвестный в мировой практике сорт кремнехромистой стали.

Военные заказы Ленинграду усилились в 1932 году, когда Гитлер еще только вел нацистов к власти в Германии, написав на своем черном знамени: «Война!» Заказы получил почти каждый завод Ленинграда. Бывало, что тот или иной заказ оказывался под угрозой срыва. Тогда на заводе появлялся Киров. «Ну как, товарищи? Заказ-то военный!» — «Ох, трудно, Мироныч. Сил не хватает».— «А если..?»

Он еще не успевал произнести знакомую всем ленинградцам фразу, как следовал ответ: «По-коммунистически?» — «Да!» — «Сделаем!» Там, где дело касалось обороны страны, Киров был мало сказать строг — жесток. Ругая Выборгский и Нарвский районы за невыполнение в срок военных заказов, он с гневом говорил: «Нельзя работать, развесив уши. Это прямая недооценка международной напряженности». И никто не смел возразить: хищный японский империализм, подмяв под себя Маньчжурию, уже тянулся оскаленными клыками в Монгольскую Народную Республику, к советскому Приамурью.

Центральный Комитет ВКП(б) хорошо понимал, что будущая война — война моторов. Предстояло создать боевую авиацию, танковые соединения, парашютнодесантные и зенитные части, современные войска связи, подводные лодки, крейсеры, дальнобойную и легкую полуавтоматическую артиллерию. Производить такую боевую технику способна только высокоразвитая промышленность, а индустрию мы только начали создавать. Получался как бы заколдованный круг: интересы обороны страны требовали громадных средств, а без этих средств нельзя создать высокоразвитую индустрию, материально-техническую базу социализма. С. М. Кирову и всем ленинградским коммунистам приходилось перенапрягать и себя и силы рабочего класса, чтобы в сроки выполнить и военные заказы и обеспечить стройки пятилетки нужным промышленным оборудованием.

Важнейшее народнохозяйственное и оборонное значение имел Беломорско-Балтийский канал. Он начал строиться весной 1932 года. Протяженность беспримерна: 227 километров! Предстояло вынуть 20 миллионов кубометров грунта, в том числе немало каменистого. Четыре шлюзовых участка проходили через скалы. Канал сооружали раскулаченные и

заключенные уголовники. Вело стройку Главное управление лагерями НКВД, но инженерные, водолазные и монтажные работы вынесли на своих плечах ленинградские специалисты. Строительство канала нужно было закончить к осени 1933 года. Во что бы то ни стало! Успели благодаря помощи ленинградских большевиков раньше — к лету.

В том же 1933 году Советское правительство решило создать Северный военный флот. Главная его база должна находиться в бухте, которая хорошо защищена скалистым островом. Здесь нужно было строить амфитеатром город на склоне скал. Ленинграду за два-три года предстояло соорудить причалы, аэродромы, электростанции, сполна и в срок обеспечить флот кораблями, морской авиацией, организовать гидрографическую службу и службу связи. И строительство Мурманска нужно форсировать. Незамерзающий порт! Крупнейший рыбный комбинат страны! Отсюда снаряжались экспедиции в Арктику. Отсюда началось освоение Северного морского пути до Камчатки.

Была еще одна особая задача. Внешне она казалась совсем незначительной — ширпотреб, но этот ширпотреб стал проблемой и принял политический характер в стране. Пока трудящиеся были увлечены борьбой за досрочное выполнение первой пятилетки, они не ощущали нехватки предметов первой необходимости. Жили завтрашним, тем, как бы скорее и лучше выполнить заказы строек. Но вот гордо подошли к финишу, вытерли рукавом пот с лица и ничего такого для себя лично не видят. Начались недовольства. «Трактор,— говорил колхозник,— конь добрый, частушки в деревне про него складывают. А вот гвоздей и топора в сельпо не купишь. Нету. И керосин в бутылках носим. Хоть бы плохонький бидон». Жаловался и рабочий: «Блюминг-то — штуковина! А щей в нем для семьи не сваришь». Жена ворчит: «Никакой,— говорит,— кухонной утвари. Волховский алюминиевый комбинат отгрохали, а ложки и миски придется строгать из дерева»».

Партия призвала партийные организации, хозяйственных руководителей создать на заводах специальные цехи по производству предметов широкого потребления. Однако производство этих предметов налаживалось медленно. Слово «индустрия» затмевало все. Оно вошло в поэзию, нефтяными вышками вместо васильков расцвечивало девичьи платья. У руководителей крупных заводов появилось своего рода

индустриальное чванство, пренебрежение к «мелочам». Подумаешь: кастрюли!

Нужно было сбить спесь с таких «индустриалов». И Киров начал сшибать. Как не понять, говорил он, что стране требуются не только турбины и блюминги, но и примусные иголки. Руководители предприятий всячески уклонялись от оборудования цехов ширпотреба: государство средств на это не отпускает, продукция ширпотреба — дело хлопотливое, а удельный вес ее в общем балансе завода, может, одна десятитысячная. Словом, обуза. Киров был возмущен. Он пригласил к себе руководителей предприятий Ленинграда, уперся кулаками в крышку стола, и все поняли: будет гром! Но грома не было. Сергей Миронович просто и доходчиво разъяснил, что социализм тем и характерен, что здесь воедино сливаются государственные и личные интересы трудящихся, нельзя, следовательно, пренебрежительно относиться к производству предметов домашнего обихода.

Партийные и хозяйственные органы Ленинграда крепко взялись за срочное дело и в последующие годы по производству железоскобяных, галантерейных и других товаров ширпотреба заняли одно из ведущих мест в стране.

Еще краше

Решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о выделении Ленинграда в самостоятельную административную единицу (на правах области), о реконструкции и социалистическом преобразовании города состоялось 3 декабря 1931 года.

В связи с этим в Ленинграде произошла реорганизация руководства. Секретарями областного комитета партии были избраны: первый — С. М. Киров, второй — М. С. Чудов, П. А. Ирклис (ведал снабжением), секретарь обкома по сельской партработе А. В. Осипов (позже — Низовцев), секретарь обкома по транспорту А. А. Никулин. Председатель областной коллегии партийного контроля — В. А. Шестаков. Председатель облисполкома — Ф. Ф. Царьков (с июня 1932 года — П. И. Струппе). Председатель Сельпотребкооперации — Н. П. Комаров (в прошлом председатель Ленгубисполкома).

Секретарями Ленинградского городского комитета ВКП(б) были утверждены: первым — С. М. Киров, вторым — Б. П. Позерн, третьим — И. И. Газа (умер в августе 1933 г.), секретарем горкома по пропаганде — А. И. Угаров, председателем городской коллегии партийного контроля — А. И. Киселев. Председатель Ленгорисполкома — И. Ф. Кодацкий. С ними и работал Киров рука об руку [1].

Реконструкция города Ленина началась фактически в 1932 году и достигла размаха в последующий период. Благоустраивались сады и парки, облицовывались гранитом берега Фонтанки, Мойки, каналов. Реставрировались архитектурные памятники — шедевры Растрелли, Захарова, Росси, Воронихина, Кваренги. Строился текстильный институт и другие высшие учебные заведения. В Колтушах создавался для академика И. П. Павлова научный городок — Всесоюзный институт экспериментальной медицины. Вдоль проспекта Обуховской обороны вырастали жилые дома, расширялись фабрики, шагнул через Неву Володарский мост, возводился крупнейший мукомольный комбинат. На Международном (Московском) проспекте создавались молокозавод, комбинат пищевых концентратов, гигантской глыбой поднимался из болот мясокомбинат у обочины Московского шоссе. Строились школы, фабрики-кухни, больницы, механизированные хлебозаводы и прачечные. Допотопная «петровская» дубовая канализация, пришедшая в совершенную негодность, заменялась железобетонными трубами.

Если учесть, что все еще продолжалась и техническая реконструкция 16 самых крупных промышленных предприятий города, то станет понятным, как трудно было ленинградцам, горячо взявшимся сделать свой город еще краше. Пятилетка — в разгаре, индустриализация поглощала почти все государственные накопления. А ведь для реконструкции Ленинграда требовались миллиарды рублей, несчетное количество цемента, арматуры, кровельного железа, стекла, масляных красок, олифы, бархата, зеркал, люстр, позолоты. Таких

---

[1] Через год-два после гибели С. М. Кирова всех их ложно обвинили как врагов народа, и жизнь большинства из них оборвалась трагически.

дефицитных по тому времени материалов и средств было крайне мало, и получить их было нелегко. Когда, к примеру, Ленгорисполком представил в Москву смету на ремонт академических театров, там ответили, что столица не может действовать «по щучьему велению». Горкому партии и лично С. М. Кирову пришлось немало ходатайствовать перед Совнаркомом, чтобы хоть по частям, но получить нужные материалы и денежные ассигнования для ремонта ленинградских театров.

Другой пример. Гаванское поле «славилось» домовыми церквушками, кабачком «Утюг», темным прошлым. Большевики решили смести все это и на расчищенном месте воздвигнуть Дворец культуры с двумя театральными залами и 375 комнатами-аудиториями, способными принять сразу десять тысяч человек! Отпущенных правительством средств не хватило, не спасла и помощь ВЦСПС. Ленгорисполком обязал заводы Балтийский, «Севкабель», кожевенный, фабрику имени Слуцкой и другие предприятия взять материальное шефство над строительством дворца. И этого мало. Стройка частично свертывалась. Тогда в Москву, в Наркомтяжпром, полетела телеграмма Кирова, в которой он просит Орджоникидзе об отпуске василеостровскому Дому культуры дополнительно миллиона рублей.

К началу 1932 года узким местом оказался городской транспорт. Сильная перегрузка трамвайных вагонов, частые аварии. Кодацкий жаловался Сергею Мироновичу на неразворотливость директора Лентрамвая Фрушкина и главного инженера Штерцера. Киров начал с того, что крепко пожурил начальство Лентрамвая. Сильно критиковал он руководителей парторганизаций вагоностроительного завода имени Егорова, управления Лентрамвая и трамвайных парков. Но крепко и помогал, особенно в налаживании производства четырехосных вагонов с пневматическими тормозами. В 1932 году построили 40 километров трамвайных путей, открыли 12 новых маршрутов, курсировало уже 1880 вагонов. Думалось, что проблему решили. Где там! Открыли еще пять трамвайных маршрутов, значительно пополнили автобусный парк, но переполненные автобусы, треща на выбоинах, выходили из строя.

С весны 1933 года начали ремонт центральных магистралей города. Киров зорко следил за ремонтом, очень строг был к тем, кто захламлялся и делал «через пень колоду».

Однажды, выйдя из Смольного и усаживаясь в кабине рядом с шофером Юдиным, он распорядился:

— Вези сегодня по проспекту 25-го Октября.

Едут по Суворовскому, сворачивают на проспект 25-го Октября (Невский). Киров наблюдает, как ремонтируются фасады домов, со вкусом ли подобран колер окраски. У «елисеевского» гастронома женщины, стоя на коленях, укладывают в мостовую булыжник. Работами руководил мужчина в белых туфлях. Проехали. Напротив Казанского собора валяется мусор, оставленный после ремонта мостовой. Вчерашний дождь промочил его, и машины замесили его в грязь. Киров — шоферу:

— Сидор Михайлович, разворачивай обратно. К белым туфлям!

Подъехали. «Товарищ, вы ремонтировали у Казанского?» — «Да».— «Фамилия?» — «Семенов. А что?» — «Садитесь в машину». Тот, узнав секретаря обкома, повиновался. Когда автомобиль остановился в самой жиже, Сергей Миронович только и сказал прорабу:

— Вы оставили мусор? А что, если бы я предложил вам ступить белыми туфлями в эту грязь?

— Товарищ Киров, я...

— Вот видите, жалко собственных туфель. А ленинградцев и их обувь вам не жалко?

Утром проверили — чисто, и мостовая вроде отполирована.

Жилищное строительство в Ленинграде началось еще в 1926 году. За шесть лет было сделано многое. В последующем строительство приняло большой размах. Наиболее крупные жилые массивы создавались на Выборгской стороне, у Невской, Московской и Нарвской застав. Киров и радовался и досадовал. Радовался тому, что почти четверть семей ленинградцев, а также студенты и рабочие-холостяки вселятся в благоустроенные жилища. Огорчало же то, что новые жилые дома выглядели ничтожеством в сравнении с пышной архитектурой центральной части города. Свое неудовольствие Киров выразил еще при осмотре макетов. Это, образно сказал он, все равно что рядом с каретой поставить телегу. Он был противником напыщенных архитектурных излишеств, противником подражания. Знал Сергей Миронович и то, что

страна еще бедна для богатого строительства жилья. И все же злился.

Теперь, объезжая стройки, Киров совсем помрачнел: жилые дома, Дом культуры имени Первой пятилетки, коробки с окнами на Ушаковской набережной выглядели казармами. На стройках жилых домов для «Электросилы» и на Крестовском острове Сергей Миронович не сдержался, напустился на строителей:

— Кому вы строите такие коробки? Пора нам отказаться от уродливого, серого стандарта. Рабочий требует, чтобы его окружала красота, а вы здесь возводите какие-то казармы [1].

Руководители фабрик и заводов — в сторонке, смотрят на благоустройство города как на чисто «управские» обязанности Ленсовета. Пришлось созывать специальный пленум горкома партии (май 1933 года). О мерах по ликвидации прорыва на жилищно-коммунальной стройке докладывал И. Ф. Кодацкий. Выступал с речью и С. М. Киров. Досталось и строителям, и жилищным управлениям, и директорам предприятий, и партийным организациям, слабо борющимся за качество строительства и мало привлекающим население к участию в субботниках и воскресниках.

И снова горячая работа. Достроили вагоноремонтный завод (ВАРЗ) с годовой продукцией 350 трамвайных вагонов. Проложили шесть с половиной километров водопроводной сети, сдали в эксплуатацию фабрику по очистке питьевой воды. На ремонт домов Ленгорисполком получил от правительства 28 миллионов рублей. В четыре раза увеличилось количество детских яслей. Сравнительно быстро строились универмаги, ремонтировались многочисленные музеи, заселялись новые дома. Город был весь в строительных лесах.

В начале 1933 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР рассмотрели и одобрили проект создания в Ленинграде физкультурно-оздоровительного комбината на Елагинском и Крестовском островах Петроградской стороны: жилой массив Морского проспекта, Центральный парк культуры и отдыха (ЦПКО), проект крупнейшего в Европе стадиона на 100 тысяч мест. Облюбованное на берегу Финского залива место — болото,

---

[1] «С. М. Киров. Воспоминания ленинградских рабочих». Лениздат, 1939, стр. 104.

трясины. Количество кубометров земли для подъема поверхности и создания кольцевой насыпи стадиона измерялось одиннадцатьюзначным числом. Только строительство и благоустройство ЦПКО обойдется в 18 с половиной миллионов рублей.

Началось строительство. Срок ввода в действие ЦПКО — один год, стадиона — в 1936 году. Возглавлял эти работы главный автор проекта архитектор А. С. Никольский. Через год, 24 июня 1934 года, в ЦПКО состоялся первый грандиозный праздник трудящихся под лозунтом: «За социалистический Ленинград!» В тот же день на Масляном лугу ЦПКО произошла ликующая встреча с челюскинцами. Концерт лучших артистов города, аттракционы, лодочная станция, зеркала смеха... Народное гуляние затянулось за полночь. Сияющий Киров ходил под руку со своей Марией Львовной, без фуражки, по-мальчишески ел мороженое, шутил и смеялся...

Город великого Ленина преображался. Он первым в Советском Союзе стал городом сплошной грамотности, первым сделал попытку осуществить идею Ильича о политехнизации школы. Вместе со всей страной ленинградцы активно помогли народностям Крайнего Севера получить свою письменность, а по грамотности они достигли за первую пятилетку больше, чем за 200 минувших лет. Имя «Кира» от горных вершин Кавказа дошло до тундры, до оленеводческих становищ на Канином мысу Баренцева моря.

Кирова любили. Кирову подражали в работе, в борьбе с трудностями, даже в манере держать себя: скромно в быту, задушевно в беседе, чутко относиться к нуждам людей, честно выполнять порученное дело, беззаветно верить в коммунизм. Ему были сполна присущи те благородные качества, которые составляют моральный кодекс строителя коммунизма.

«И что за человек!»

Улица Красных зорь — самая красивая на Петроградской стороне. Раньше здесь в роскошных особняках Каменноостровского проспекта прожигала свои годы столичная аристократия, а после революции хозяевами стали трудящиеся. В самом большом доме (№ 26/28), принадлежавшем ранее

страховому обществу, удобно разместились семьи рабочих, советских служащих. 21 апреля 1926 года в этом доме прописались и Кировы.

Квартиру они снимали на четвертом этаже. Великовата, правда, для двоих — четыре комнаты! Но в этой просторной квартире вскоре стало тесно. Библиотека из двадцати тысяч книг, «филиал Смольного» (домашний рабочий кабинет, он же — гостиница для приезжих)... Альбомы, мебель, географические карты, глобус, журналы, подшивки газет, разного рода минералы из недр Кольского полуострова... А главное — люди. У Кировых останавливались бакинцы, астраханские рыбаки, томичи, терские друзья.

Частенько захаживали и краснозоревцы, с которыми Кировы по-соседски познакомились, поддерживали дружеские отношения. Краснозоревцы изумлялись простоте хозяина квартиры. Большой начальник, держит домработницу, а сапоги чистит сам, натирает полы. Иногда он, озорствуя, стравливал «меньшевика» с «эсером» — собаку Стрелку и кота Барсика. Животные, фырча, бросались один на другого, а Киров укоризненно говаривал:

— Страшная штука — склоки, летят клоки.

Кирову не нравилось, когда люди, пришедшие к нему или Марии Львовне, робко стояли у порога. Он приглашал в столовую и непременно угощал чем-либо вкусным.

Дома С. М. Киров также много работал: читал письма, готовился к выступлениям, просматривал журналы и свежие газеты; во втором часу ночи созванивался с Кремлем... Ложился в третьем, вставал в девятом часу. Выпьет стакан крепкого кофе — и на весь день. Из продуктов питания больше любил овощные блюда, но особенно пироги с капустой. Уезжая в Смольный, он полистает настольный календарь, спрашивает: «Маруся, а когда последний раз был день моего рождения?» — «Да на прошлой неделе».— «Давненько, давненько...» Это означало: готовь к вечеру пироги с капустой!

Три сестры Маркус — три разных человека. Софья Львовна — революционерка, с гонорком. Киров язвил: «Не будь тебя, может, мы и не победили бы в Октябре...» Мария Львовна добра, проста, иной раз беспомощна. Зато младшая, Рахиль — храбрая женщина, смелый хирург. Сергей Миронович преклонялся перед нею за то, что эта одинокая женщина подобрала, вырастила и дала образование четырем

сиротам. Внимательный и остроумный она собеседник. Сидят до полуночи в столовой: она на стуле, Сергей Миронович — на полу, по-монгольски на коврике. Набивают патроны, обсуждают новинки литературы, живописи, житейских будней. Иногда Рахиль Львовна расспрашивала:

— Скажи, Сергей Миронович, какова твоя заветная мечта?

— Моя мечта? Быть инженером-машиностроителем. Не смейся. Дело говорю. С томского периода мечтаю. Инженер — творец чудес!

— А главная забота?

— Чтобы люди твердо верили в то, куда зовут их коммунисты.

— Ну а самая близкая, неотложная забота?

Киров болезненно морщился. Неотложная забота — накормить Ленинград. В самом широком смысле: от петрушки до тортов людям хотя бы ко дню рождения... от красочных книжек детям до симфонических концертов, от распашонок новорожденному до нескончаемых эшелонов с углем, нефтью, чугуном... А, не перечислить! И, задумавшись, Киров враз суровел. Тогда Рахиль Львовна начинала разговор о музыке, и Сергей Миронович вновь преображался. Больше всего любил оперу. При хорошем настроении он недурно пел Ленского. Мария Львовна журила:

— Полуночники, не пора ли спать?

— Эх, милая! Хоть бы корочку хлеба принесла. В ночную же смену работаем!

В театре Кировы бывали частенько. По нескольку раз слушал Сергей Миронович «Хованщину», «Ивана Сусанина», «Князя Игоря». И фильмы любил большей частью историко-героического плана. «Чапаева», к примеру, смотрел четыре раза кряду. Все он любил бурлящее, размашистое, а цветы — яркие, крупные.

— Понимаю,— говорила Рахиль Львовна.— «А он, мятежный, ищет бури»?

— А что ж, по-твоему, за упокой предмет искусства? Да жизнь — извечная битва! Огонь!

— У каждого свои крылья. Моя мечта скромнее. Я — хирург.

В последние годы Киров страдал бессонницей, с завистью вспоминал, как крепко спал он в молодости. Однажды он рассказал забавный случай. Было это в 1905 году во время

октябрьской забастовки. Костриков возглавлял стачку на станции Тайга и неделю не смыкал глаз. Приехал по делу в Томск, зашел к Поповым. Они куда-то торопились. «Вот,— говорят ему,— ватрушка с творогом, чай под ватным медведем. Ешь, пей, отдыхай, жди нас». Проводив хозяев, Сергей закрыл дверь на задвижку, прилег и мгновенно куда-то провалился навечно.

— Проснулся я и ничего не соображаю: передо мной с топором в руке стоит злющий Михаил; на полу валяются щепки, битое стекло; окна нету, дует холодный ветрюга. «Воры, что ли?» — спрашиваю дружка. «Нет,— цедит он сквозь зубы,— тебя будили...»

Киров никогда не приносил домой служебных горечей. Возвращался поздно, усталый, но внешне спокоен. И все же разным бывал дома. То кокетливо покроет голову шелковым платком жены, спрашивает: «Интересный парень? А?» — «Парень-то парень, а вот платочек хороший».— «Могу подарить» — и, чудачески расшаркавшись, вручал. То он приставал, чтобы обедали вместе с ним: не мог есть в одиночку. Часто же Сергей Миронович, придя домой, был сосредоточенным. И все понимали: обдумывает предстоящий доклад. «Для меня,— признавался он,— самое трудное найти ось, стержень доклада, отыскать свежую мысль. Если ты не можешь сказать людям ничего нового — не лезь на трибуну, не переливай из пустого в порожнее, уважай драгоценное время людей». К речам и докладам готовился сам (исключение — большие отчетные доклады). Работники Смольного предлагали ему помощь: инструкторы напишут доклад. «Нет, говорить по чужому тексту — все равно что залезть в чужой карман».

...Жители улицы Красных зорь более других ленинградцев знали Кирова в быту, чаще видели его на улице. Выходит он утром из подъезда, а детишки уже в его автомобиле. Улыбается: «Ребята, где бы и мне примоститься?» — «Дядя Сережа, лезай. На Вовкины колени!..» Влазил он, пыхтя, и машина трогалась. У Смольного Киров скажет шоферу:

— Отвези братву на Петроградскую. А Вовку я все равно сборю. Вечером во дворе!

И вот летним белым вечером во дворе дома 26/28 начинаются счастливые для детворы минуты. Киров бегает с ними вокруг штабелей дров, хватает Вовку за воротник, борется с ним. Вовка, конечно, сильнее. Он опрокидывает дядю Сережу спиной на землю, и тотчас вырастает «мала куча!»

Жильцы дома, высунувшись из окон на карнизы, весело смеются, перебрасываются фразами:

— Вы подумайте, что делает!

— Ай да сосед! И что за человек!

* *
*

Доктора Вальдмана вызвали в Смольный. Чудов и Кодацкий сказали ему: Кирова угнетают бессонница, нервное раздражение; побаливает сердце, домашний врач профессор Г. Ф. Ланг считает, что это результат сильного переутомления; на курорт Сергей Миронович ехать отказывается, в больницу не ложится, согласился недельку-другую отдохнуть в Толмачово, но с одним условием — никаких врачей! ЦК не разрешит так. Нужно перехитрить Мироныча...

Кировы приехали в Толмачово в середине ноября 1933 года. Вечер. В двухэтажном деревянном здании дома отдыха «Крутой берег» — ни души. Скучно. Единственными собеседниками за ужином были повар и дворник-истопник.

Чуть свет Киров помчался на охоту. Первый робкий, можно сказать, пробный снежок. Хорошо! В лесу тихо, слышен малейший шорох. В азартном воображении охотника бегали уже лоси, прыгали зайцы, пряталась за куст лиса. Указательный палец тянулся к спусковому курку. Но — никакого зверька, даже ворона не прошуршала над головой. И так день, другой, третий. С охоты Киров возвращался мрачный. А тут еще, как нарочно, безлюдье в доме.

— Сдохнешь от скуки. Поехали, Маруся, в Ленинград!

Мария Львовна уговорила его перенести этот разговор на утро, а сейчас совершить перед сном прогулку. Вышли. Темно. Уныло шумели верхушки голых деревьев. Тоскливо. И вдруг Сергей Миронович увидел свет в окне маленького домика, стоявшего в сторонке.

— Интересно, кто там живет?

— Давай зайдем узнаем,— сказала Мария Львовна и загадочно улыбнулась в темноту.

Постучались. Открыл пожилой человек в куртке с шерстяным начесом, сдвинул очки на морщинистый лоб.

— Мы Кировы.

— Профессор Вальдман, Владимир Александрович.

Вечер прошел благополучно — Киров был занят беседой. Правда, профессор уклонился от вопроса, над чем он здесь работает, но все же беседа интересная. Сергей Миронович готов был составить профессору общество. Не следует. Он ведь пишет какой-то научный труд.

Пару дней Киров читал книгу, а когда уставали глаза, шел на кухню, расспрашивал повара про его жизнь, семью. Польщенный повар пустился в длительную историю того, как он некогда готовил блюда королевской семье Греции. Беседовал Сергей Миронович и со сторожем-истопником, и его женой — уборщицей в доме отдыха, помогая им распиливать и колоть дрова. Больше беседовать было уже не с кем, все он пробовал делать, и непоседа снова загрустил. То он просил жену ехать в Ленинград, то допытывался: «Почему я не знаю такого профессора? Кто, о чем он тут пишет?» Мария Львовна уклончиво пожимала плечами.

Наконец пришли морозы. Утром, за завтраком, Киров взглянул в окно и увидел: профессор расчищает площадку. Допив чай, Сергей Миронович вышел, поздоровался, спросил:

— Что вы, Владимир Александрович, тут делаете?

— Каток.

Киров охотно помог ему залить каток, но сам кататься не собирался. Никогда не стоял на коньках. Зато профессор — что конькобежец-фигурист! Кирова задело самолюбие:

— А что, если и я попробую?

Мария Львовна принесла ему ботинки с коньками. Став на коньки, Киров покачнулся и, взмахнув руками, грохнулся. Вначале кататься ему помогала Мария Львовна, поддерживая его широкую спину. А когда жена не стала поспевать, он начал опираться на древко метлы. Учился настырно, а научившись, гонял на катке по два, три и более часов. Интересно!

Через неделю коньки надоели. «Крутишься, как бык на привязи. Никакого разгону нет». Мария Львовна «донесла» Вальдману о настроениях мужа. Тогда профессор предложил Кирову порыбалить вместе. Взяли кирку, снасти, пошли на реку, прорубили несколько лунок. День заглядывали в воду, продрогли, а улов — несколько окушков.

— Хм, рыбе-ешка,— недовольствовал Киров.— Давайте, профессор, с размахом!

— Давайте.

Киров настолько увлекся «с размахом», что не замечал ни времени, ни того, как дымится над прорубью мороз. Крошил лед неистово. Вид у него взъерошенный, из-под шапки стекали струйки пота. В палату вернулся усталый, продрогший.

— Эх, носочки бы теплые!

Мария Львовна подала ему шерстяные носки деревенской вязки. Он надел и, восхищаясь, прошелся по коврику. Потом: «Где взяла?» — «Молочница принесла».— «А ты уплатила?» — «Не берет».— «Как не берет? Снеси, положи на стол. Не выбросит деньги на улицу! Ну и носочки — печка!»

Рыбалка до того захватила Кирова, что он пропадал на реке с утра до вечера. Прорубил полсотни лунок, наловчился подледному лову. Профессор устал, замерз. Мария Львовна не докличется к обеду. Рыба жареная. И даже пироги с капустой! Ничто не обольщало заядлого рыбака.

Морозный, по-лесному чистый воздух, активный физический труд и временное забвение дел служебных сделали свое. Киров вновь быстро и крепко засыпал, хорошо ел, боли в области сердца прекратились. В канун нового, 1934 года он появился в Смольном посвежевшим, полон сил и желаний работать с удвоенной энергией. К нему в кабинет вошли крупнолицый, с громадной шевелюрой Чудов, бородатый Струппе, худощавый Позерн и элегантный Кодацкий, спросили в один голос:

— Ну как, Мироныч, отдохнул?

— Чертовски! Я и вас погоню в Толмачово, поочередно. Там пыхтит над книгой профессор Вальдман. Что он там марает — не знаю, а старик — прелесть! Кстати, вы не знаете, кто он по специальности?

— Как же, знаем,— ответил Чудов за всех присутствующих.— Мы его отправили в Толмачово за сутки до твоего туда отъезда. Это лучший специалист по сердечно-сосудистым заболеваниям!

Трагичный эпилог

В январе 1934 года Киров, перенеся грипп, схватил осложнение. Больным уехал он на XVII съезд ВКП(б), возглавляя делегацию Ленинграда — 132 человека! На съезде Сергей Миронович находился в президиуме, работал в комис-

сиях по проектам решений, беседовал с наркомами о нуждах экономики Северо-Запада, подбадривал ленинградцев к выступлениям в прениях, выступал и сам, дважды. Первый раз — на сильном морозе с Мавзолея, перед трудящимися Москвы, пришедшими на Красную площадь приветствовать съезд партии. Второй раз — 31 января, на утреннем заседании съезда. Когда П. П. Постышев, председательствовавший в тот день на съезде, предоставил Кирову слово, делегаты встретили его овацией.

Это была одна из самых ярких речей С. М. Кирова. Стенографистки едва успевали делать пометки: «оживление в зале», «смех, аплодисменты», «бурные аплодисменты», «голоса: «Правильно!»», «аплодисменты, смех», «шумные аплодисменты», «гром аплодисментов». Позже (на похоронах С. М. Кирова) Д. З. Мануильский говорил от имени Исполкома Коминтерна: «На XVII съезде партии товарищ Киров спел нам свою чудесную песню великих побед... гимн освобожденного труда. Ее слышат, эту песню, во всех концах земного шара».

Докладывая партии о социалистических преобразованиях города великого Ленина, Сергей Миронович заявил, что «в Ленинграде остались старыми только старые революционные традиции петербургских рабочих, все остальное стало новым» [1]. Это с трибуны XVII съезда говорил он с пафосом: «Успехи действительно у нас громадны. Черт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить...» [2]

Партия к XVII съезду ВКП(б) пришла сплоченной и монолитной. Никаких оппозиционных групп в ее рядах не было. Успехи социалистического строительства неопровержимо свидетельствовали, что социализм в нашей стране одержит полную победу.

В результате сложившегося к XVII съезду партии культа личности Сталина все успехи в строительстве социализма стали связываться с его именем. Особенно это проявилось в ряде выступлений на съезде. Однако многие делегаты съезда, прежде всего те из них, кто был знаком с завещанием В. И. Ленина, считали, что наступило время переместить Сталина с поста генсека на другую работу, потому что он, уве-

---

[1] «XVII съезд ВКП(б)». Стенографический отчет, стр. 254.
[2] Там же, стр. 258.

ровав в свою непогрешимость, начал игнорировать коллегиальность, вновь грубил.

Со съезда С. М. Киров вернулся членом ЦК и Политбюро, секретарем ЦК ВКП(б). Но вернулся домой совершенно больным: высокая температура, кашель, потеря голоса. Врачи прописали ему на две недели постельный режим. Сергей Миронович, разумеется, не лежал. Он работал: готовился к докладу об итогах XVII съезда, созванивался с Ленгорисполкомом и облисполкомом, с парткомами заводов и секретарями райкомов, принимал у себя на квартире работников Смольного, читал поступившие за его отсутствие документы, письма и т. д.

Едва выздоровев, Киров провел 27—28 февраля пленум обкома, посвященный решениям XVII съезда и задачам ленинградских большевиков. Выступал также с докладами перед коллективом «Красного путиловца» и на собрании партийного актива транспортников Северо-Запада. Приближалась уже и весна. Нужно было проверить готовность области к севу, а Ленинграда — к развороту работ по благоустройству города.

В трудовых буднях, в повседневных встречах Сергея Мироновича с рабочими, колхозниками, деятелями науки и культуры пролетели весенние месяцы. Затем — июньский Пленум ЦК ВКП(б). Вернувшись в Ленинград, Киров собрал расширенный пленум обкома, рассказал о полученной им в Москве нахлобучке за отставание Ленинградской области с завершением коллективизации сельского хозяйства и за невыполнение и без того сниженных для области планов заготовки хлеба и мясопродуктов.

После пленума Киров и другие секретари обкома выехали для оказания помощи отстающим районам: Стругикрасненскому, Дновскому, Новоржевскому. За лето 1934 года Сергей Миронович побывал также на «Электросиле», Ижорском и других заводах, на сланцевых рудниках Гдова, в ряде продовольственных магазинов Ленинграда и пригородов. 18 августа он присутствовал в аэропорту на празднике Дня авиации.

Приближался отпуск. Как провести его? Кирова стала мучить изжога, все прикладывался к соде. Надо бы поехать на Кавказ попить там минеральной воды прямо из источника.

Или не обращать внимания на повышенную кислотность, уехать на Псковщину да вдоволь поохотиться?

Ни того, ни другого. Сталин вызвал Кирова к себе в Сочи. Там уже был и секретарь ЦК А. А. Жданов. Вначале Сталин предложил Сергею Мироновичу съездить в Казахстан помочь в уборке и заготовке хлеба. Урожай там невиданно богатый, и нужно его вовремя убрать. А затем, по возвращении из Казахстана, перейти на работу в Москву, в Секретариат ЦК ВКП(б). Поездку в Казахстан Сергей Миронович принял как указание, а от перехода на работу непосредственно в аппарат ЦК тактично уклонился — попросил оставить его в Ленинграде до конца второй пятилетки и завершения реконструкции города.

Сталин согласился. В Сочи Сталин и Жданов работали над замечаниями по учебнику истории СССР. Предложили и Кирову остаться на недельку, принять участие в обсуждении высказанных Сталиным мыслей. Киров даже смутился:

— Иосиф Виссарионович, ну какой же я историк?

— Ничего, садись и слушай!

...Секретарь Казахстанского крайкома партии Леон Мирзоян, узнав о предстоящем приезде Кирова, запросил его телеграммой о дне приезда, чтобы встретить в Алма-Ате со всеми почестями члена Политбюро и своего друга по Кавказу. Сергей Миронович ответил телеграммой-молнией: «Категорически протестую... Никаких встреч, рапортов и прочее» [1].

Почти весь сентябрь 1934 года С. М. Киров пробыл в Казахстане. Алма-Ата — Семипалатинск — Актюбинск... Срочные пленумы, совещания, летучие митинги... Шесть тысяч километров по колхозам, совхозам, полям республики. Лицо и шея Кирова горят от солнца и жаркого ветра. Автомобиль запылен. В ночи из ярких фар выпрыгивает заяц, шарахается низкозадый волк. Голова шофера клонится к баранке, но Сергей Миронович толкает его в бок: «Не спать! Говорите или пойте!»

Всколыхнул Мироныч людей, поднял на круглосуточную уборку хлебов, по-ударному организовал обмолот. Но вот

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 80, оп. 18, ед. хр. 60.

беда: не хватает транспорта. Дожди хлынут со дня на день, и горы зерна прорастут под открытым небом. Киров телеграфирует секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Жданову о нехватке вагонов для вывоза хлеба, просит немедленно прислать 200 грузовых автомобилей. Другую телеграмму посылает в НКПС А. А. Андрееву, сообщая наркому, что строительство железнодорожных участков Рубцово — Ридер и Караганда — Балхаш прервалось из-за отсутствия костылей и 60 километров рельсов. Измотанный, разозленный Киров напустился на своего друга Мирзояна, крепко бранил его за грубое администрирование и плохую подготовку к уборке богатого урожая.

Вместе с тем Киров бомбардирует телеграммами Смольный, настаивая на быстрейшей подготовке Ленинграда к зиме. Обком отвечает ему, что в Ленинградской области идут холодные дожди, заготовка овощей и торфа под угрозой. Сергей Миронович шарит в карманах — бумаги нет, отрывает угол газеты, пишет срочную телеграмму М. С. Чудову: «Одинаково с тобой беспокоюсь за наши планы в связи с плохой погодой. Должна же она, сволочь, измениться к лучшему... Здесь, наоборот, очень сухо и чертовская жара. Народ прямо задыхается» [1].

С. М. Киров вернулся из Казахстана 1 октября. 9-го числа он выступил с речью на объединенном пленуме ленинградских областного и городского комитетов ВКП(б). Очередное деловое выступление. Но эта речь стала в известной мере завещанием Кирова ленинградским большевикам. Сергей Миронович призывал вести борьбу с зазнайством и самоуспокоенностью, развивать критику и самокритику, неуклонно выполнять заветы Ильича, подымать уровень марксистско-ленинского воспитания трудящихся. «Нужно,— говорил он,— чтобы нам в повседневной практической работе всегда сопутствовала большевистская, честная, благородная, внутренняя тревога за дело партии» [2].

Главной заботой Кирова в октябре было завершение подготовки города к зиме, обеспечение ленинградцев картофелем, овощами, топливом. В эти дни Сергей Миронович посетил стройки жилого дома для рабочих завода «Пролетарий», кинотеатра «Гигант», Дома Советов Нарвского района, побы-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 80, оп. 18, ед. хр. 61—64.

[2] *С. М. Киров.* Избранные статьи и речи, стр. 164.

вал на сооружении железнодорожной перемычки в Автово, где маневренные паровозы задерживали продвижение трамваев и на что жаловались рабочие «Красного путиловца». Осматривал Киров и новые автобусы, и трамвайные вагоны новой конструкции. 5 ноября он принял в Смольном делегацию завода имени Свердлова, интересовался освоением новых типов станков, поделился с членами делегации своими воспоминаниями о Якове Михайловиче. 6-го числа днем провел заседание секретариата обкома партии, вечером присутствовал на торжественном заседании, посвященном 17-й годовщине Октября, а 7-го приветствовал с трибуны на Дворцовой площади парад войск и праздничную демонстрацию трудящихся Ленинграда.

После ноябрьских праздников Киров осматривал выставку текстильного производства, размещенную в текстильном институте. Работы много, домой возвращался, как всегда, очень поздно — в одиннадцатом часу вечера, усталый и голодный. Больше всего Киров налегал в ту последнюю свою осень на досрочное выполнение производственной программы второго года второй пятилетки, мобилизуя на это партийные, профсоюзные и комсомольские организации.

25—28 ноября 1934 года в Москве состоялся Пленум ЦК ВКП(б). Самое радостное решение Пленума — отмена с 1 января 1935 года карточной системы на хлеб, муку и крупы. Событие в истории Советской власти знаменательное! Настроение членов ЦК приподнятое. Чудесное оно и у Кирова, тем более что на Пленуме тепло отозвались о работе ленинградской партийной организации.

Сергей Миронович вскочил в «красную стрелу», когда поезд уже трогался. Чудов, Кодацкий и другие ленинградские участники Пленума ЦК с беспокойством встретили его в тамбуре вагона: не случилось ли чего в пути?

— Да нет. Серго хотел, чтобы я остался у него на денек...

30 ноября — обычный рабочий день Кирова. С утра он был в Смольном, проверял готовность к завтрашнему собранию партийного актива во дворце имени Урицкого (Таврическом). Послезавтра объединенный пленум ОК и ЛГК ВКП(б) с повесткой дня: «Практические мероприятия по проведению в жизнь решений ноябрьского Пле-

нума ЦК ВКП(б)» и «О ходе заготовок льна и леса». Такие крупные мероприятия требуют напряжения всех сил Смольного. Коллектив обкома и горкома работает, правда, слаженно. Но в спешке могут допустить и оплошности. Нужно лично все проверить, ознакомиться с проектами решений.

После этого Киров позвонил Кодацкому: «Иван Федорович, зайди!» И также — Струппе: «Петр Иванович? Жду!» Председатели Леноблсовета и Ленсовета пришли. Началась беседа. На исполкомы ложится основная тяжесть работы по подготовке к отмене карточной системы. Решив все вопросы, Сергей Миронович проводил Кодацкого и Струппе до приемной.

В эту минуту в приемную вошла официантка смольнинской столовой со стаканом крепкого чая на подносе. Киров изумился:

— Как? Уже полдень?.. Спасибо, девушка, чайку попью дома.

Сев у подъезда в автомобиль, Киров сперва поехал в Автово, проверил строительство моста пущинской «пересечки». Из Автово направился на стройку рабочего городка каменноостровского массива. Затем посетил стройки Выборгской стороны в Лесном... На Петроградскую, домой, Киров вернулся только к вечеру.

Обычно началось в Ленинграде и 1 декабря. Позднее пасмурное утро; кудрявился над заводскими трубами дым; бежали в школу дети; торопились в бакалею домохозяйки. Ленинградцы, как и все советские люди, не подозревали, что в спокойной симфонии их мирного образа жизни уже назрел и прозвучит в тот день зловещий аккорд — событие на этот раз с далеко идущими, *трагическими* для многих последствиями.

...С. М. Киров закончил подготовку к докладу в четвертом часу дня. Вкладывая торопливо исписанные листки блокнота в нагрудный карман гимнастерки, он думал, что руководители районов области, наверное, уже едут в Ленинград, в Таврический дворец, на собрание партийного актива по итогам ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б). Мария Львовна и домработница хотели подавать ему обед в столовую, но Киров присел за кухонным столом, наскоро поел, надел осеннее пальто, неизменную свою фуражку защитного цвета и позвонил в Смольный: «Выезжаю». Перед уходом Сер-

гей Миронович полистал календарь и в шутку спросил жену:

— Маруся, а когда последний раз был у меня «день рождения»?

— Ладно уж, вечером пироги с капустой будут тебя ждать. И чай крепкий приготовлю. Сама заварю.

Киров улыбнулся довольный, обнял Марию Львовну:

— Эх, дорогая, событие-то какое надвигается! Вот отменим карточки на хлеб, тогда каждый день будем справлять «день рождения»!

У подъезда Сергей Миронович поздоровался с шофером Юдиным и своим охранником, сел в машину.

Въехали на Троицкий мост — самый красивый мост через Неву. Не знал секретарь обкома и ЦК, что завтра по этому мосту с Петроградской стороны потянется траурная процессия до самого Таврического, на фронтоне которого будет висеть большой портрет, овитый черно-красными лентами. Его, Кирова, портрет. Тридцать лет Мироныч беззаветно служил трудовому народу, борьбе партии за светлое будущее. Помнит каждый год тяжелой битвы за социализм, зазубринами они в памяти, в морщинах, в сединах. Но самое интересное впереди. Сколько замечательных дел! Так хочется жить и жить!

Не ведал Мироныч, не догадывался, что через каких-нибудь пятнадцать минут, в половине пятого... Хоть бы вышел из автомобиля, последний раз взглянул бы на Ленинград, на город, который он так полюбил. Нет, едет, торопится, смотрит, как убегает под радиатор мокрый асфальт со смятым снегом. Смотрит вперед и подсчитывает в уме, какую нужно производительность хлебозаводов, чтобы бесперебойно, сполна накормить народ хлебом. В Ленсовете такую справку к его докладу уже подготовили, сдали в особый сектор обкома. Но прежде нужно зайти к Чудову. У него важное совещание. Как оно там проходит?

Войдя в здание Смольного, Киров перестал слышать шаги сопровождающего его лица личной охраны. Усмехнулся: «Припекло, должно быть, раз отлучился...» — и, не ожидая, стал подниматься на третий этаж.

Сергей Миронович, сворачивая к кабинету второго секретаря обкома, на миг остановился, чтобы открыть дверь. И тут раздался выстрел, глухо, в упор, в затылок. Киров качнулся, как-то неопределенно полуобернулся и сильно

ударился лбом о паркет. Фуражка описала торцом полудугу и плашмя легла у шеи, шевелясь на струйке горячей крови.

Вечером Ленинград погрузился в глубокий траур. Жалобно стонало радио. В ту ночь не спали ленинградцы, потрясенные страшным горем. Люди рыдали в цехах, на улицах, дома...

Кто организовал террористический акт?

«Чем глубже мы изучаем материалы, связанные со смертью Кирова,— говорил на XXII съезде партии Н. С. Хрущев,— тем больше возникает вопросов. Обращает на себя внимание тот факт, что убийца Кирова раньше дважды был задержан чекистами около Смольного и у него было обнаружено оружие. Но по чьим-то указаниям оба раза он освобождался... И почему-то получилось так, что в момент убийства начальник охраны Кирова далеко отстал от С. М. Кирова, хотя он по инструкции не имел права отставать на такое расстояние от охраняемого.

Весьма странным является и такой факт. Когда начальника охраны Кирова везли на допрос, а его должны были допрашивать Сталин, Молотов и Ворошилов, то по дороге, как рассказал потом шофер этой машины, была умышленно сделана авария теми, кто должен был доставить начальника охраны на допрос...

Таким путем был убит человек, который охранял Кирова. Затем расстреляли тех, кто его убил. Это, видимо, не случайность, это продуманное преступление. Кто это мог сделать?.. Значит, кому-то надо было сделать так, чтобы они были уничтожены, чтобы замести всякие следы.

Много, очень много еще не выясненных обстоятельств...» [1]

* *
*

Похороны С. М. Кирова состоялись в столице 6 декабря 1934 года. Красная площадь и прилегающие к ней улицы и площади, казалось, прогибались от скопления народа. Полтора миллиона москвичей. Десятки тысяч ленинградцев, приехавшие в вагонах, на буферах, на крышах поездов товарных и пассажирских. Томичи, северокавказцы, бакинцы,

---

[1] «Материалы XXII съезда КПСС». Госполитиздат, 1961, стр. 251—252.

грузины, армяне, украинцы и белорусы, из Астрахани и других краев страны. В числе делегации Уржума — сестры Кирова: Анна Мироновна и Елизавета Мироновна, друг детства Сережи Кострикова Александр Самарцев. Приехали проститься с Кировым его ученики и соратники, ставшие теперь крупными деятелями СССР. Не смогла прибыть только первая воспитательница Сережи — Юлия Константиновна Глушкова: больна и слишком стара.

Велика, неутешна была печаль. В Кремль пришло свыше трех тысяч телеграмм соболезнования со всех концов нашей необъятной Родины, из многих зарубежных стран. В течение многих дней на траурных митингах произносились добрые отзывы о незабвенном Мироныче; ленинградцы острее всех переживали утрату Кирова, но они не пали духом, они будут работать *по-кировски.*

Мысли миллионов советских людей о С. М. Кирове хорошо выразил А. М. Горький: «Убит прекрасный человек, один из лучших вождей партии, идеальный образец пролетария, мастера культуры». Моряки назвали Кирова своим флагманом, комсомол — любимым другом молодежи. А колхозное крестьянство свои чувства выразило устами сказителя:

Красные знамена с черною каймой,
Что вы нынче свесились над родной землей?
Что кумач ваш алый трауром повит?
И знамена молвят: «Киров, вождь, убит».
Но тогда, знамена, я дивлюся вам:
Почему вы черные только по краям?
Почему, как прежде, ярок перелив?
И знамена молвят: «Киров вечно жив»...

С. М. Киров жив в нашем победном шествии к коммунизму, о котором он так мечтал и к которому так стремительно рвался. Он, Киров, войдет с нами в это общество Почетным гражданином.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

выпустило следующие биографические очерки

КУЦЕНТОВ Д. Г. **Деятели петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».**
163 стр., цена 18 коп.

ЛЕЖАВА О., НЕЛИДОВ Н. **М. С. Ольминский.**
240 стр., цена 30 коп.

ЛЕЙБЕРОВ И. **Пламенный солдат революции** (Н. И. Подвойский).
120 стр., цена 15 коп.

МОГИЛЕВСКИЙ Б. **Никитич** (Леонид Борисович Красин).
112 стр., цена 14 коп.

ПЛАТОВ В. С. **Александр Ваганов.**
62 стр., цена 7 коп.

У ИСТОКОВ ПАРТИИ. Рассказы о соратниках В. И. Ленина.
576 стр., цена 95 коп.

ФЛЕРОВ В. **Боец революции М. И. Сычев** (Франц Суховерхов).
56 стр., цена 7 коп.

МЕЛЬЧИН А. **Станислав Косиор.**
80 стр., цена 10 коп.

ПАВЕЛ ПОДЛЯЩУК. **Товарищ Инесса.** Документальная повесть.
167 стр., цена 20 коп.

ТРУКАН Г. **Ян Рудзутак.**
96 стр., цена 11 коп.

ЗУБОВ Н. **Ф. Э. Дзержинский.**
335 стр., цена 61 коп.

КОЛОТОВ В., ПЕТРОВИЧЕВ Г. **Н. А. Вознесенский.**
48 стр., цена 5 коп.

ИОГАНСОН О. **Дорогой борьбы** (М. А. Трилиссер).
48 стр., цена 5 коп.

БИНЕВИЧ А., СЕРЕБРЯНСКИЙ З. **Андрей Бубнов.**
80 стр., цена 11 коп.

БОЛЬШЕВИКОВ П., ГОРБУНОВ Г. **Ольга Афанасьевна Варенцова.**
64 стр., цена 8 коп.

ИТКИНА А. **Революционер, трибун, дипломат** (А. М. Коллонтай).
128 стр., цена 16 коп.

ЛИСОВСКИЙ Н. **П. В. Точисский — один из организаторов первых марксистских кружков в России.**
64 стр., цена 9 коп.

МАКАРОВ Г. **Рабочий-революционер Петр Заломов.**
48 стр., цена 6 коп.

Красников Степан Васильевич.

СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ КИРОВ. Жизнь и деятельность. М., Политиздат, 1964.
205 с. с илл.

3КП1(092)

Редактор *А. Дмитренко*

Художник *Б. Резникович*

Художественный редактор *Н. Симагин*

Технический редактор *Ю. Мухин*

Сдано в набор 13 мая 1964 г. Подписано в печать 21 августа 1964 г. Формат $60 \times 84^1/_{16}$. Физ. печ. л. 13 + $^3/_4$ (вкладки). Условн. печ. л. 12,51. Учетно-изд. л. 11,4. Тираж 140 тыс. экз. А 07234. Заказ № 2250. Цена 31 коп.

Работа объявлена в Т. п. 1964 г., № 51.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата. Москва, Краснопролетарская, 16.

